

Материалы секций

АРХЕОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ

ЭТНОГРАФИЯ

10-20 апреля 2022

НОВОСИБИРСК

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МНСК-2022

АРХЕОЛОГИЯ • ИСТОРИЯ • ЭТНОГРАФИЯ

Материалы
60-й Международной научной студенческой конференции

10–20 апреля 2022 г.

Новосибирск
2022

УДК 902; 93/94; 39
ББК 63.4я431; 63; 63/5
А87

А87 Археология. История. Этнография : Материалы 60-й Междунар. науч. студ. конф. 10–20 апреля 2022 г. / Новосиб. гос. ун-т. — Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2022. — 282 с.

ISBN 978-5-4437-1294-9

Данное издание представляет собой публикации тезисов 60-й Международной научной студенческой конференции 2022 года (МНСК-2022) следующих секций: «Археология» (археология каменного века, палеометалла и Средневековья, школьная подсекция); «История» (проблемы российской и зарубежной истории с древнейших времен до наших дней); «Этнография» (традиционная культура и современные этнические процессы народов Сибири и сопредельных территорий, школьная подсекция).

Материалы конференции представляют интерес для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников, сотрудников образовательных учреждений.

**УДК 902; 93/94; 39
ББК 63.4я431; 63; 63/5**

ISBN 978-5-4437-1294-9
DOI 10.25205/978-5-4437-1294-9

© СО РАН, 2022
© Новосибирский государственный университет, 2022

SIBIRIAN BRANCH OF RAS
MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY

ISSC-2022

ARCHAEOLOGY • HISTORY • ETHNOGRAPHY

Proceedings
of the 60th International Scientific Student Conference

April, 10–20, 2022

Novosibirsk
2022

УДК 902; 93/94; 39
ББК 63.4я431; 63; 63/5
А87

A87 Archaeology. History. Ethnography : Proceedings of the 60th International Scientific Student Conference. April, 10–20, 2022 / Novosibirsk State University. — Novosibirsk : IPC NSU, 2022. — 282 p.

ISBN 978-5-4437-1294-9

This edition represents the publications of the 60th International Scientific Student Conference 2022 (ISSC-2022) theses from the following sections: Archaeology (archaeology of the Stone Age, Paleometal Epoch and Middle Ages, school subsection), History (problems of Russian and foreign history from ancient times to the present day), and Ethnography (traditional culture of the peoples of Siberia and adjacent territories and modern ethnic processes, school subsection).

These Conference proceedings can be of interest for students, Ph.D. candidates, professors, scientists, and members of educational institutions.

УДК 902; 93/94; 39
ББК 63.4я431; 63; 63/5

ISBN 978-5-4437-1294-9
DOI 10.25205/978-5-4437-1294-9

© SB RAS, 2022
© Novosibirsk State University, 2022

АРХЕОЛОГИЯ

Научный руководитель секции — академик РАН, проф. *В. И. Молодин*

Председатель секции — чл.-корр. РАН, проф. *А. И. Кривошапкин*

Ответственный секретарь секции — канд. ист. наук, доцент *С. В. Алкин*

Экспертный совет секции

д-р ист. наук *Л. Н. Мыльникова*

д-р ист. наук *С. П. Нестеров*

канд. ист. наук, доцент *О. И. Новикова*

канд. ист. наук *А. Ю. Борисенко*

канд. ист. наук, доцент *О. А. Митько*

канд. ист. наук *М. С. Нестерова*

канд. ист. наук *М. Б. Козликин*

ARCHAEOLOGY

Section scientific supervisor — Acad. of RAS, Prof. *V.I. Molodin*

Section head — Corr. Member of RAS, Prof. *A.I. Krivoshapkin*

Section responsible secretary — Cand. Hist., Assoc. Prof. *S.V. Alkin*

Section scientific committee

Dr Hist. *L.N. Mylnikova*

Dr Hist. *S.P. Nesterov*

Cand. Hist., Assoc. Prof. *O.I. Novikova*

Cand. Hist. *A. Ju. Borisenko*

Cand. Hist., Assoc. Prof. *O.A. Mitko*

Cand. Hist. *M.S. Nesterova*

Cand. Hist. *M.B. Kozlikin*

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА

УДК 902.01

Опыт экспериментального моделирования кострищ в Ферганской долине

И. Е. Дедов

Новосибирский государственный университет
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Следы огня, обнаруженные на археологических памятниках, являются важным археологическим источником, их анализ позволяет реконструировать особенности быта и адаптационных стратегий древнего человека. Экспериментальное моделирование кострищ в сочетании с мультидисциплинарным подходом в изучении следов и остатков горения позволяет наиболее точно подтверждать или опровергать некоторые полевые наблюдения и возникающие на их основе реконструкции [1]. В рамках настоящего исследования мы попытались реконструировать параметры пироженных объектов, обнаруженных в процессе раскопок голоценовых отложений стратифицированных памятников Ферганской долины (Сурунгур, Сульунгур и Обишир-5), и определить условия их функционирования. Экспериментальные исследования велись в трех основных направлениях.

Различные типы топлива сжигались для дальнейшего анализа получившихся топливных остатков в лабораторных условиях комплексом физико-химических методов. В качестве топлива были выбраны материалы, доступные и собранные в географическом регионе исследования: кустарник (терескен), древесина (тополь, крупные ветки), кизяк (высушенный навоз) и солома. Была опробована методика определения остатков сгоревшего на памятниках Ферганы топлива на основе сравнения органического и неорганического состава продуктов горения с археологических памятников и эталонных образцов грунта с экспериментальных кострищ. Лабораторные работы с образцами проводились в Институте катализа им. Г. К. Борескова СО РАН.

Другим экспериментальным направлением стало изучение процессов археологизации остатков горения с сопутствующими контрольными измерениями температуры прогрева грунта, происходящего в результате функционирования серии кострищ и очажных конструкций на одном и том же месте. На данный момент результаты эксперимента позволили нам установить динамику в изменении теплопроводности суглинистых грунтов, соответствующих отложениям Ферганских голоценовых комплексов, и определить соотношения температур центра — периферии экспериментальных участков, причем как поверхностных, так и на различной глубине. Полученные в процессе экспериментального моделирования данные особенно полезны для верификации результатов, проводившихся ранее в Ферганской долине петромагнитных исследований [2; 3].

Третье направление сопряжено с попытками интерпретировать наличие в культуросодержащих слоях памятников Сурунгур и Обишир-5 разрозненных, подвергнувшихся значительному термическому воздействию обломков горных пород. С помощью экспериментального моделирования планировалось определить, могли ли они составлять выкладку древних очажных конструкций или приобрели свои свойства случайно, без влияния человеческого фактора. Проведены эксперименты с многократными высокотемпературными прогревами сланцевых пород, галечника и кварцитов, пережженные аналоги которых были обнаружены в процессе работ на памятниках Ферганы. Результаты наблюдений свидетельствуют о том, что обожженные галечники, найденные в слое 2 памятника Сурунгур, с большой вероятностью могут быть элементами разрушенных выкладок древних теплотехнических конструкций.

1. Prevost-Demarkar S. Les fours néolithique de Dikili Tash (Macédonie, Grèce): une approche experimentale des technique de construction des voute en terre a batir // Le feu domestique et ses structures au néolithique et aux ages des métaux, Actes du colloque Intern. de Bourg-en Bresse et Beaune, 7–8 Octobre 2000. Montagnac: ed. Monique Mergoil. 2003. Pp. 215–224.
2. Кулакова Е. П., Дедов И. Е., Мещерякова О. А., Курбанов Р. Н. Опыт экспериментального изучения петромагнитных индикаторов археологических палеокострищ на примере лёссов Киргизии // Геосферные исследования. 2021. № 1. С. 104–122.
3. Дедов И. Е., Кулакова Е. П., Шашков М. В., Жданов Е. В., Пархомчук А. А., Чаргынов Т., Шнайдер С. В. Междисциплинарное изучение пеплосодержащих прослоев на памятнике Сурунгур в Ферганской долине (Южный Кыргызстан) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2021. Т. 49, № 4. С. 24–36.

Научные руководители — канд. ист. наук О. А. Митько,
канд. хим. наук М. В. Шашков

УДК 903.01(571.17)«6325»

Долотовидные изделия финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)

А. С. Деревнина

Новосибирский государственный университет

Первые памятники палеолита в Кузнецкой котловине — Кузедеево-1, Кузедеево-2 и Старокузнецкое-1 — были обнаружены и изучены А. П. Окладниковым в 1962 г. [1].

Планомерные исследования палеолитических объектов региона начались в 1975 г. С. В. Маркиным, открывшим более 30 местонахождений в долинах рек Томь, Кондома и Мрассу. На основе анализа каменных индустрий наиболее изученных памятников (Бедарево-2, Ильинка-2 и др.) им была выделена бедаревская верхнепалеолитическая культура [2].

На данный момент в регионе выявлено более 50 местонахождений эпохи палеолита [2; 3].

Поселение Тайлеп-2 было открыто в 2003 г. Ю. В. Шириним [3]. В 2020 г. на объекте были проведены спасательные археологические работы, в результате которых выявлено три культурных горизонта: 1) ранний железный век — этнографическая современность; 2) мезолит — ранний неолит; 3) финальный верхний палеолит [4].

Местонахождение расположено в юго-западной оконечности Кузнецкой котловины у схождения границ Салаирского кряжа, Горной Шории и Кузнецкого Алатау, на I надпойменной террасе р. Кондома [5].

Сырьевой базой каменного производства комплекса служил местный русловой галечник, в основном представленный кремнистыми породами. Галечное сырье по большей части негабаритное, трещиноватое [4].

Коллекция каменных артефактов культурного горизонта 3 насчитывает 10 755 экз., в том числе 114 нуклеусов и их преформ, 3 620 сколов, 705 орудий и 6 316 экз. отходов расщепления.

Орудийная коллекция комплекса многочисленна, достигает 16 %, представлена скребками, долотовидными и ножевидными изделиями, скреблами, ретушированными отщепами, пластинами, пластинками, микропластинами и фрагментами орудий.

В данной работе изложены результаты изучения долотовидных изделий (ДИ) культурного горизонта 3.

ДИ — это миниатюрные предметы прямоугольной формы, на двух окончаниях которых (реже по периметру) фиксируются забитости и двусторонняя чешуйчатая ретушь. Вопрос о функциональном назначении ДИ дискуссионный: они рассматриваются как биполярные нуклеусы, орудия или отходы производства [6].

В орудийном комплексе Тайлепа-2 доля ДИ высока — 108 экз. (15 %). Модификации могут быть различными: обнаружены одно- (38 экз.), дву- (52 экз.), трех- (10 экз.), четырехлезвийные (2 экз.) и фрагменты (6 экз.).

Все ДИ оформлены на отщепах. У 54 % изделий зафиксированы остатки галечной корки. Анализ линейных параметров ДИ не выявил зависимости размеров от количества рабочих лезвий. Размеры ДИ варьируют от 13,2 до 53 мм в длину, от 9,7 до 65,1 мм в ширину, от 4 до 22 мм в толщину. Большинство изделий находится в диапазоне длины 25–34 мм, ширины 21–27 мм и толщины 7–13 мм.

Использование исключительно отщепов в качестве заготовок вызвано, вероятно, невозможностью изготовления ДИ на пластинах вследствие недостаточной массивности последних для сохранения прочности. Наличие галечной корки на значительной части ДИ свидетельствует о том, что для получения заготовок не применялась практика полной декортикации, а для изготовления орудий использовались первичные и полупервичные сколы. Преобладание в коллекции одно- и двулезвийных ДИ может объясняться редкими случаями переориентации орудий данного типа: из-за больших запасов сырья ставшие непригодными изделия чаще выбрасывались, нежели переоформлялись.

Доподлинно утверждать, что все ДИ коллекции Тайлепа-2 принадлежат к орудиям, нуклеусам или отходам производства, на данный момент затруднительно. Обоснованное определение функциональной направленности изделий возможно в дальнейшем при помощи экспериментального расщепления.

1. Окладников А. П. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у поселка Аил (село Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул. 1968. С. 57–70.
2. Маркин С. В. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск. 1986. 176 с.
3. Барышников Г. Я., Кунгуров А. Л., Маркин М. М., Семибратов В. П. Палеолит Горной Шории. Барнаул. 2005. 279 с.
4. Тимощенко А. А., Бычков Д. А., Ахметов В. В., Когай С. А., Павленок Г. Д., Белан О. В. Материалы финального верхнего палеолита стоянки Тайлеп-2 (по результатам спасательных работ 2020 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 932–936.
5. Тимощенко А. А., Бычков Д. А., Ахметов В. В., Павленок Г. Д., Когай С. А., Белан О. В., Дудко А. А., Веретенников А. В. Результаты спасательных археологических работ на поселениях Тайлеп-1 и Тайлеп-2 в Новокузнецком районе Кемеровской области — Кузбасса в 2020 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 937–943.
6. Харевич А.В., Харевич В.М., Федорченко А.Ю., Колобова К. А. Экспериментальный анализ долотовидных изделий из верхнепалеолитических комплексов Центральной Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 5. С. 55–68.

Научный руководитель — канд. ист. наук С. А. Когай

УДК 902+562/569

Микроскопия скорлупы страуса и изделий из нее с плейстоценовых и голоценовых местонахождений Монголии

И. Д. Долгушин

Новосибирский государственный университет

Одним из наиболее ярких аспектов взаимодействия страуса и древнего человека было использование последним скорлупы страусиных яиц — толщина и крепость позволяет применять ее как в качестве контейнеров для хранения и транспортировки жидкостей и сыпучих продуктов, так и в качестве сырья для изготовления различных изделий, в том числе предметов искусства [1; 2].

В Монголии обнаружены бусины из страусиной скорлупы и ее необработанные фрагменты [3; 4].

Для реконструкции видового разнообразия страусов Центральной Азии, изучения эволюции птиц в плейстоцене — раннем голоцене ключевую роль играет точное определение видов вымерших страусов. Оно может быть проведено при помощи морфологического анализа скорлупы с использованием микроскопа, поскольку для каждого вида характерна определенная толщина и специфический рисунок пор на поверхности [3].

В плейстоценовую эпоху в Азии обитало несколько видов страусов, однако к позднему плейстоцену на территории современной Монголии сохранился лишь один вид. Долгое время считалось, что этим видом был *Struthio asiaticus* [5]. В недавней статье К. Е. Михайлова и Н. В. Зеленкова [6] опубликованы результаты проведенного авторами морфологического анализа фрагментов скорлупы, которые указывают на их принадлежность к другому виду, *Struthio anderssoni*, на основании чего делается вывод, что именно он, а не *Struthio asiaticus* обитал в позднеплейстоценовое время в Центральной Азии. Однако авторы рассмотрели лишь небольшое число образцов (шесть фрагментов скорлупы из Монголии и Забайкалья), и их выводы требовали дополнительной верификации.

К аналогичным выводам пришли Э. Буффето и Д. Ангст на материалах костных останков с местонахождений бассейна Нихэвань в Северном Китае [7].

Мы располагаем значительной выборкой с территории Монголии, включающей как необработанные фрагменты, так и изделия. Всего исследовалось 10 образцов.

Для проведения морфологического анализа образцы исследовались под микроскопом Zeiss/CL 9000 LED + AxioCam 208 color Zeiss (на базе лаборатории PaleoData, ЦКП «Геохронология кайнозоя», Новосибирск), при увеличении: $\times 0,63$; $\times 1,0$; $\times 1,6$; $\times 2,0$. На полученных снимках измерялись диаметры пор и расстояние между ними, диаметры скоплений пор. Для бусин проведение измерений затруднялось плохой сохранностью внешнего слоя и малой площадью образца, что требовало внимательного учета всех типов пор, наблюдаемых на поверхности. Также измерялась толщина каждой бусины или фрагмента скорлупы.

Анализ, проведенный вместе с палеонтологом, кандидатом географических наук А. М. Клементьевым (Иркутск), показал, что все изученные образцы относятся к виду *Struthio anderssoni*, что согласуется с представлением о нем как о единственном позднеплейстоценовом-раннеголоценовом виде страуса в Монголии [3; 6].

На основании полученных данных мы можем сделать вывод, что древние жители Монголии для изготовления предметов искусства использовали преимущественно свежую скорлупу, принадлежащую страусам современного им вида.

1. Janz L., Elston R. G., Burr G. S. Dating North Asian surface assemblages with ostrich eggshell: implications for palaeoecology and extirpation // *Journal of Archaeological Science*. 2009. Vol. 36. Pp. 1982–1989.
2. Werner J. J., Miller J. M. Distinguishing stone age drilling techniques on ostrich eggshell beads: An experimental approach // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018. Vol. 22. Pp. 108–114.
3. Клементьев А. М., Долгушин И. Д., Рыбин Е. П., Базаргур Д., Цэрэндагва Я., Болорбат Ц., Гунчинсүрэн Б., Олсен Дж. У., Хаценович А. М. Морфологический анализ скорлупы яиц страуса из плейстоценовых и голоценовых местонахождений Монголии // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Т. XXVII. С. 134–141.
4. Хаценович А. М., Рыбин Е. П., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Агарагдулгуун Г., Маргад-Эрдэнэ Г. Человек и *Struthio asiaticus*: страница палеолитического искусства в восточной части Центральной Азии // *Известия Иркутского Государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»*. 2017. Т. 21. С. 80–106.
5. Михайлов К. Е., Курочкин Е. Н. Скорлупа яиц ископаемых *Struthioniformes* из Палеарктики и ее место в системе представлений об эволюции *Ratitae* // *Ископаемые рептилии и птицы Монголии. Труды совместной Советско-монгольской палеонтологической экспедиции*. 1988. Вып. 34. С. 43–65.
6. Mikhailov K. E., Zelenkov N. The late Cenozoic history of the ostriches (*Aves: Struthionidae*), as revealed by fossil eggshell and bone remains // *Earth Science Reviews*. 2020. Vol. 208. P. 103270
7. Buffetaut E., Angst D. A. Giant Ostrich from the Lower Pleistocene Nihewan Formation of North China, with A Review of the Fossil Ostriches of China // *Diversity*. 2021. Vol. 13. P. 47.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. М. Хаценович

УДК 902/903

Древнейшие свидетельства заселения Патагонии человеком

Д. С. Дружинин

Новосибирский Государственный университет

Патагония — это обширная территория, расположенная на северо-востоке Аргентины, в части Чили и Уругвая к югу от рек Рио-Негро и Лимай.

В чилийской части Северной Патагонии находятся три основных памятника: Монте Верде, Марифило-1 и Чинчиуапи. Монте Верде в Центральном Чили является одним из самых спорных памятников континента, и, возможно, одним из древнейших [4, с. 132].

Датировки разнятся от 12,5 до 14,5 тыс. л. н. Несмотря на то, что ранняя датировка не бесспорна, в целом памятник считается предшествующим культурам желобчатых наконечников (fluted points), он сыграл важную роль в смене парадигмы «Кловис первый» (Clovis First). Чинчиуапи датирован ок. 12,4 тыс. л. н., тогда как Марифило-1 — ок. 10,2 тыс. л. н. Три этих памятника демонстрируют важность лесной зоны в раннем заселении Патагонии. В регионе присутствуют также другие следы освоения (наконечники в Ночако) и многочисленные кости мастодонта, но четкого археологического контекста в лесной зоне больше нет [2, р. 61].

В аргентинской части Северной Патагонии ключевыми являются три пещеры вдоль бассейна реки Лимай в Восточных Андах: Трафуль, Куйин Мансано и Эль Треболь. К востоку от реки на степных лугах располагается пещера Эпуян Гранде. В пещере Трафуль уни- и бифасиальные орудия датированы между 9,4 и 9,2 тыс. л. н. В Куйин Мансано обнаружены скребки и кости гуанако, в Эль Треболь — каменные артефакты и кости наземных ленивцев (семейство *Mylodontinae*) со следами разделки и термообработки. Особенно интересна пещера Эпуян-Гранде с унифасами из базальта и обсидиана, страусиными костями (*Pterocnemia pennata*) и скорлупой, а также активной эксплуатацией кактусовых. На нижних уровнях пещеры, между 10 и 7,1 тыс. л. н., встречаются гравированные изображения.

В Южной Патагонии основные памятники представлены пещерами Фелл и Пали-Айке вблизи Магелланова пролива. В 1920–1930-х гг. Дж. Бёрд занимался здесь пионерными раскопками. Пещеры отличаются четкой стратиграфией, большим количеством артефактов из камня и кости, следами погребений, очагов и наконечниками типа фиштейл. Такие наконечники были найдены в Фелл вместе с костями лошади, ленивца и верблюда (со следами разделки). Датировка нижних уровней показывает диапазон 11–10,7 тыс. л. н. Пещеры Пали-Айке (9–8,6 тыс. л. н.), Лас-Буитreras и Кондор находятся на лавовом поле Пали-Айке и также содержат наконечники.

В 1980-х Хьюго Нами раскапывал Куэва-дель-Медио к северо-западу и обнаружил два целых наконечника типа фиштейл с датировкой 10,5 тыс. л. н. В непосредственной близости располагаются пещеры Куэва-1 и Куэва-4-дель-Лаго-София, где были получе-

ны еще более древние даты — ок. 11,6 тыс. л. н.

Также выделяют зону на обширном плато к югу от среднего течения р. Десеадо под названием Каньядон-лас-Куэвас. Это сеть из 14 пещер и ряда скальных навесов, многие из которых имеют четкую стратиграфию и наскальные изображения. В 1970-х Августо Кардиш раскапывал пещеру Лос-Толдос. Перекрытие 11-го уровня слоем с массивными скребками, крупными лезвиями и треугольными наконечниками стало основанием для выделения индустрии Толденс (Toldense) [1, р. 209], орудия которой встречаются в пещерах Эль-Сейбо, Арройо-Фео, Эль-Верано и т. д.

Ярким памятником наскальной живописи является Куэва-де-лас-Манос к западу от плато с негативами ладоней и изображениями гуанако (9,3 тыс. л. н.). Чилийская пещера Милодон — огромный памятник, изучаемый с конца XIX в. Начиная с 13 тыс. л. н. он характеризуется обилием костей наземного ленивца. О присутствии человека можно говорить с 10,4 тыс. л. н., когда появляется каменная индустрия и следы разделки на костях.

Впервые обнаруженные и описанные Дж. Бёрдом, впоследствии наконечники типа фиштейл были зафиксированы как в других частях Патагонии, так и в Центральной Америке. Однако желобчатых наконечников в южноамериканских материалах поразительно мало [3, р. 106], в основном они концентрируются на чилийском побережье и явно демонстрируют период, предшествовавший распространению наконечников фиштейл. Учитывая ранние датировки Монте-Верде, для Патагонии можно выделить следующие периоды: пре-кловис (ранее 13,5 тыс. л. н.), культура желобчатых наконечников типа кловис на чилийском побережье и наконечники типа фиштейл (с 11 тыс. л. н.).

Основную археологическую проблему для данного региона представляет выявление культурных комплексов, предшествовавших кловис. Сейчас сомневаться в их существовании не приходится, но проверенные данные немногочисленны.

1. Dillehay T. D. The Settlement of the Americas: A New Prehistory. New York: Basic Books, 2000. 371 p.
2. Handbook of South American Archeology. New York: Springer Publishing, 2008. 1191 p.
3. Paleoindian Archaeology: A Hemisphere Perspective. Eds. Morrow J. E., Gnecco C. Gainesville: University Press of Florida, 2006. 263 p.
4. Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Новосибирск: Изд-во Сибирская научная книга, 2006. 243 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. А. В. Табарев

УДК 903.26

Орнаменты фигурок догу финального дзёмона с точки зрения семантики

У. В. Ефременко

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Эпоха дзёмон — продолжительный период в истории Японского архипелага (16 000–2 800/2 300 кал. л. н.) [6], на протяжении которого формируется неповторимая материальная культура, не похожая на археологические культуры соседних регионов Азиатско-Тихоокеанского региона. На протяжении шести этапов своего развития, от изначального до финального периода, наряду с постепенной стандартизацией некоторых категорий артефактов для каждого отдельного периода можно выделить определенный набор характерных черт. Наиболее ярко это проявляется в двух направлениях человеческой деятельности — гончарстве и антропоморфной глиняной пластике догу.

В контексте данного исследования нас интересует постепенная унификация и детализация глиняной пластики финального периода (3 300 — 2 800/2 300 кал. л. н.) как отражение единой стилистической (декоративной) концепции.

В финальном периоде с антропоморфной глиняной пластикой происходят заметные метаморфозы: статуэтки догу приобретают определенную схожесть в декоре, который встречается на отдаленных друг от друга памятниках, что позволяет предположить наличие своего рода «стандарте качества», в то время как более ранние примеры отличались относительной простотой изготовления. Так, например, догу изначального и раннего периодов маленькие (высота 3–7 см, вес ~14,5 г) и безголовые, тогда как в более позднее время мы наблюдаем цельную и детализированную фигуру; то есть на протяжении эпохи четко прослеживается эволюция формы и усложнение стилизации [1, с. 90–92; 3; 4].

В основу нашего исследования легла работа «Догу и космос» — официальный каталог выставки музея «Михо» (префектура Сига) «Глиняные фигурки и космос» 2012 г. Среди 320 экспонатов догу, представленных в каталоге, финальным дзёмоном датировано 20 фигурок. На базе проведенного сравнительного анализа выявлено, что в их орнаменте встречаются общие мотивы [4].

Территориально отобранные фигурки преимущественно локализованы в северной части архипелага: регионы Хоккайдо (1 фигурка, г. Эбецу) и Тохоку (18 фигурок). Единичные находки известны на западе Японии (префектура Нара).

Для финального периода характерны шесть базовых типов догу: плиткообразные (slab-formed) (префектуры Хоккайдо, Нара), «в снежных очках» (goggle-eyed) (регион Тохоку); догу-крест (x-shaped) (префектура Аомори); догу с точкообразным орнаментом (with punctate pattern) (префектура Аомори) и «с уложенной причёской» (with arranged hairdo) (префектура Акита) [4]. Таким образом, самым распространенным типом являются догу «в снежных очках». Преобладание таких фигурок в финальном дзёмоне

было отмечено уже в конце XIX в. благодаря типологии, разработанной Цубои Сёгоро, которая выделяет около десятка видов догу [3]. Эти фигурки объединены не только схожестью формы, но и аналогичными декоративными мотивами. Отобранные догу региона Тохоку в принципе имеют схожую геометрическую орнаментацию.

Факт близости айнов к дзёмонскому населению позволяет исследовать «отголоски» традиций эпохи посредством материалов, которые могли дойти до наших дней через айнскую культуру [5]. Не исключено, что с этой точки зрения орнаментация догу может рассматриваться сквозь призму айнских татуировок «сакрального характера». Раскрытие семантики айнских тату через мифологические образы этого народа представляется «проложенным маршрутом» для исследования орнаментации догу; отечественными исследователями такие попытки уже предпринимались. Так, возможно провести семантическое сравнение с айнскими зарубками итохпа на ритуальных предметах, которые, по некоторым данным, изображали горы, море, почитаемых животных. [2, с. 73].

1. Иванова Д. А. Атрибуты ритуальной практики эпохи дзёмон, Японский архипелаг // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 89–96.
2. Осипова М. В. Айнская татуировка: её истоки и символика узоров // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2010. С. 66–74.
3. Соловьёва Е. А. Проблемы типологии догу // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1998. Т. 4. С. 358–364.
4. Dogū, a Cosmos. Miho Museum // Tokyo: Hatori Press, Inc., 2012. 344 p.
5. Hanihara K. Dual Structure Model for the Formation of the Japanese Population // Kyoto: International Symposium on Japanese as a member of the Asian and Pacific population, 1990. 251 p.
6. Matsumoto N., Habu J., Matsui A. Subsistence, Sedentism, and Social Complexity among Jomon Hunter-Gatherers of the Japanese Archipelago // Handbook of East and Southeast Asian Archaeology. New York: Springer, 2017. Pp. 437–450.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Д. А. Иванова

УДК 903

Индустрия начального верхнего палеолита горизонтов 6 и 5 памятника Толбор-4 (Северная Монголия)

П. С. Кравцова

Новосибирский государственный университет

Многослойный памятник Толбор-4, расположенный в долине реки Толбор (приток Селенги в Северной Монголии), был открыт в 2002 году. В 2002–2007 и 2017 гг. его исследование осуществляла Российско-монгольско-американская совместная археологическая экспедиция. На памятнике Толбор-4 выделяются археологические комплексы, относящиеся к различным этапам верхнего палеолита, поэтому он стал опорным объектом для изучения этого периода в Монголии. Сравнение технологического репертуара данонго памятника с технологиями, использовавшимися на предыдущем хронологическом этапе — в финальном среднем палеолите, — позволяет проследить изменение технологических традиций.

Горизонты 6 и 5 памятника Толбор-4 относятся к начальному верхнему палеолиту и датируются на основании радиоуглеродного метода в пределах 39 000–45 000 кал. л. н [1]. Общее количество каменных артефактов, принадлежащих горизонту 6, составляет 5 035, горизонту 5 — 6 992. Из них: 138 экз. (гор. 6) и 194 экз. (гор. 5) — нуклеидные изделия; 204 экз. (гор. 6) и 469 экз. (гор. 5) — орудия; 1 315 экз. (гор. 6) и 2 619 экз. (гор. 5) — отщепы; 1 043 экз. (гор. 6) и 1 172 экз. (гор. 5) — пластины, 324 экз. (гор. 6) и 751 экз. (гор. 5) — первичные и вторичные сколы; 357 экз. (гор. 6) и 297 экз. (гор. 5) — технические сколы. Значительную часть ассамбляжа составляют обломки, осколки и чешуйки. Можно отметить, что в сравнении с индустриями других палеолитических памятников Монголии и Южной Сибири индустрия памятника Толбор-4 выделяется за счет большой доли предметов, связанных с первичным и вторичным расщеплением камня, и маленькой доли орудий [2]. Таким образом, для этих индустрий характерен высокий удельный вес пластин: 16,9 % в горизонте 5 и 20,8 % в горизонте 6.

Преобладающим методом для данной индустрии является подпризматическое бипродольное параллельное расщепление, направленное на производство пластин. Для него характерны подпризматические двуплощадочные нуклеусы (50 и 32 экз. для горизонтов 6 и 5 соответственно). На начальных этапах расщепления формировались противолежащие ударные площадки, поперечными сколами оформлялось продольное ребро, с которого производилось снятие удлиненных пластин. Также в индустрии представлено мелкопластинчатое расщепление, для которого характерны нуклеусы-резцы [2].

Помимо этого, в индустрии есть свидетельства использования технологии леваллуа (четыре нуклеуса), представленной тремя методами: центростремительным, параллельным и двунаправленным конвергентным. Центростремительный метод характеризуется «черепавидными» нуклеусами, подготовка которых осуществлялась центростремительными сколами с боковых поверхностей. Леваллуазский метод параллельного

расщепления, представленный овальными и прямоугольными плоскими нуклеусами, характеризуется снятием поперечных латеральных сколов и удлиненных сколов с противоположных ударных площадок. Конвергентный двунаправленный метод для получения острия заключается в том, что Y-образная огранка дорсала достигается путем встречных снятий сколов в параллельном и дивергентном направлении с двух противоположных ударных площадок [1].

Если сравнивать вышеперечисленные технологии расщепления камня с технологиями предшествующего времени, переходного этапа от финала среднего к начальному верхнему палеолиту, рассматриваемого на примере технологий памятника Орхон-1, можно отметить изменения в технологическом репертуаре. Для Орхона-1 характерно преобладание леваллуазского центростремительного и параллельного расщепления [1]. В индустрии памятника Толбор-4 большую роль играет подпризматическое бипродольное расщепление, роль леваллуазской технологии незначительна.

Подводя итог, можно проследить изменение технологических традиций на этапе перехода от финала среднего к началу верхнего палеолита, которое выражается во все большем распространении параллельного расщепления, отходе от классической леваллуазской технологии, что иллюстрирует рассмотренный технологический репертуар горизонтов 6 и 5 памятника Толбор-4.

1. Rybin E. P., Khatsenovich A. M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia // *Quaternary International*. 2020. Vol. 535. P. 117–138.
2. Деревянко А. П., Зенин А. Н., Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2007. Т. 1. № 29. С. 16–38.

Научный руководитель — д-р. ист. наук Е. П. Рыбин

УДК 902/904

Экспериментально-трасологические исследования палеолита Горного Алтая: история и перспективы

Е. В. Левина

Новосибирский государственный университет

Главная задача археологической трасологии — анализ следов обработки и использования на артефактах, что вместе с данными экспериментов и естественнонаучных дисциплин позволяет детально восстановить быт древних людей. Этот метод впервые разработал и апробировал С. А. Семенов. Его работы стали основой для дальнейших научных изысканий других специалистов в данном направлении.

Экспериментально-трасологические исследования палеолитических комплексов Горного Алтая проводятся уже на протяжении длительного времени, за которое был проанализирован относительно большой объем археологических коллекций. Однако обобщение полученных ранее результатов не проводилось, что обуславливает актуальность данной работы.

Источниковую базу этого историографического обзора составляют публикации, посвященные результатам экспериментально-трасологических исследований палеолита Горного Алтая.

Трасологические исследования палеолитических комплексов в рассматриваемом регионе проводятся с конца 1980-х гг. Примером могут послужить работы с коллекцией каменных изделий стоянки Усть-Каракол, проведенные Н. А. Кононенко [1], в ходе которых была выявлена направленность хозяйственно-производственной деятельности обитателей стоянки (массовая обработка шкур животных). Начиная с этого времени археологические материалы с памятников Алтая стали активно вводиться в научный оборот, а также были определены степень пригодности каменных артефактов для трасологического изучения и перспективы работы с коллекциями.

Дальнейшие исследования были продолжены П. В. Волковым на материалах стоянок Усть-Каракол-1, Кара-Бом, пещер Денисова и Каминная. Они отличались активным применением трасологического метода для изучения археологических материалов региона. В 2000 г. состоялась защита П. В. Волковым докторской диссертации [2], содержащей в том числе результаты экспериментально-трасологических исследований каменных индустрий палеолитических памятников Горного Алтая.

Им же впервые было проведено трасологическое изучение предмета неутилитарного назначения — браслета из темно-зеленого хлоритолита [3], обнаруженного в слое 11 восточной галереи Денисовой пещеры. Были отмечены следы воздействия различных обрабатывающих инструментов, признаки утилизации и разрушения.

Современные работы в области трасологии качественно отличаются: совершенствуется методика функционального исследования, внедряются технологии 3D-моделирования, применяемые для получения высокоинформативных и более верифицируемых

данных. С 2017 г. все больше внимания уделяется ударно-абразивным инструментам. Активно анализируются украшения из органических материалов и поделочного камня, коллекции формальных и слабо модифицированных костяных орудий из пещер Денисова [4], Страшная, Каминная [5], со стоянок Усть-Каракол-1 и Кара-Бом.

В целом использование экспериментально-трассологического метода на современном этапе исследований позволяет реконструировать технологии производства конкретных артефактов, уточнить облик индустрий и функциональную специфику памятников. Особая сырьевая база, разнообразные культурные традиции, а также стоянки, сохранившие следы контакта различных популяций древних людей, делают трассологические исследования необходимой и весьма перспективной частью изучения палеолитических индустрий Горного Алтая.

1. Кононенко Н. А. Функциональная диагностика палеолитической индустрии местонахождения Усть-Каракол // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН. 1990. С. 43–47.
2. Волков П. В. Экспериментально-трассологические и технологические исследования палеолита Северной, Центральной и Средней Азии: Дис. ... д-ра ист. наук в виде науч. докл. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. 58 с.
3. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Волков П. В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 2. С. 13–26.
4. Shunkov M. V., Fedorchenko A. Yu., Kozlikin M. B., Derevianko A. P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // *Quaternary International*, 2020. Vol. 559. P. 47–67.
5. Колобова К. А., Зоткина Л. В., Маркин С. В., Васильев С. К., Чистяков П. В., Бочарова Е. Н., Харевич А. В. Комплексное изучение персонального украшения из резца сурка в раннеголоценовом комплексе пещеры Каминная (Российский Алтай) // *Stratum Plus. Археология и культурная антропология*, 2021. № 1. С. 319–335.

Научный руководитель — д-р ист. наук, чл.-корр. РАН М. В. Шуньков

УДК 902/904

Проблема выделения среднего палеолита на Корейском полуострове

А. И. Селютина

Новосибирский государственный университет

Изучение палеолита Кореи началось еще в середине XX в., активно развивалось в 1970-х гг. и обрело новое дыхание в начале 2000-х гг. Благодаря новым находкам, сделанным как в Северной, так и в Восточной Азии в последнее время, интерес к палеолитическим находкам вышел на новый уровень. Были установлены факты миграций популяций гоминин, в том числе денисовцев, что позволяет по-новому взглянуть на развитие индустрий палеолита Корейского п-ова. Последние находки на палеолитических стоянках дают возможность воссоздать наиболее полную картину событий древности.

Для данного исследования нами был использован историографический метод. Особое внимание уделено спорным моментам, требующим дальнейшей разработки.

Как известно, в археологии широко используется трехступенчатая периодизация палеолита: нижний, средний и верхний. Однако применительно к Корейскому полуострову такая периодизация всегда вызывала дискуссии [1]. Многие корейские исследователи древнего каменного века, включая Пэ Кидона, придерживаются разделения палеолита на ранний и поздний, исключая переходный этап между ними, так как на корейских археологических памятниках не найдены предметы леваллуазской технологии. Но другие известные ученые, такие как Ли Хонджон и Ли Ги Кил, выделяют средний палеолит в Корее (основываясь на термолюминесцентном методе и геохронологическом датировании по изотопам кислорода) [2]. Также недавние исследования и раскопки помогли обнаружить орудия, созданные по леваллуазскому методу расщепления, которые прежде здесь не находили [3]. Это послужило одним из доказательств существования среднего палеолита на п-ове Корея.

Нами был проведен сравнительный анализ различных источников. В результате выявлено, что средний палеолит в Корее относят приблизительно к 80 000–40 000 л. н. [4]. В двухступенчатой периодизации нижний и средний палеолит объединены в ранний, а верхний относится к позднему. Многие исследователи связывают переход к позднему палеолиту с появлением микропластинчатой индустрии, которую, скорее всего, принесли популяции, мигрировавшие из Сибири через Монголию и Китай. Однако обнаружение леваллуазских орудий на археологической стоянке Самгори позволяет выдвинуть гипотезу о миграциях и привнесении новой технологии изготовления орудий уже в эпоху среднего палеолита.

Основным материалом для изготовления орудий среднего палеолита являются кварц (жильный кварц) и кремниевая галька. Количество изделий из гальки резко сокращается в позднем палеолите, что говорит о смене технологии и материалов [5]. Такие небольшие изменения позволяют многим исследователям настаивать на включении среднего палеолита в общую классификацию.

Кроме того, существуют дискуссии относительно позднего появления леваллуа в Восточной Азии на рубеже среднего и верхнего палеолита [4]. Однако этот факт не исключает наличия среднего палеолита, маркером которого и является леваллуазская индустрия.

С 2017 по 2018 гг. в уезде Ёнчхон провинции Кёнгидо проводились археологические раскопки в рамках проекта Института культурного наследия Пэкту (кор. 백두문화재연구원). При раскопках археологического памятника Самгори в нижнем палеолитическом слое было найдено каменное орудие, возраст которого, установленный методом радиоуглеродного AMS-датирования, составил ~40,4–44,6 тыс. л. н. Строение и формо-технические особенности позволяют классифицировать артефакт как заготовку, выполненную в леваллуазской технологии (Levallois recurrent centripetal core) [3]. Находки, подобно этой, позволяют выдвинуть новые гипотезы относительно миграции древних людей и развития каменных индустрий Северо-Восточной Азии.

Несмотря на то, что вопрос о включении среднего палеолита в периодизацию корейской археологии остается дискуссионным, много факторов указывают на актуальность разделения каменного века на три этапа. Новые подходы к исследованию палеолитических стоянок позволяют доказательно подтвердить существование среднего палеолита на Корейском полуострове.

1. Bae C. J., Kim B. Korean Prehistory: Current Perspectives // Asian Perspectives. 2015. Vol. 54, No. 1. Pp. 1–10.
2. Ли Х. Исследование культуры среднего палеолита на Корейском полуострове // Археология, этнография и антропология Евразии, 2002. Т. 10. N 2. С. 87–104
3. Han C. G., Seo I. S., Kim K. J. Preliminary Report on the Levallois Core Discovered at the Samgeo-ri Paleolithic Site in Yeoncheon, South Korea // Haklim. 2021. Vol. 47. Pp. 85–121.
4. Hyeong W. L. The Korean Early Palaeolithic: Patterns and Identities // Asian Perspectives. 2015. Vol. 54, No. 1. P. 58–90.
5. Ли Г. К. К вопросу о переходе от среднего к верхнему палеолиту в Корее // Археология, этнография и антропология Евразии, 2006. Т. 28. N 4. С. 31–37.

Научные руководители — канд. ист. наук С. В. Алкин,
канд. ист. наук М. Б. Козликин

УДК 902

Керамический комплекс позднего неолита археологического памятника Бойсмана-2

О. И. Щипун

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Археологический памятник Бойсмана-2 расположен на террасе правого берега р. Рязановки в 500 м севернее побережья бухты Бойсмана в Хасанском районе Приморского края. Памятник является многослойным и представлен тремя культурами: янковской (ранний железный век), зайсановской (поздний неолит) и бойсманской (средний неолит).

В работе рассматриваются слои коричневой и серо-коричневой плотной супеси, содержащие находки зайсановской археологической культуры позднего неолита.

Технологические показатели. Сосуды изготавливались из глины с добавлением минерального отощителя — дресвы. Вся керамика изготавливалась с помощью ленточного кольцевого налепа. Сосуды изготавливались по донной или донно-емкостной программе [1]. Венчики оформлялись из верхней ленты тулова.

Толщина стенок 4–8 мм. Толщина дна и стенок практически одинакова, реже толщина дна на 1–2 мм превышает толщину стенок. Поверхность керамики неоднородная: от гладкой до шероховатой и пористой. Сосуды обжигались в костре в окислительной среде [1].

Морфология. Найденная керамика фрагментарна. От общего количества керамики (1 261 экз.) фрагменты тулова составляют 89 %, венчики — 6 %, донья — 5 %.

Сосуды были плоскодонными, без четко выделенной горловины, с широкими устьями, открытыми стенками. Венчики имеют округлую, приостренную, уплощенную форму. Для керамического комплекса характерны простые емкости ситуловидной, горшководной и цилиндрической формы. Отношение d дна к d венчика составляет 1:1,7–1,9. По найденным развалам можно выделить тип дна на кольцевом поддоне размером 0,5–1 см.

Орнаментация. Среди всех исследуемых фрагментов керамики орнаментировано 44 %. Декорировалась средняя и верхняя часть тулова. Для керамической коллекции характерны варианты негативных элементов орнамента: прочерченная техника, накалывание, штамп.

Сопоставляя характерные черты поздненеолитической керамики памятника Бойсмана-2 с неолитическими материалами ранее известных памятников Зайсановка-1 (слой 3), Синий Гай (нижний горизонт) [2], Олений А (слой 3) [4], Гвоздево-4 (слой 3), можно отнести фрагменты керамики поздненеолитического горизонта Бойсмана-2 к зайсановской культурной традиции.

Согласно систематизации Д. Л. Бродянского [2], на памятнике можно выделить два компонента зайсановской культуры: ранний (I–II этапы) и более поздний (III–IV этапы).

Полученные данные и известные систематизации зайсановской культуры не противоречат друг другу, радиоуглеродные даты слоя $3\ 710 \pm 40$ л. н. [5] на памятнике Бойсмана-2 также не опровергают полученных данных.

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М: Изд-во «Наука», 1978. 272 с.
2. Бродянский Д. Л. Раскопки у с. Синий Гай в Приморье // Археологические открытия 1971 г. М.: Изд-во АН СССР, 1972. С. 270–271.
3. Бродянский Д. Л. Введение в дальневосточную археологию. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1987. 276 с.
4. Окладников А. П. Бродянский Д. Л. Многослойное поселение Майхэ I в Приморье // Археологические открытия 1967 г. М.: Изд-во АН СССР, 1968. С. 155–157.
5. Попов А. Н., Чикишева Т. А., Шпакова Е. Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). Новосибирск: Изд-во Ин-та археол. и этногр. СО РАН, 1997. 97 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. Н. Попов

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 903.14

Мясной рацион в скифо-сарматское время на территории Саяно-Алтая: состав погребальной пищи

К. С. Бурашникова

Новосибирский государственный университет

Хакасско-Минусинская котловина — территория, на которой в раннем железном веке обитали племена тагарской культуры (VII–II вв. до н. э.). В данной работе анализируется состав мясной пищи, обнаруженной в погребениях баиновского этапа. Природно-географические особенности затрудняли развитие земледелия, хотя отдельные свидетельства его существования встречаются в памятниках тагарской культуры [1, с. 94]. Однако основной формой ведения хозяйства в долине рек Енисей и Абакан было скотоводство, при этом фиксируются региональные и хронологические различия. Аналогичная ситуация отмечается и для территории Горного Алтая [4, с. 34]

Материалы могильника Гришкин Лог-I позволяют проанализировать состав мясной пищи в погребениях тагарской культуры и связь количества мяса с половозрастными характеристиками погребенных. Памятник состоит из 25 курганов, включая 79 могил (одиночные — женские, мужские, детские; коллективные погребения). В 54 из них зафиксированы остатки мясной пищи.

В работе Г. А. Максименкова приведены данные остеологического анализа, показавшего, что наборы костей соответствуют 71 животному. Из них 43 барана, 8 овец, 1 ягненок, 15 коров, 4 лошади. Однако не отмечено, были ли определения сделаны специалистом-остеологом или автором раскопок в ходе полевых работ. В связи с этим возникает вопрос о верификации приведенных в работе данных, прежде всего о соотношении баранов и овец. Как видно из приведенного перечня, в составе погребальной пищи преобладает мясо мелкого рогатого скота. Следующие по количеству — коровы. На первый взгляд этот результат противоречит утверждению Ю. С. Гришина о преобладании в тагарском стаде крупного рогатого скота [2, с. 131]. Однако не стоит забывать, что речь идет о погребальном памятнике. Можно предположить, что говядину клали покойникам реже потому, что корова была более ценным животным, чем овца. Она крупнее и, соответственно, дает больше мяса и молока.

Реже всего в погребениях встречаются останки лошадей, которых также употребляли в пищу. Судя по количественным данным, родовые группы тагарцев разводили в основном мелкий и крупный рогатый скот. Среди погребального инвентаря также крайне редки элементы конской сбруи. Однако выделение этого факта в качестве характерной особенности всего скотоводства тагарских племен без корреляции с материалами по другим памятникам преждевременно.

В типичный набор сопроводительной пищи входили: нога, лопатка, грудина, ребра животного. Особых различий в зависимости от пола умерших не отмечается [3]. Очевидно, рацион женщины не отличался от мужского, мяса хватало всем. Обращают на себя внимание находки фрагментов челюстей животных в женских погребениях (в двух могилах из восьми). Можно предположить, что при жизни они могли входить в определенную социальную группу.

В могильнике Гришкин Лог-I обнаружено 13 детских погребений, которые можно разделить на три возрастные группы: 1) дети от 8 до 15 лет (пять погребений, только в трех из них есть остатки мясной пищи), 2) от 3 до 7 лет (четыре погребения, пища только в двух могилах), 3) младенцы (ни в одном захоронении нет остатков мясной пищи). Соответственно, лишь в пяти из 13 погребений I и II групп были найдены остатки мясной пищи.

Исследование состава мясной пищи в погребениях могильника Гришкин Лог-I показало, что тагарское стадо состояло из овец и крупного рогатого скота. Мясной рацион мужчины и женщины не имел отличий. В детских погребениях находки остатков мясной пищи встречаются реже, чем во взрослых. Стоит учитывать, что мясной рацион отражает реалии жизни, реконструкция которых требует корреляции с материалами поселенческих комплексов.

1. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Изд-во Наука, 1986. 180 с.
2. Тихонов Б. Г., Гришин Ю. С. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 208 с.
3. Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб: Изд-во Петербургское Востоковедение, 2003. 192 с.
4. Шульга П. И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 335 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

УДК 902/904

Конская сбруя южного варианта кулайской культуры (по материалам могильника Каменный Мыс)

Р. А. Галымурза

Новосибирский государственный педагогический университет

В середине I-го тысячелетия до н. э. на территории Среднего Приобья складывается кулайская археологическая культура. К концу III в. до н. э. носители данной культуры из северных лесных районов начинают двигаться на юг — на территорию Новосибирского Приобья. В результате формируется южный вариант кулайской культуры, базовым памятником которого является могильник Каменный Мыс. Памятник расположен на высокой надпойменной террасе левого берега р. Уени на южной окраине дер. Черный Мыс Колыванского района Новосибирской области.

Материалы, полученные при исследовании могильника Каменный Мыс, позволяют сделать выводы о наличии сбруи верхового коня у южного варианта кулайской культуры и ее устройстве. Стоит сказать, что присутствие конской сбруи говорит об определенном уровне развития коневодства, о наличии которого у носителей кулайской культуры на территории их первоначального расселения в северных лесных районах говорить трудно. Так, Л. А. Чиндина говорит о том, что коневодство у кулайских племен было распространено на всех этапах их существования и на всей территории расселения, в том числе и в северных районах [1]. Следует отметить, что находки элементов конской упряжи на коренной территории кулайской культуры немногочисленны, а основной их массив происходит с памятников южной периферии.

Предметы конского набора были обнаружены в погребениях: курганах № 3 и 10 могильника Каменный Мыс. Наибольшее количество предметов сбруи находились в кургане № 3. В четырех могилах сохранились остатки железных кольчатых удил. В двух погребениях обнаружены костяные двудырчатые псалии, имеющие форму стержня с суженными обрубленными концами. Также были найдены костяная и железная сбруйные застёжки с косым срезом, бронзовая круглая бляшка, обойма и костяная застёжка для пут. Примечательно, что в насыпи кургана № 10 были найдены бронзовые кольчатые удила и бляха раннескифского облика для перекрещивающихся ремней узды, которые Т. Н. Троицкая отнесла ко времени существования расположенного здесь же более раннего городища (V–IV вв. до н. э.) [2].

Ближайшие аналогии предметов сбруи из могильника Каменный Мыс можно увидеть среди находок из погребений большереченской культуры. Похожие железные кольчатые удила были найдены в насыпи кургана № 2 могильника Милованово-2, в могиле № 3 кургана № 4 могильника Быстровка-1, а в могиле № 2 кургана № 19 могильника Новый Шарап-1 сохранились обломки похожих железных удил [3]. Двудырчатые костяные псалии, как найденные в Каменном Мысе, были широко распространены во второй половине I-го тысячелетия до н. э. Два псалия похожего типа были обнаружены в по-

гребени на ул. Станиславского в Новосибирске. Костяная застежка с косым срезом найдена в кургане № 1 могильника Быстровка-1.

Можно сделать вывод, что сбруйный набор из могильника Каменный Мыс типичен для культур скифского круга второй половины I-го тысячелетия до н. э.

Наличие скифской сбруи у носителей южного варианта кулайской культуры — следствие их близких контактов с южными соседями, носителями большереченской культуры. Под их влиянием у кулайцев Новосибирского Приобья сформировалось комплексное хозяйство, включающее охоту, земледелие и скотоводство, в том числе коневодство. Лошадь стала играть большую роль, появился ее культ, который проявлялся в культовых захоронениях. Так, на краю насыпи кургана № 3 могильника Каменный мыс обнаружено два скопления конских черепов. Похожие скопления есть и в погребениях большереченской культуры: во рву кургана № 2 могильника Новый Шарап-2 были обнаружены череп и несколько костей коня. Такую же картину можно наблюдать и в курганах № 4 и 5 могильника Быстровка-1.

Таким образом, конская сбруя южного варианта кулайской культуры типична для представителей скифских культур, что обусловлено влиянием представителей большереченской культуры на мигрировавшие таежные кулайские племена.

1. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 255 с.
2. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Издательство «Наука», 1979. 124 с.
3. Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: ВО «Наука», 1994. 184 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. А. Дураков

УДК 902/904

Изучение изображений лошадей на оленных камнях отечественными исследователями во второй половине XX века

В. А. Гражданкина

Алтайский государственный университет, Барнаул

В хозяйстве кочевых народов лошади всегда отводилась особая роль. Ее использовали в качестве тягловой силы и под седло, от нее получали мясо и молочные продукты. Она имела существенное значение и для духовной сферы людей — их мировоззрения, различных обрядов и ритуалов. Наличие лошади было маркером социального положения человека. Изображения коней появились на монументальных памятниках на территории Центральной Азии «...уже в начале I-го тысячелетия до н. э.» [1] наряду с другими священными зооморфными персонажами. Множество таких изображений встречается на монументальных памятниках Алтая, Тувы и Монголии — оленных камнях, которые представляют собой обработанные каменные блоки, достигающие нескольких метров в высоту.

Данная работа посвящена краткому обзору уже имеющихся результатов, которые нашли отражение в трудах отечественных исследователей по поводу древних изображений лошадей, запечатленных на оленных камнях на Алтае, в Туве, Бурятии и Монголии.

На протяжении более трех десятилетий на территории Монголии успешно изучал оленные камни выдающийся исследователь древностей Центральной Азии, заведующий отделом археологии бронзового века Института археологии РАН, д-р ист. н. Виталий Васильевич Волков. В его книге «Оленные камни Монголии» [2] опубликовано свыше двухсот копий оленных камней, подробно описаны их местонахождения и изображения на них. Запечатленные на таких камнях образы животных, чаще всего копытных (оленья и лошади), по мнению ученого, могли отображать идеи культов и верований, особенности искусства и ремесла древних племен, оставивших эти рисунки на каменных монументах. В классификации оленных камней В. В. Волкова уделяется внимание особенностям стиля изображений оленей и лошадей. Чаще всего эти животные изображены на каменных изваяниях с изящно изогнутой шеей, с подогнутыми ногами, а также в композиции с другими животными, оружием и украшениями, которые тоже представлены в разнообразных вариантах исполнения. По мнению исследователя, вторым по значимости образом после оленя, запечатленным на средней части каменных изваяний, является лошадь — она иногда встречается на навершиях кинжалов и ножей [3].

Другой известный исследователь Д. Г. Савинов в своей монографии «Оленные камни в культуре кочевников Евразии» выделяет своеобразную группу оленных камней, происходящих с территории Алтая, Монголии и Тувы, где на лицевой стороне показаны отдельные фигуры лошадей. Он считает, что «...лежащие фигуры лошадей по своим стилистическим особенностям (подогнутые, но не сомкнутые ноги) имеют многочис-

ленные аналогии в произведениях искусства раннескифского времени, в том числе и в петроглифах, и могут датироваться VII–VI вв. до н. э.» [4]. Скорее всего, эта группа оленных камней могла иметь определенные отличительные черты в семантическом отношении и в глазах их создателей, в мировоззрении которых доминирующее положение занимала лошадь.

В статье В. Д. Кубарева «Конь и всадник в искусстве древних кочевников», где он подвел итоги ранее проделанной работы, проводится общая параллель между изображениями лошадей на каменных изваяниях и на предметах мобильного искусства. Приведены аналогии с обширной территории Южной Сибири и Монголии. В. Д. Кубарев указывает археологические комплексы, из которых происходят оленные камни, имеющие по-своему уникальные изображения древних лошадей [5].

Таким образом, результаты изучения отечественными исследователями изображений лошадей на оленных камнях позволяют сделать вывод, что образ лошади прочно вошел в мировоззрение древних социумов и являлся вторым по значимости в изобразительном искусстве населения Центральной Азии (после оленя). Трактовок древних изображений лошадей достаточно много. Все они по-своему оригинальны, а некоторые весьма неоднозначны. Однако остается открытым вопрос о том, когда именно и почему образ лошади занял одно из важнейших мест в искусстве древних кочевых народов Центральной Азии.

1. Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая: оленные камни. Новосибирск: Наука, 1979. С. 54.
2. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002. С. 14.
3. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. С. 45–46.
4. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 118.
5. Кубарев В. Д. Конь и всадник в искусстве древних кочевников / Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. С. 54.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. А. А. Тишкин

УДК 902/904/903.25

Археологическая коллекция бус с правобережья реки Енисей (Краснотуранский район, Красноярский край)

Е. В. Губенко

Новосибирский государственный университет

Территория Среднего Енисея является одним из самых археологически богатых регионов с большой концентрацией типологически разнообразных памятников. В 2022 г. исполняется 300 лет с момента проведения первых научных раскопок в Хакасско-Минусинской котловине, но до сих пор многие вопросы древней истории Сибири остаются открытыми. К ним относятся проблемы датировки памятников культурных и торгово-экономических связей. Привлечение новых археологических данных и исследование их с использованием современных методов может помочь решить задачи, стоящие перед специалистами при изучении древней истории населения Среднего Енисея. Отдельную специфичную группу при этом составляют случайно обнаруженные артефакты, которые практически не поддаются разделению по хронологическому и культурно-историческому принципу. Коллекция бус с правобережья р. Енисей относится именно к такому типу источников.

Летом 2021 года было начато изучение бусинного набора, хранящегося в одном из населенных пунктов Краснотуранского района Красноярского края. Первоначальной задачей стали введение в научный оборот коллекции и ее археологическая интерпретация (в первую очередь установление хронологии бытования украшений).

Всего коллекция насчитывает 165 экземпляров бусин, изготовленных из различных материалов: сердолик (22 экз.), агат (1 экз.), кварц (1 экз.), стекло (39 экз.) и стеклянная паста (102 экз.). Самые распространенные формы стеклянных изделий — зонная (шаровидная, усеченная двукратно поперечно) и цилиндрическая; каменных бус — шестигранная и цилиндрическая. Для изделий из стекла и стеклянной пасты характерны черный, сине-зеленый и сине-голубой цвета. У каменных бус преобладает оранжево-красная цветовая гамма, что связано с цветом материала.

При описании морфологии бус учитывались наработки Е. М. Алексеевой, М. М. Леммлейна и З. А. Львовой [1–3]. Выделено 49 типов бус (девять типов каменных, 14 типов стеклянных и пять типов бус из стеклянной пасты). При работе с коллекцией украшений были определены семь новых типов (шесть типов стеклянных, один тип каменных), которые прежде не были представлены в типологии бус раннего железного века и гунно-сарматской эпохи [4].

Аналоги украшений из коллекции бус с правобережья р. Енисей можно обнаружить в памятниках Хакасско-Минусинской котловины, в первую очередь в кладках и погребальных сооружениях VIII в. до н. э. — III в. н. э.: Июсского и Лугавского кладов [5], могильников Скальная-5, Тесинский Залив-3, Комаркова [6]. В настоящее время нами сделано предположение, что отдельные экземпляры из коллекции бус Краснотуранско-

го района Красноярского края и фондов Минусинского музея им. Мартьянова, которые в основном состоят из случайных находок, имеют происхождение из одного археологического памятника, возможно, оказавшегося в зоне затопления Красноярского водохранилища.

Сравнительно-типологический анализ позволяет сузить рамки бытования рассматриваемой нами археологической коллекции бус правобережья Енисея. В целом комплекс датируется концом раннего железного века — началом гунно-сарматской эпохи: III в. до н. э. — II в. н. э., что соответствует времени существования тесинской археологической культуры [7].

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. 94 с.
2. Леммлейн Г. Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИИМК. 1950. Вып. 32. С. 157–172.
3. Львова З. А. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. 1979. Вып. 20. С. 90–103.
4. Губенко Е. В. Типология коллекции бус таштыкской культуры Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова // Археология: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14–19 апреля 2019 г. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИНЦ НГУ, 2019. С. 43–44.
5. Губенко Е. В. Клад гунно-сарматского времени у села Лугавское Минусинского района Красноярского края // Мартьяновские краеведческие чтения (2020–2021 гг.). Сборник докладов и статей. Вып. 14. Минусинск, 2021. С. 105–108.
6. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 440 с.
7. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб: Издательство Айсинг, 2011. 456 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

УДК 902

Разрушающие факторы культурного слоя на памятниках в устье реки Шаманка (Среднее Приангарье)

П. А. Дмитриев

Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
Студенческая научно-исследовательская лаборатория
«Археология Приангарья», Братск

Ансамбль археологических памятников на левом и правом приустьевых мысах р. Шаманка в среднем течении р. Ангары (современное Усть-Илимское водохранилище) обладает значительным историко-культурным потенциалом, важным для понимания генезиса материальной и духовной культуры Прибайкалья. Культурный слой неолита — средневековья залегает на поверхности 18–22 м коренного берега р. Ангары на протяжении более 1,5 км на глубине до 1,5 м. Особенно важным для сохранения является могильник позднего неолита — бронзового века (серовская и глазковская культуры) Шаманка 5 [1; 2].

Создание на р. Ангара системы водохранилищ, хозяйственное освоение во второй половине XX — начале XXI в. оказало огромное влияние на археологию региона, в том числе на археологические памятники в устье Шаманки. С началом заполнения Усть-Илимского водохранилища в 1976 г. вся прибрежная часть превратилась в абразионный уступ с прогрессирующим разрушением вглубь берега. Территория в 1950–1990-х гг. использовалась для сенокосения. Вдоль контура берега через все объекты ансамбля проходит проселочная дорога.

Факторы, оказывающие разрушающее воздействие на сохранение культурного слоя ансамбля памятников Шаманка 1–6 и Матера, можно разделить на два типа.

1. Естественные. Обусловлены природными факторами, не зависящими от прямых действий человека, а скорее связанных с его бездействием [3]:

- волноприбойная деятельность Усть-Илимского водохранилища;
- ветровая и водная эрозия, способствующая формированию оврагов и промоин;
- биогенный фактор — норное гнездование стрижей и ласточек в береговых обнажениях; выцарапывание хищниками птиц из мест гнездования; оборудование животными спусков к воде через разрушение кромки берега.

- обрушение деревьев на краю береговой полосы вместе с участками культурного слоя (выворотни).

2. Антропогенные. Причины разрушения археологических памятников людьми (прямо или косвенно) не всегда связаны с преступными намерениями. Чаще всего это неосторожность, связанная с неведением. Поэтому необходимо рассматривать их не по признаку субъекта (которые можно было бы выделять десятками), а, скорее, по целеполаганию. Исходя из этого, антропогенные факторы можно разделить на две группы.

- **Активные.** Действия человека, связанные с сознательным разрушением археологического памятника. В первую очередь это деятельность «черных копателей». Это не только нарушение археологического контекста в ходе земляных работ, но и сбор подъемного материала в местах переотложенного культурного слоя (пляж и нижняя береговая линия). Вопреки их убеждениям, это также приносит вред памятнику. Сбор переотложенного материала делает невозможным адекватный статистический или типологический анализ комплекса, особенно в случае разрушающихся погребений. Помимо «копателей» к категории активных антропогенных факторов — субъектов можно отнести недобросовестных застройщиков и лесопользователей.

- **Пассивные.** Разрушение археологического памятника по неведению. Так, туристы наносят не меньший вред, чем «черные копатели». Посещение ими объекта сопровождается проведением земляных работ при создании минерализованных полос для костра, выгребных ям для твердых бытовых и органических отходов, береговых врезок для спуска к воде, установке столбов и элементов конструкций, биваков.

Учитывая специфику объектов и влияющих на них факторов, требуется предпринять серию срочных охранно-спасательных мероприятий. К таковым можно отнести:

а) ограничение и контроль несанкционированной застройки на территории и вблизи объектов археологии ансамбля Шаманка;

б) установку измерительной системы реперов для фиксации динамики разрушения береговой полосы;

в) укрепление диабазовыми обломками береговой полосы на объектах Шаманка 1–6 и Матера для предотвращения регулярного волноприбойного воздействия водохранилища;

г) использование средств для отпугивания птиц;

д) проведение спасательных археологических раскопок, в первую очередь в наиболее разрушаемой северо-западной части могильника Шаманка-5 протяженностью от 400 м от края до 30 м вглубь террасы для изъятия комплексов в зоне наибольшего влияния деструктивных факторов.

1. Луньков А. В. Могильник в устье реки Шаманки (Северное Приангарье) // Археологическое наследие Байкальской Сибири. 2002. Вып. 2. С. 74–84.

2. Панюхин М. В., Дмитриев П. А. Новое погребение глазковской культуры с устья реки Шаманки (Среднее Приангарье) // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов: материалы II науч.-практ. конф. 2021. С. 69–73.

3. Крогиус М. Э., Чистяков А. Н. Типология разрушений памятников культуры. СПб: Изд-во «СПБКО», 2014. 153 с.

Научный руководитель — М. В. Панюхин

УДК 902/903

Каменная индустрия культуры паракас: значение и применение обсидиана на примере памятников PV62D13 и Анимас-Альтас

Г. А. Елошкин

Новосибирский государственный университет

Среди культур тихоокеанского побережья Перу выделяется культура раннего горизонта, называемая паракас (Paracas), которая существовала в IX–II вв. до н. э. [1, pp. 20–21]. После себя носители культуры паракаса оставили многообразие артефактов: архитектурные сооружения, погребения, геоглифы, петроглифы, керамику, текстиль и т. д. И если научных работ, посвященных текстилю и керамике, много, то целый пласт материалов по каменной индустрии долгое время рассматривался лишь в общем виде.

Специалистов нетрудно понять: стили керамики и текстиля являются более надежными маркерами, они лучше передают хронологию, культурную принадлежность, религиозные представления и пр. Из-за этого исследование каменного инвентаря оставалось на периферии научных интересов исследователей, и, как следствие, к началу XXI в. фактически не было ни одной работы, посвященной каменным орудиям паракаса [2; 3]. В то же время очевидно, что и каменная индустрия может стать важным археологическим источником при изучении рациона, торговых отношений с соседними регионами, культурной преемственности и т. п. [2, p. 1].

Особое значение имело привезенное на ламах сырье, которое не встречается непосредственно рядом с памятниками, где были обнаружены инструменты. В качестве примера можно привести обсидиан, который ценился во всех культурах региона тихоокеанского вулканического огненного кольца, включая территорию Перу. Он использовался на протяжении всего существования культуры паракас, встречался в церемониальных комплексах, бытовом и погребальном контекстах [3, p. 169].

Для памятников PV62D13 и Анимас-Альтас (Animas Altas), расположенных в нижнем течении р. Ика, характерно наличие орудий, изготовленных из обсидиана, добытого на месторождении Кисписиса (Quispisisa), которое находится на расстоянии 225 км в горной местности, на высоте 3 780 м над уровнем моря [2–4]. На данном этапе исследований остается неизвестным место производства самих изделий, так как на памятниках почти отсутствует дебитаж и нет мастерских, что свидетельствует о завозе уже готовых или почти готовых орудий [2, p. 7].

Ценность обсидиана была велика. Нередко его хранили в тайниках, как в случае с Анимас-Альтас и памятником PV62D12, где он был спрятан возле глинобитной стены [3, p. 175]. Некоторые бифасы имеют следы использования уже после поломки, а также доработки и переоформления, что может быть связано с его труднодоступностью [2; 3].

Такие характеристики, как полупрозрачность, цвет, блеск и относительная труднодоступность, вывели обсидиан и некоторые камни (бирюза, хризокolla, халцедон, кварц) за рамки утилитарного использования, сделав ценным материалом для применения

в церемониальной и ритуальной жизни древних перуанцев. Obsидиановые бифасы появляются в погребениях, а иконография текстиля показывает, что в последних фазах паракаса ножи из этого минерала применялись для обезглавливания [2; 3]. Это превращает вулканическое стекло в важный ресурс в цепочке торговых контактов, а спрос на него приводит к укреплению обменных сетей [3, p. 184–185].

Использование obsидиана не ограничивалось только ритуальными практиками. Можно отметить его бытовые функции: 1) использование в текстильном производстве; 2) вырезание орнамента на керамике; 3) обработка пищи, 4) иные сферы деятельности, требующие точности [3, p. 178–179].

Дротики и копья, снабженные obsидиановыми наконечниками, могли применяться на охоте и в военных целях, хотя последнее еще предстоит доказать [2, p. 7–8]. Наконец, obsидиан повлиял на развитие медицины, так как из него изготавливались хирургические инструменты, необходимые для трепанации черепов — операции, характерной для поздних этапов развития паракаса [3, p. 185].

Таким образом, вулканическое стекло для доколумбовых андских обществ являлось важным сырьем, играющим особую роль в межрегиональных обменах, ритуалах и церемониях, используемым в повседневной жизни и медицине. Поскольку применение вулканического стекла отмечается на обширной территории тихоокеанского побережья, понимание его назначения в культурах Южной Америки может помочь в аналогичных исследованиях в России.

1. Tantaleán H. The Paracas Society of Prehispanic Peru // *Latin American History*. Oxford Research Encyclopedias. 2021. P. 1–27.
2. Burger R. L. Late Paracas Obsidian Tools from Animas Altas, Peru // *Andean Past*. 2007. № 8. P. 1–17.
3. De Leonardis L., Glascoc M. D. From Queshqa to Callango: A Paracas Obsidian Assemblage from the Lower Ica Valley, Peru // *Ñawpa Pacha: Journal of Andean Archaeology*. 2013. Vol. 33. № 2. Pp. 163–191.
4. Burger R. L., Glascoc M. D. Tracking the Source of Quispisisa Type Obsidian from Huancavelica to Ayacucho // *Andean archaeology: variations in sociopolitical power* / H. Silverman, W. H. Isbell (eds). Kluwer Academic, Plenum Publishers. New York, 2002. Pp. 341–368.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. А. В. Табарев

УДК 902.930

Вооружение саргатской культуры: историографический аспект

Ш.Я. Зарипов

Тюменский государственный университет

Материалы вооружения — отличный источник, дающий возможность реконструировать не только военный, но и социальный аспект жизни древних людей. Интерес к комплексному изучению вооружения саргатской культуры приходится на конец 1980-х гг. До этого времени военной оснащённости населения раннего железного века были посвящены отдельные заметки в контексте исследований погребальных комплексов и их публикации.

В 1980–1990 гг., в период накопления материала, исследователи проводили классификацию и типологию вооружения. Так, Н. П. Матвеева, Н. В. Полосьмак, Л. Н. Корякова и В. А. Могильников затрагивали тему вооружения в контексте публикации их исследований могильников Абатский, Сидоровка, Рафайловский, Исаковский и др. Притоболья, Приишимья и Прииртышья, в том числе обобщенно. В работах ученые пришли к выводу, что вооружение саргатской культуры близко к скифо-сарматскому, воины имели особый статус в обществе, а подавляющее большинство войск было представлено конными воинами — как легковооруженными, так и тяжеловооруженными. Итогом изучения вооружения саргатской культуры в XX в. стала работа Л. И. Погодина [1]. Накопленная база помогла исследователю выделить несколько типов клинкового оружия, где главным качественным признаком были навершия. Раскрыта тема защитного и наступательного вооружения. Клинковое вооружение было разделено на четыре типа, при этом автор не относит мечи и кинжалы к разным видам. Защитные панцири были разделены на три типа: костяные, железные и комбинированные. Также, автор классифицировал немногочисленные находки копий, боевых поясов, шлемов. Тему наступательного вооружения дальнего боя Л. И. Погодин в своей работе не затрагивал, аргументируя это тем, что отдельная работа на данную тему уже существует. Была подкреплена фактами теория В. А. Могильникова о преобладании конных воинов и появлении «катафрактариев» ко II в. до н. э. В целом, в XX в. благодаря комплексным изысканиям исследователи пришли к заключению, что вооружение саргатского населения близко к скифскому и сарматскому, а уровень развития воинской организации по некоторым позициям превосходит уровень сармат и гуннов, что объясняется более оседлым хозяйственным укладом саргатов.

В 2000–2010 гг. вооружение саргатской культуры послужило материалом для ряда графических реконструкций внешнего облика воинов. А. И. Соловьев в монографии представляет реконструкции общего облика саргатских воинов, включая реконструкцию способа крепления оружия с помощью портупейного ремня, который располагался на груди [2]. В дальнейшем публиковались статьи, где были реконструированы защитный панцирь, найденный в погребении могильника Язев-3, и костюм воина из мо-

гильника Сидоровка [3; 4]. Подробно описаны способы крепления защитных пластин, а также облик панциря, детально описаны способы крепления и ношения оружия, внешний вид ножен. Облачение воина из Сидоровки скорее парадное, чем боевое. Отмечалось, что тема реконструкции панцирей остается дискуссионной, так как находки полного доспеха очень редки. Итогом таких исследований стала статья, в которой было представлено несколько аутентичных графических реконструкций [5]. Учитывая, что у саргатских племен были обширные торгово-экономические и политические связи с соседями, делается вывод, что ранние погребальные комплексы саргатской культуры указывают на связь с саками, а поздние — с сарматами.

Таким образом, можно выделить несколько лагун в изучении вооружения и военного дела саргатской культуры — не решен вопрос о специфике саргатского вооружения: чем же отличается вооружение саргатского населения от оснащения их соседей, тактики ведения боя и уровня развития вооружения и военной мысли в определенные периоды.

1. Погодин Л. И. Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. Омск: ОмГУ, 1998. 84 с.
2. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до Средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
3. Матвеева Н. П., Потемкина Т. М., Соловьев А. И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язев-3) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4 (20). С. 85–99.
4. Матвеева Н. П., Хайдукова Д. В., Долгих А. С. Реконструкция костюма воина из могильника Сидоровка (Западная Сибирь) // Вестник Тюменского гос. ун-та, 2013. № 2. С. 7–20.
5. Матвеева Н. П., Проконова М. М. Воинские облачения из элитных погребений саргатской культуры (Западная Сибирь) // Stratum plus. Кишинев, 2019. № 3. С. 89–98.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Н. П. Матвеева

УДК 902

Керамика еловской культуры: выделение сосудов одной школы (по материалам Еловского II могильника)

Е. Е. Зубченко

Новосибирский государственный университет

Еловская культура — одна из культур бронзового века, памятники которой локализируются на территории Западной Сибири. Она была выделена М. Ф. Косаревым на основе материалов памятников Десятовского и Еловского поселений в 1964 году [1]. Несмотря на то, что еловская культура была выделена более полувека назад, до настоящего момента относительно нее в исторической науке не существует единого мнения. Ученые до сих пор спорят о ее хронологических и территориальных рамках, истоках, локальных вариантах, о ее влиянии на другие культуры эпохи бронзы и т. д., то есть существует множество нерешенных вопросов. Один из способов их решения — изучение керамики как наиболее массового и информативного материала из археологических памятников, так как именно по керамическому материалу была выделена еловская культура.

Цель нашей работы — выявление сосудов, выполненных в рамках одной школы. Важно уточнить, что исследование направлено на изучение погребальной посуды и именно целых сосудов (182 шт.), что во многом обуславливает специфику работы.

Выделение сосудов одной морфологической традиции — одна из важных, но пока мало исследованных проблем в археологии. На сегодняшний день опубликованы три варианта методики: 1) методика Е. В. Волковой [2]; 2) методика Е. В. Волковой и Ю. Б. Цетлина [3]; 3) методика Л. Н. Мыльниковой и Д. В. Селина [4]. В настоящей работе керамика еловской культуры была проанализирована с помощью «Программы статистической обработки керамики из археологических раскопок» В. Ф. Генинга [7], дополненной разработками Л. Н. Мыльниковой и Д. В. Селина.

Еловский II могильник, керамическую коллекцию из которого мы анализируем, является частью Еловского археологического комплекса (ЕАК), который был открыт и исследован в период с 1960-х по 1982 гг [5]. Важно отметить, что Еловский II могильник содержит наиболее многочисленный и разнообразный материал среди всех памятников ЕАК; именно здесь пересекаются погребальные традиции трех разных культур (самусьской, андроновской, еловской) [6]. Это дает специалистам возможность выявить основные черты погребальной посуды этих культур, доказать или опровергнуть их взаимодействие. Работа производится по уже опубликованным данным [6].

С помощью вышеупомянутых методик проведен анализ керамической коллекции. Полученные результаты позволяют утверждать, что некоторые части формы сосуда являются «устоявшимися» — такие как высота и ширина горловины (около 90 % сосудов имеют очень низкую и широкую горловину); другие же образуют две четкие группы. Так, почти все сосуды имеют либо малую, либо среднюю «высотность» (около 52 и 47 % соответственно) и либо среднее, либо широкое днище (около 49 и 46 % соот-

ветственно). Остальные части формы в разной степени варьируются. Таким образом, мы заключаем, что для погребального обряда специально выбирались сосуды определенной формы, а точнее — определенной высоты.

Также нам удалось выявить несколько керамических групп, вероятно, изготовленных одним мастером или группой мастеров, работающих в одной традиции. При соотнесении вышеупомянутых данных и планиграфии могильника у нас появляется возможность установить единовременность изготовления определенных сосудов, то есть существования некой «школы», совокупности технологических приемов в изготовлении сосудов, неизменно воспроизводимых мастером или мастерами раз за разом. Прослеживаемых морфологических рядов, то есть групп сосудов с похожими «указателями форм» (по Генингу), выявлено 37 [7].

1. Косарев М. Ф. Бронзовый век среднего Обь-Иртышья. Автореф.: Дис... канд. ист. наук. М., 1964.
2. Волкова Е. В. Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археологический сборник, 1998. Вып. 3. С. 135–146.
3. Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 379 с.
4. Мыльникова Л. Н., Селин Д. В. Комплекс керамики андроновской культуры Еловского II могильника: морфологический анализ (возможности методики В. Ф. Генинга) // Вестник КемГУ. 2015. № 2–6 (62).
5. Матющенко Б. И. Еловский археологический комплекс. Часть первая. Еловский I курганный могильник. Омск: Омск. гос. ун-т, 2001. 62 с.
6. Матющенко В. И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004. 468 с.
7. Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. 1973. № 1.

Научный руководитель — д-р. ист. наук Л. Н. Мыльникова

УДК 902

Наскальное искусство Среднего Приангарья: современное состояние и перспективы изучения

Н. С. Кацер

Братский государственный университет
Студенческая научно-исследовательская лаборатория
«Археология Приангарья», Братск

Территория Приангарья с точки зрения изучения наскального искусства является регионом знаменательным. Первые наскальные изображения были зафиксированы уже в 1725 г. у дер. Климова руководителем первой научной экспедиции в Сибирь доктором Д. Г. Мессершмидтом, в 1736 г. на них побывал руководитель академического отряда Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллер. На протяжении XIX — начала XX в. в долине Ангары путешественниками, геологами и археологами была обнаружена галерея писаниц на втором Каменном острове, на р. Оке у дер. Сахаульской (Заваль) и Большакадинских порогах.

Существенным шагом в изучении наскального искусства Приангарья стали научные экспедиции Иркутского областного краеведческого музея и Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в 1930-х гг. и Института истории, филологии и философии АН СССР в 1970-х гг. под руководством А. П. Окладникова (в связи с подготовкой к затоплению Братского и Усть-Илимского водохранилищ). В период полевых работ фиксировались все известные изображения, были открыты десятки новых памятников наскального искусства эпохи неолита — средневековья в долине Ангары и нижнем течении Оки. Благодаря обобщающей монографии изображения стали доступны для научного изучения и вошли в фонд мировой культуры, в то время как сами памятники были погребены на дне рукотворных морей, из-за чего А. П. Окладников признал, что «отныне изучение ангарских писаниц становится делом подводной археологии будущего» [1; 2].

Исключительным случаем можно считать то, что в ходе спасательных работ, организованных научными и общественными организациями, удалось сохранить около 70 каменных плит с композициями и отдельными рисунками со второго Каменного острова (вывезены в 1959 г., хранятся в фондах Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева) и блок с изображением «Пасущийся лось» с о. Ушканий (вывезен в 1975 г., хранится в музее «Ангарская деревня им. О. М. Леонова» в Братске).

Сегодня помимо публикаций 1950–1970-х гг. в качестве первоисточников выступают экспедиционные фотографии, рисунки, копии на кальке, которые хранятся в Новосибирске, Иркутске, Санкт-Петербурге. По материалам фонда А. П. Окладникова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН продолжаются исследования в области стилистики и классификации изображений [3].

Следующей важнейшей задачей является попытка интерпретации значительного пласта «неопознанных», «нерасшифрованных» наскальных изображений с учетом новых данных — антропоморфных и зооморфных изображений, символов на ритуальных керамических сосудах, каменной и костяной скульптуре — с применением современных исследовательских методов и подходов. В качестве примера выступают композиции и изображения, охарактеризованные А. П. Окладниковым как «неопознанные» — те, которые не вписываются в известные категории и стили. Так, один из этих рисунков на скалах первого Каменного острова, «две широкие полосы, между которыми находится круг с отверстием посередине» [1, с. 172], сегодня можно было бы отнести к солярным символам.

Перспективным направлением является применение современных методик и подходов к изучению сохранившихся блоков с изображениями в музеях Иркутска и Братска. Для писаниц и петроглифов Среднего Приангарья необходимо провести трасологический анализ, современное копирование с применением лазерного SD-сканирования, макросъемки, облачной фотограмметрии [4].

Следует учесть, что скальники Ангары на удалении от побережья, долины ее притоков в районах сосредоточения писаниц — Вихорева, Шаманка, Кежма-Дубынинская, Кутурма, Долгая, Зеда и др. — никогда не подвергались полевому обследованию на предмет выявления памятников наскального искусства. Поэтому закономерно отметить перспективность проведения подобных исследований.

1. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.: «Наука», 1966. 322 с.
2. Окладников А. П. Новые наскальные рисунки Долгого (Дубынинского) порога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 160–191.
3. Пономарева И. А. К вопросу о выделении ангарского стиля // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. № 2. 2016. С. 69–80.
4. Зоткина Л. В. Возможности фиксации петроглифов для трасологического изучения (к историографии вопроса) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 3: Археология и этнография. С. 16–26.

Научный руководитель — М. В. Панюхин

УДК 902/903.02/903.23

Методы естественных наук в изучении древней керамики юга Дальнего Востока (на примере памятника Солонцовая-2)

А. А. Лазина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Керамика — продукт, получаемый в результате определенных манипуляций с пластичным сырьем: глинами и добавками. Процесс создания керамической посуды делится на несколько стадий: подбор сырья, создание формовочных масс, конструирование сосуда, обработка поверхности и декорирование, сушка изделий и обжиг.

Наиболее доступными методами изучения древней керамики являются визуальное наблюдение и бинокулярная микроскопия. С их помощью определяют состав формовочных масс, способы конструирования сосудов, обработки поверхности и декорирования, качество сушки и обжига [1; 2].

Всестороннее изучение керамики с привлечением естественнонаучных методов позволяет восстановить все циклы гончарного производства с максимальной точностью: от подбора сырья для создания формовочных масс до заключительной стадии — обжига.

В последние годы прослеживается положительная тенденция успешного использования методов естественных наук в исследовании керамики юга Дальнего Востока [4–6].

ОАН Солонцовая-2 расположен в Приморском крае, на территории Шкотовского муниципального района, по правому берегу реки Солонцовой. Несмотря на то, что на памятнике были найдены материалы от позднего неолита до этнографической современности, преобладающую часть находок составили материалы двух культур раннего железного века — янковской и кроуновской. Им и было посвящено исследование [7].

Для изучения керамики использовались следующие методы: бинокулярная микроскопия, сканирующая электронная микроскопия (SEM), рентгеновская энергодисперсионная спектрометрия (EDX), измерение показателя водопоглощения, изготовление и описание горизонтальных и вертикальных аншлифов, радиоуглеродное датирование.

Применение бинокулярной микроскопии, аншлифов керамики и рентгеновской энергодисперсионной спектрометрии позволило установить, что для создания формовочных масс янковской и кроуновской культур использовалось сходное глинистое сырье, но с разными вариантами примесей. Ожелезненные глины, активно применяемые древними гончарами, в большом количестве были обнаружены недалеко от памятника. Было высказано предположение об использовании местного сырья представителями обеих культур. Однако для подтверждения этой гипотезы необходим петрографический анализ [3].

С помощью сканирующей электронной микроскопии и показателей водопоглощения определены примерные температуры обжига керамических изделий. Они составили 750–950 °С для янковской керамики и 900–950 °С для кроуновской.

Радиоуглеродное датирование позволило установить границы существования культур на памятнике. Для янковской культуры это IX–VII вв. до н. э., для кроуновской — VI–III вв. до н. э. Однако только для керамики янковской культуры даты были получены по нагару на поверхности сосудов.

Несмотря на ряд трудностей, связанных с подготовкой образцов и оборудования, методы естественных наук позволяют получить данные технико-технологических показателей керамики, а в случае с находками памятника Солонцовая-2 установить сходства и различия в гончарном производстве янковской и кроуновской культур и наметить вектор дальнейшей работы в этом направлении.

1. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
2. Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1996. 328 с.
3. Жущиховская И. С., Залищак Б. Л. Петрографический метод в изучении древней керамики (на материале неолитических-средневековых культур Приморья) // Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР. 1986. С. 55–67.
4. Жущиховская И. С. Опыт применения электронной микроскопии в изучении археологической керамики юга Дальнего Востока // Записки ИИМК РАН. 2017. № 16. С. 75–91.
5. Жущиховская И. С. Показатель водопоглощения древней керамики юга Дальнего Востока: опыт исследования // Тихоокеанская археология. 2014. Вып. 29. С. 27–49.
6. Кузьмин Я. В., Болдин В. И., Никитин Ю. Г. Хронология культур раннего железного века и средневековья Приморья // Россия и АТР. 2005. С. 44–55.
7. Лазина А. А., Попов А. Н., Федорец А. Н., Лазин Б. В., Каномата Й. Комплексное исследование керамики раннего железного века многослойного памятника Солонцовая-2 // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 2. С. 18–30.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. Н. Попов

УДК 902/904

Изучение древнего рыболовства на территории Западно-Сибирской равнины в трудах археологов 1930–1950-х гг.

А. А. Ларочкин

Новосибирский государственный педагогический университет

К 1930-м гг. основным результатом исследований в области археологии становится типологическая и хронологическая классификация объектов материальной культуры.

В это время началась разработка региональных археологических периодизаций, а также активная аккумуляция археологического материала. Исследовались малоизученные регионы (Нижнее Приобье, Дальний Восток). Во второй половине 1930-х гг. выходят первые работы по рыболовству. Их результаты основаны на материале, собранном еще до революции. В 1936 г. вышла статья А. П. Окладникова, посвященная «каменным рыбам» [1], в которой дается анализ данного типа артефактов. Делается вывод о том, что они могут быть как предметом древнего искусства, так и рыболовной снастью-приманкой.

Для Восточного Зауралья также характерно появление публикаций, связанных с первичным обобщением археологических материалов. Примером может послужить статья П. А. Дмитриева, раскрывающая тему древнего рыболовства на стоянках вблизи Андреевского озера [2]. Были опубликованы следующие находки, относящиеся к занятию рыбной ловлей: остроги, грузила, крючки и поплавки от сетей. Высказано предположение о том, что в древности существовали деревянные ловушки для рыбы. Также ученым отмечались следы ихтиофауны, но определены они не были. Несомненный вклад П. А. Дмитриева заключается в попытке градации областей Зауралья по двум маркерам: особенностям археологических находок, относящихся к рыболовству, и учету гидрографии и климата каждого из регионов. К сожалению, начавшаяся война не позволила исследователю продолжить свои изыскания.

В послевоенный период археологическое исследование Зауралья было продолжено В. М. Раушенбах [3]. В своей работе на основании данных археологии, этнографии и палеоклиматологии автор выделила четыре этапа развития древнего хозяйства Восточного Зауралья. При этом, как отмечает В. М. Раушенбах, рыбная ловля была одним из основных видов хозяйства, выявленных на территории торфяников поселений начиная с эпохи мезолита — неолита (шигирская культура) до начала II-го тысячелетия до н. э. (ранний этап горбуновской культуры).

С середины 1930-х гг. появляется интерес к исследованию малодоступных регионов Сибири с последующей аккумуляцией археологических находок. Появляются обобщающие труды, определяющие роль и место древних промыслов в системе жизнеобеспечения человека. В этот период в регионе Нижнего Приобья начинается деятельность В. Н. Чернецова. До войны он участвовал в экспедициях по Конде и Ямалу, вследствие чего собрал обильный археологический и этнографический материал. Именно исполь-

зование последних является характерной чертой трудов В. Н. Чернецова. Исследователь отмечает большую роль рыболовства в хозяйственной жизни населения региона, что находит отражение в его фундаментальной монографии, опубликованной в 1953 г. [4] Ученому удалось провести реконструкцию рыболовного промысла в системе древнего хозяйства, а также сопоставить его с современной добычей рыбы у хантов и манси.

Изучение Верхнего Приобья в 1940–1950-х гг. связано с именем М. П. Грязнова. В это время проводились работы в урочище Ближние Елбаны. Их результаты были опубликованы в капитальной монографии [5]. В этом исследовании ему удалось обобщить древнюю историю населения Верхнего Приобья от андроновского времени до начала железного века. В монографии не освещались вопросы древних миграций и хозяйственного уклада (последний представлен схематично). Роль рыболовства, по мнению М. П. Грязнова со времени бытования андроновской культуры начинает уменьшаться либо превращается во вспомогательную в комплексной системе хозяйствования. Развитие хозяйства дается по косвенным источникам, в частности, по погребальному обряду.

Таким образом, в период 1930–1950-х гг. происходило определение места рыболовства в общей картине социально-экономического развития древних племен Западной Сибири. Рыболовство в обобщающих работах советских археологов рассматривается как отрасль присваивающего хозяйства. При этом начиная с эпохи энеолита его значимость постепенно уменьшается. Источниками для изучения рыболовства становятся орудия ловли и останки ихтиофауны.

1. Окладников А. П. Каменные рыбы (К изучению памятников неолитического искусства Восточной Сибири) // Советская археология. 1936. № 1. С. 215–245.
2. Дмитриев П. А. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе / Из истории родового общества на территории СССР. М. — Л.: ОГИЗ, 1935. С. 181–205.
3. Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы, 1956. 152 с.
4. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.
5. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. 1956. № 48. 163 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. А. Дураков

УДК 902.930

К вопросу об изучении военного дела Западной Сибири в эпоху ранней и развитой бронзы

И. Н. Латышев

Тюменский государственный университет

В эпоху бронзы территория лесостепного и южно-таежного Обь-Иртышья стала ареной активного взаимодействия автохтонных и пришлых обществ, отношения между которыми складывались драматически и заканчивались вооруженными конфликтами. Ключевую роль в реконструкции этих процессов играют предметы вооружения, особенно с учетом того, что развитие металлообработки привело к выделению оружейного производства в особую отрасль экономики. Войны стали систематическим явлением социально-политической жизни, поэтому обладание более совершенным вооружением и, как следствие, соответствующей военной стратегией и тактикой стало ключевым фактором в исторических процессах.

В эпоху ранней бронзы для культур Западной Сибири (усть-тартарской, гребенчато-ямочной, ирбенской, большемысской, кротовской, самусьской, елуинской АК) характерно мирное сожителство их носителей — об этом говорит А. Г. Шатов [1], в качестве аргумента указывая на отсутствие диспропорции погребенных разного пола в могильниках. Автор не отрицает возможности вооруженных конфликтов и отмечает увеличение роли войны по находкам бронзовых и медных наконечников стрел и топоров с Верхнего Приобья. Предполагается, что ранняя милитаризация населения большемысской АК происходит под давлением постоянных контактов со степью.

С. В. Цыб [2], В. И. Молодин [3] и А. Г. Шатов [1] для ранней бронзы выделяют следующий комплекс вооружения: топоры, ножи, дубины, копья, луки, каменные, костяные и роговые наконечники стрел. По мнению А. И. Соловьева [6], из них к доминирующим видам относятся луки с каменными и костяными наконечниками стрел, а также каменные топоры. В отношении последних разгорелась дискуссия: по А. Я. Брюсову и М. П. Зимину, это исключительно ударное и метательное оружие; по С. В. Киселеву и Л. Р. Кызласову, это орудия труда, использовавшиеся в горнодобыче; по С. В. Цыбу [2], данная категория инвентаря делится на рабочие, многофункциональные и боевые топоры.

При этом авторы придерживаются общей идеи об отсутствии организованной тактики ведения боя в ранней бронзе. Вероятно, при столкновении противоборствующих группировок побеждал тот, кто численно превосходил соперника. Как пишет С. В. Цыб, такой бой проходил в два этапа. На первом использовалось стрелковое и метательное вооружение с целью нанести максимальный урон противнику. Далее соперники вступали в ближний бой, используя колющее (костяные кинжалы/ножи и каменные копья) и ударно-дробящее (каменные топоры и деревянные дубины) оружие.

Уже в развитой бронзе, по наблюдениям А. Г. Шатова [1], расширяется комплекс вооружения, его виды и типы (сейминско-турбинский), что может говорить о возникно-

вании специализации в военном деле у населения Западной Сибири, принадлежащего кротовской, елунинской и самусьской АК. Воины могли быть экипированы составным луком из костяных и роговых накладок, бронзовыми наконечниками стрел, ножами, кинжалами и дротиками, булавами с каменным навершием и деревянной рукоятью. В связи с совершенствованием наступательного вооружения возникла потребность в создании защитного обмундирования. К нему А. И. Соловьев [4] и А. Г. Шатов [1] относят бронзовый или плетеный щит (иногда покрытый кожей), костяной или роговой ламеллярный и чешуйчатый доспех, плотную кожаную куртку, нагрудник и наручи по материалам могильников Сопка-2 и Ростовка. По мнению части исследователей, такое возрастание технического оснащения западносибирского населения привело к возникновению тактики ведения боя. В контексте данного вопроса П. М. Кожин [5] ввел понятие «сибирская фаланга», которая состояла из трех чередующихся шеренг воинов с копьями-крюками, копьями и пиками. По мнению А. И. Соловьева [4], при таком построении допустимо использование только одного типа оружия. А. Г. Шатов [1], Ю. С. Худяков и К. Ы. Белинская ставят под сомнение существование таких сложных формаций из-за ограниченных людских и продовольственных ресурсов при доминировании присваивающего типа хозяйства у населения развитой бронзы.

Подводя итоги, мы можем сказать, что военное дело к развитой бронзе усложняется, однако вопросы тактики боя остаются открытыми. Пока не решены проблемы поиска свидетельств битв, следов насилия и штурма поселений, что в свою очередь затрудняет изучение направлений развития военного дела в последующее время, в частности, в андроновский период.

1. Шатов А. Г. Военное дело населения лесостепной полосы западной сибери в эпоху ранней и развитой бронзы: Дисс... канд. ист. н. Новосибирск, 2005. 220 с.
2. Цыб С. В. Каменные боевые топоры Западной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. 1981. С. 6–13.
3. Молодин В. И., Гришин А. Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 5. Новосибирск: СО РАН, 2019. 222 с.
4. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.
5. Кожин П. М. Сибирская фаланга эпохи Бронзы // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. 1993. С. 16–18.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Н. П. Матвеева

УДК 902/904

Манипуляции с человеческим телом: по материалам погребений одиновской культуры Барабинской лесостепи

А. А. Некраш

Новосибирский государственный университет

При проведении работ ИАЭТ СО РАН в Барабинской лесостепи за последние 50 лет были открыты и полностью изучены сплошными площадями несколько погребальных памятников одиновской культуры (Сопка-2, Преображенка-6, Усть-Тартас-2 и Тартас-1). В процессе исследования на могильниках были зафиксированы результаты различных действий с отдельными частями тела умершего.

Цель нашей работы — представить набор манипуляций, совершаемых с телом усопшего. Работа выполнена на опубликованных источниках.

На одном из самых больших могильниках одиновской культуры, Сопка-2/4А, зафиксировано 237 погребенных [1]. Анализируя положение отдельных частей тела, можно отметить, что руки чаще всего были вытянуты вдоль туловища (63 ед.), согнуты в локтях (10 ед.) или же эти положения совмещались. Отмечены случаи «вывернутых рук» с ладонями, направленными вниз. Кисти располагались в области таза, но зафиксировано их положение как под, так и над тазовыми костями. Выявлены случаи «обрубания» рук, а также наличие погребенных с отсутствием кистей/стоп при хорошей сохранности скелета.

Для следующих памятников сложнее выделить манипуляции с телом умершего, так как данные опубликованы частично, что не позволяет в полной мере провести анализ. На могильнике Тартас-1 зафиксированы более разнообразные манипуляции с отдельными частями тела погребенных: руки могли быть вытянуты вдоль тела или согнуты в локтях, ладони направлены вниз, производились различные манипуляции с костью в районе таза (на груди, на поясе, на бедре, на левой стопе, на крестце, под костями таза). Ноги погребенных могли быть притянуты к животу (в позе эмбриона, 2 ед.), стопы — сомкнуты или заведены за спину (6 ед.). Стоит отметить, что в мужских погребениях правую руку изредка выворачивали назад (погр. № 364 и 365), в женских погребениях руки заводили за спину (погр. № 495 и 484) [1; 2].

На могильнике Преображенка-6, например в погр. № 76, повторяется тенденция с памятника Сопка-2/4А. Положение скелета вытянутое, лежа на спине, руки вдоль тела и вывернуты, из-за чего ладони направлены вниз (правая рука была на тазовых костях, а левая — под тазовыми), при этом ноги и стопы сомкнуты [4].

На могильнике Усть-Тартас-2 ноги и стопы погребенных были плотно сомкнуты, ладони направлены вниз. Если отмечать положение рук, то оно схоже с тем, что наблюдалось на других могильниках: руки вытянуты и/или согнуты в локтях, находятся под или над тазовыми костями.

Исследователями уже не раз отмечалось особое отношение к голове погребенного. На могильнике Сопка-2/4А чаще всего встречаются ситуации, когда детский череп на-

ходится в могиле взрослого человека (10 ед.) в районе живота. У взрослых индивидуумов в области ног зафиксированы отдельные женские черепа (3 ед.), мужские и неопределенной принадлежности — у головы (5 ед.). На могильнике Усть-Тартас-2 выявлен интересный случай (погр. № 76): пять тел были захоронены без головы и в могиле располагались «валетом» [3].

В погребальной практике к термину «манипуляция» можно также отнести ситуации, когда погребаемого обворачивали берестой, применяли огонь или посыпали охрой. Таких случаев на всех названных могильниках одиновской культуры зафиксировано небольшое количество, скорей всего, они совершались в виде исключения.

Таким образом, сложно объяснить причину разрушения тела человека при погребении или расположение отдельных частей определенным образом (например, головы или рук). Вероятнее всего, подобные манипуляции связаны с проявлением духовной культуры населения Западной Сибири. Полная публикация материалов позволит существенно дополнить имеющиеся данные.

1. Молодин В. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 3. 220 с.
2. Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Конева Л. А. Рыба в погребальной и ритуальной практике одиновской культуры в Барабинской лесостепи (по материалам могильника Тартас-1) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. Томск, 2019. № 62. С. 170–179.
3. Молодин В. И., Мильникова Л. Н., Кобелева Л. С., Нестерова М. С., Хансен С., Селлин Д. В., Кудинова М. А., Дураков И. А., Швецова Е. С., Ненахова Ю. Н., Райнхольд С., Бобин Д. Н. Продолжение раскопок грунтовых могильников эпохи бронзы в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. XXVI. С. 501–509.
4. Молодин В. И., Позднякова О. А., Чемякина М. А., Степаненко Д. В., Ненахов Д. А., Ковыршина Ю. Н., Борзых К. А. Комплексные исследования памятника Преображенка-6 в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. XVI. С. 251–255.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. Л. Н. Мильникова

УДК 903

Мегалитическая культура Индонезии на примере каменных саркофагов острова Бали

А. А. Портнова

Новосибирский государственный университет

Мегалитической культурой назван особый тип крупных каменных предметов культового назначения, например погребальные урны, саркофаги, жертвенные алтари и прочее. Эта специфическая культура вырастает на почве раннего неолита и развивается позднее вместе с культурой эпохи палеометалла, впитывая многие ее черты и признаки. Свое выражение она находит и в островной части Юго-Восточной Азии, например на острове Бали (Индонезия). Особые мегалитические памятники — дольмены, кромлехи, менгиры, каменные троны — были созданы в первый период развития этой культуры, называемый ранним [1]. По словам Р. Гельдерна, «мегалиты связаны с особыми представлениями о жизни после смерти; большинство из них возводятся в ходе обрядов для защиты души от опасностей, угрожающих ей в ином мире или на пути туда, и обеспечения вечной жизни тем, кто воздвигает памятники себе и при жизни, и тем, кому они воздвигнуты после их смерти» [2]. Мегалиты являлись связующим звеном между миром живых и миром мертвых, становились местом проведения различных обрядов. «Младшая» мегалитическая культура, вобравшая в себя многие элементы культуры донгшон (Вьетнам), характеризуется каменными саркофагами и ящиками, используемыми в качестве могил; каменными статуями предков, бусами из стекла, сердолика; погребениями в согнутом и вытянутом положении с более чем одним трупом в одной могиле; бронзовыми и железными орудиями [1].

На острове Бали мегалитическая культура представлена саркофагами. Упоминания о них начинают появляться в статьях голландских авторов с 1921 г., после обнаружения де Кат Ангелино фрагментов саркофага в деревне Танггэхэн-Пекек округа Бангли, в храме Пура Пенатаран [3]. В период с конца 1920-х до 1950-х гг. на острове было зафиксировано около 50 местонахождений саркофагов, которые в подавляющем большинстве были разрушены и разграблены, возможно, еще в древности. В мае 1928 г. в северной части Бали (округ Бусунгбию) был обнаружен целый саркофаг с останками взрослого мужчины, захороненного в скорченном положении, а также с фрагментами бронзовых изделий [4]. Даже при условии, что случайно обнаруженные в течение 30 лет саркофаги были в основном разрушены и разграблены, довольно многочисленными стали находки погребального инвентаря: бронзовых колец, браслетов, бубенчиков, спиралевидных накладок на пальцы и предплечья, подвесок, топоров полулунной формы, плоских наконечников копий сердцевидной формы, украшений с агатами и карнеолами.

Впервые памятник с саркофагами был полноценно археологически исследован ван Геекереном в 1954 г. у деревни Нонган в округе Карангасем [5]. Там были обнаружены два саркофага, один из которых оказался пуст, а во втором были найдены фрагмент

бронзовой проволоки, сердоликовые бусины и фрагменты железного изделия. Именно ван Геекерен предложил первую классификацию саркофагов.

1. Небольшие саркофаги из туфа длиной от 0,9 до 1,2 м, в которых умершие были похоронены в скорченном положении вместе с оружием и украшениями.

2. Большие саркофаги из брекчи длиной более 2,5 м. По-видимому, тела в них были похоронены в вытянутом положении. На Бали известно только три больших саркофага на период публикации. Локальная это вариация или более ранняя/поздняя форма саркофага — неясно.

Последние раскопки, в результате которых были обнаружены два саркофага (Амбиарсари и Бусунгиу), были проведены в середине 1984 г. в Гилимануке. Примечательно, что оба уже были ранее потревожены [6]. Саркофаг Амбиарсари имеет очень специфическое значение с точки зрения формы этого объекта. Помимо симметричной формы крышки и гроба, которая символизирует лодку с килевым или плоским дном, крышка была вырезана очень художественно, приближаясь к форме буйвола, с резным украшением на верхней и нижней поверхности, стилистически изображающим женские гениталии. Буйвол обозначал проводника в загробный мир, что подчеркивает важное культовое значение саркофагов как особого типа мегалитов на острове Бали.

1. van Heeckeren H. R.. The Bronze-Iron Age of Indonesia. 1958. Pp. 44–79.
2. Heine-Geldern R. Prehistoric Research in the Netherlands Indies // Science and Scientists in the Netherlands Indies. 1945. V. 7. Pp. 129–167.
3. Kat Angelino P. Hindoe of Heiden // Nederlandsch-Indie Oud en Nieuw. 1921–1922. V. 6. Pp. 281–284.
4. Korn V. E. Lijkbezorging op Bali // De Locomotief. 1928.
5. van Heeckeren H. R. Protohistoric Sarcophagi on Bali // Bulletin of the Archaeological Service of the Republic of Indonesia. 1955. N 2. Pp. 1–15.
6. Soejono R. P. A Late Prehistoric Burial System in Indonesia: Additional Notes on Gilimanuk, Bali // Conference Papers on Archaeology in South East Asia (The University Museum and Art Gallery the University of Hongkong). 1995. Pp. 181–189.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. А. В. Табарев

УДК 902/904

О влиянии древних культур тихоокеанского побережья Эквадора на территорию Западной Мексики в доколумбовую эпоху

Е. Е. Славинская

Новосибирский государственный университет

С середины XX в. в североамериканской археологии развернулась дискуссия о возникновении памятников доколумбовой эпохи, так называемой традиции шахтных гробниц с камерами (deep-shaft-and-chamber tombs) [1], расположенных вдоль тихоокеанского побережья на территории Западной Мексики в штатах Наярит, Халиско и Колима. Приблизительное время существования «традиции» — III в. до н. э. — IV в. н. э. [2]. Подобные погребения распространены не только в Западной Мексике, но и по всей территории Южной Америки, от Колумбии до Перу.

В 1978 г. американский археолог М. Смит (Michael Smith) предложил гипотезу, которая объяснила схожесть «шахтных гробниц» на вышеупомянутых территориях [3]. Первое, что он выделил, это архитектурную близость погребений: глубокие вертикальные шахты (от 2–3 до 17–20 м) с боковыми камерами. Место расположения гробниц в обоих регионах совпадает: на вершинах холмов, небольших возвышенностях или искусственных насыпях. Важную роль играет и богатый внутренний инвентарь: антропоморфная пластика, различные виды керамических сосудов и морские раковины, которые встречаются как в западно-мексиканских, так и в южноамериканских «шахтных» погребениях [3].

Антропоморфная керамика изображает игру в мяч, воинов, чаще всего это мужские фигуры с короткими и крупными руками, в которых они держат различные предметы быта. У некоторых фигур есть рог, выступающий из лба. Американский антрополог П. Фурст (Peter Furst) предположил, что рог является неким отличительным признаком шаманов (колдунов), которые выступали в роли защитников от сверхъестественной силы [1].

Морские раковины представляются важным для шаманов атрибутом культа, они могли быть музыкальным инструментом в форме трубы (conch shell trumpets) или украшением (бусины). На основании этих фактов М. Смит выдвинул гипотезу, что традиция «шахтных гробниц» в Западной Мексике была «привезена» благодаря торговому обмену с территории нынешнего Эквадора. Его идея основывалась на том, что морской путь с юга на север Америки вдоль тихоокеанского побережья был известен еще до прихода испанцев, но «традиция» не получила дальнейшего территориального распространения в Мексике.

Данная гипотеза была подтверждена уже современными исследователями. Р. Каллахан (Richard Callaghan), используя данные о течениях и технических характеристиках парусных плотов, разработал компьютерную модель доисторического морского путешествия вдоль побережья Тихого океана между Западной Мексикой и Эквадором [4].

Целью экспедиции была торговля ценными морскими раковинами *Spondylus*, которые считались необходимыми ритуальными атрибутами. Кроме того, раковины *Spondylus*, найденные в погребениях Западной Мексики, служили материалом для изготовления антропоморфных фигур [3].

Этот тип двустворчатых моллюсков встречается только у берегов Манаби (Manabi) (современная территория Эквадора) [5], где распространена традиция «шахтных гробниц» в доколумбовых культурах гуангала (II в. до н. э. — VII в. н. э.) и баия (III в. до н. э. — VI в. н. э.) в провинциях Гуаяс (Guayas) и Манаби [6].

В данной работе рассматривается одна из важнейшей проблем возникновения «традиции шахтных гробниц» на территории Западной Мексики, а также особенности взаимовлияния древних культур тихоокеанского побережья доколумбовой Америки. Решение этой проблемы требует новых археологических исследований, активную роль в которых могут сыграть и отечественные специалисты в рамках проекта «Российская археологическая экспедиция в Южной Америке».

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 22-28-00059.

1. Smit M. E. Model for the Diffusion of the Shaft Tomb Complex from South America to West Mexico // The Steward Anthropological Society. 1978. Vol. 9. Pp. 179–205.
2. Острирова Е. С., Табарев А. В. Молчание опустевших гробниц: Древние культуры Западной Мексики // Латинская Америка. 2015. № 6. С. 80–92.
3. Novella R. A. Classification and Interpretation of Marine Shell Artifacts from Western Mexico: Ph.D. thesis from UCL Institute of Archaeology. University College. London. 1995. Pp. 23–77.
4. Callaghan R. T. Prehistoric Trade between Ecuador and West Mexico: A computer simulation of coastal voyages // Antiquity. 2003. Vol. 298. Pp. 796–804.
5. Березкин Ю. Е. Между общиной и государством. Среднемасштабные общества Нуклеарной Америки и Передней Азии в исторической динамике. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 117.
6. Табарев А. В. Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 34–47.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. А. В. Табарев

УДК 902/904

«Импорт» в саргатской культуре: история исследования

А. В. Титова

Новосибирский государственный университет

Среди культур лесостепи Западной Сибири саргатская культура является наиболее изученной. На данном этапе определена ее хронология, подробно описаны локальные варианты, изучен погребальный обряд, хозяйство. Представители саргатской культуры занимали обширное пространство от лесостепи Зауралья и Западной Сибири до среднего течения р. Омь [5].

Вопросы, связанные с изучением импортных предметов в материалах саргатской культуры, были рассмотрены в работах многих отечественных археологов. Основными исследователями данной темы являются Л. Н. Корякова, Н. П. Матвеева, Н. В. Полосьмак, В. И. Матющенко. Основываясь на работах исследователей, мы рассматривали импорт в саргатской культуре в двух аспектах:

- 1) сведения об основных территориях, откуда поступали импортные изделия;
- 2) ассортимент предметов импорта.

Для памятников саргатской культуры, находящихся в Барабинской лесостепи, на территории Обь-Иртышья, характерны импортные изделия из Китая, Средней Азии, Казахстана, а также из стран, через которые проходил Великий шелковый путь. Для западных памятников саргатской культуры, расположенных на территории Притоболья, Тобол-Ишимья, характерен импорт из Причерноморья, Поволжья, Средиземноморья [1; 3; 4]. Так, в материалах саргатских памятников Барабинской лесостепи встречаются ханьские зеркала, стеклянные бусы [3]. В могильнике Сидоровка были найдены предметы вооружения, представляющие собой предметы хуннского, сяньбийского (оружие дальнего боя и доспех) и сарматского (оружие среднего и ближнего боя) импорта [2]. В памятниках саргатской культуры Среднего Притоболья много инвентаря типично сарматских форм, в частности, оружия, зеркал, жертвенников, курильниц. Через сарматов к племенам саргатской культуры поступали бусы северо-причерноморского происхождения, египетский фаянс. На памятниках Тобол-Ишимья встречаются зеркала, которые были произведены на территории Поволжья [6].

Исходя из этого, при изучении территории происхождения импорта и основного набора импортных предметов в материалах саргатской культуры можно составить представление о связях саргатцев с соседними культурами и странами. Предметы импорта саргатской культуры, найденные на территории Барабинской лесостепи и Обь-Иртышья, указывают на устойчивые связи с Китаем, странами Средней Азии, Казахстаном. Ареал саргатской культуры был включен в северное ответвление Великого шелкового пути. В свою очередь, предметы импорта, найденные на территории Притоболья, Тобол-Ишимья, указывают на западный характер связей представителей саргатской культуры.

Очевидно, что племена саргатцев на этой территории имели развитые связи с сарматами, с населением Поволжья, Причерноморья, Средиземноморья.

Обзор материалов, посвященных изучению материальной и духовной культуры людей раннего железного века лесостепной зоны Западной Сибири, позволил сделать вывод, что население активно развивало связи с соседними территориями. Конечно, нельзя говорить об исключительности данных связей, однако очевидна зависимость набора импортных предметов от местонахождения памятников. Комплексное изучение импорта в материалах памятников саргатской культуры позволяет проследить развитие культуры, выявить влияние соседних народов и традиций на саргатские племена, а также уточнить карту торговых и культурных связей на территории Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке.

1. Корякова Л. Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1988. 240 с.
2. Лихачева О. С. Реконструкция комплекса вооружения знатного воина саргатской культуры (по материалам могильника Сидоровка) // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 34–47.
3. Матвеева Н. П. Саргатская культура на среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.
4. Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 143 с.
5. Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. Отв. ред. С. А. Плетнёва. М., 1981. 304 с.
6. Тигеева Е. В., Белоногова Л. Н. Зеркала саргатской культуры Тоболо-Ишимского междуречья // ВИАЭ. 2018. № 4 (43). С. 84–96.

Научный руководитель — д-р.ист. наук Л. Н. Мыльникова

УДК:902/904

Предметы вооружения на оленных камнях как показатели социальной дифференциации древних кочевников

А. А. Тишкин

Алтайский государственный университет

Оленные камни — это памятники древнего монументального искусства в виде каменных стел с изображениями животных и предметов материальной культуры [1]. Они датируются концом II — первой третью I тысячелетия до н. э. и сосредоточены в основном во Внутренней Азии [2]. Многие такие изваяния символизируют фигуры воинов с определенным набором оружия и снаряжения [3]. Цель нашего исследования — продемонстрировать возможности использования изображений на оленных камнях в качестве маркеров для реконструкции социальной иерархии в обществе древних кочевников. Этому способствуют опубликованные сведения о более чем 1 200 оленных камнях [4].

Среди предметов вооружения наиболее часто встречаются кинжалы, луки в горитах (иногда с колчанами), чеканы, топоры, мечи, боевые ножи и защитное вооружение (щиты и панцирь). На оленных камнях присутствует определенный набор таких изображений, что может быть маркером определения ранга воина в древнем обществе.

Один из самых распространенных комплектов вооружения состоит из кинжала, лука и чекана, которые, по всей видимости, составляли основу экипировки легковооруженного всадника. Принципиально важна схема размещения оружия: чекан с правой стороны, спереди кинжал, а лук — слева. При этом у них имеются отличительные детали, что также следует учитывать в ходе исследований. Отмечены оленные камни, на которые нанесено изображение только одного из указанных предметов вооружения, что указывает на более низкий статус человека.

Стоит отметить находки оленных камней с изображением мечей. Раньше считалось, что у древних центральноазиатских кочевников подобного вооружения не было. Однако современные исследования доказывают, что данная категория оружия была распространена на территории Монголии. Об этом свидетельствуют результаты исследований Буянтской российско-монгольской экспедиции [5]. На памятнике Годон-Гол-VII, зафиксированном на территории Монгольского Алтая у границы с Китаем, найден обработанный валун. На его лицевой грани выбит меч, наклоненный справа налево, рукоятью вверх, клинком вниз. У этого оружия хорошо видны прямое перекрестие с закругленными окончаниями, прямоугольная рукоять и округлое навершие. На правой грани выбит чекан, а на левой — горит с луком. Важно, что представленный оленный камень демонстрирует редкое изображение такого вида оружия, как меч. Аналогичные предметы вооружения оказались всего на нескольких древних изваяниях, обнаруженных в Баян-Ульгийском и в Ховдском аймаках [2; 4]. На памятнике Нууртын дов, расположенном высоко в горах Монгольского Алтая, зафиксирован мемориальный комплекс из семи оленных камней. На трех из них помимо традиционных предметов вооружения

отмечены изображения длинных мечей. Выявленная серия изваяний с мечами указывает на особую категорию воинов в рассматриваемом периоде.

Определенное значение для нашей темы имеет оленный камень, обнаруженный в Архангайском аймаке Монголии на берегу реки Хойт-Тамир [6]. Этот оленный камень отличается тем, что вместо изображений животных на всех его гранях обозначены линии, передающие доспех воина. Такой экземпляр пока единственный.

Наиболее впечатляющим выглядит оленный камень № 13 памятника Баян зурх (Монгольский Алтай) [1]. На нем предметы вооружения связаны с боевым поясом. Они расположены в определенном порядке. Весь комплект представлен следующими предметами: топор, крупный кинжал, лук в горите и с колчаном, боевой нож и щит. Такой набор свидетельствует о принадлежности человека к воинской элите. Подобные изваяния зафиксированы в разных местах Внутренней Азии.

В заключение необходимо указать, что известные оленные камни позволяют в перспективе выделить несколько рангов в военной иерархии обществ культуры херексуров и оленных камней. Такое объединение может рассматриваться в качестве одной из самых архаичных кочевых империй [6].

1. Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Науч. мир, 2002. 248 с.
2. Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СПбГУ, 1994. 208 с.
3. Худяков Ю. С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тысячелетие — III в. до н. э.). СПб.: Филологический ф-т СПбГУ; Нестор-История. 2011. 172 с., вкл.
4. Монгол ба бус нутгийн буган хушууний соел: Эрдэм шинжилгээний каталог. Боть I / ред. Ц. Төрбат. Улаанбаатар: «Мөнхийн усэг» ХХК, 2021. 496 н. (на монг. яз).
5. Тишкин А. А. Новые находки «оленных» камней в Монголии с изображением панциря и меча // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 117–123.
6. Тишкин А. А. Оленные камни Монголии и сопредельных территорий как один из показателей архаичной кочевой империи (к постановке вопроса) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: электронное издание. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 1026.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. В. В. Горбунов

УДК 902

Мегалитическое наследие Юго-Восточной Азии: поле менгиров Хинтанг (Suan Hin Tang)

А. А. Федорова

Новосибирский государственный университет

На огромной территории Тихоокеанского и Индийского бассейнов в древних культурах известны мегалитические конструкции разных типов: менгиры, дольмены, кромлехи, пирамиды и другие сооружения. Строительство мегалитов в области от Ассамы (Индия) до Западной Бирмы (большинство из них относятся к культу мертвых [1, с. 427–429]) выполнено народами, относящимися к тибето-бирманской и австроазиатской языковым группам, постройка же древних мегалитов в Индокитае производилась жителями северо-востока Лаоса — племенами ка (остатки древних австронезийцев) и кочующих мео (hmong).

На территории этого региона обнаружены свидетельства культурной деятельности человека от палеолита до бронзового века. К древнейшим памятникам относятся менгиры и склепы в провинциях Хуапхан, Луангнамтха, Луангпхабанг, относящиеся к I тысячелетию до н. э. [2, pp. 305–313].

Археологический парк Хинтанг, находящийся в одноименной провинции, — это одно из самых известных мест в Северном Лаосе с мегалитическими полями. С XIV века на этой территории размещалось королевство Бон Ман, в XV веке она вошла в состав Вьетнама, и после образования Французского Индокитае в XIX веке колонизаторы передали эту территорию Автономному протекторату Лаос.

Парк представляет собой несколько ничем не огороженных, заросших лесом участков с вертикально стоящими плоскими камнями, высота которых может достигать трех метров. На сегодняшний день насчитывается около 1 500 менгиров. Над крупными склепами, содержащими останки выдающихся членов общины, менгиров ставилось множество. Если погребение базировалось на холме, то издали можно было его принять за укрепление, обнесенное частоколом. Между стоячими камнями разбросаны большие плоские круглые каменные плиты, видимо, закрывавшие погребальные ямы. Их диаметр достигает 2,5 м. Мегалитическая культура Хинтанг относится к бронзовому веку (2–3 тыс. лет до н. э.) [3], что аналогично и для Долины Кувшинов и говорит об их связи, в том числе из-за явной ритуальной функции обоих памятников. Как и кувшины, стоящие камни определенным образом были связаны с церемониями погребения.

Для строительства менгиров и плит использовали такие породы, как гнейс, амфиболит, риолит и микашист, для их обработки применялись каменные орудия. Ямы имели глубину от 2,5 до 4 м, диаметр до 2 м и разные формы — в виде круга и квадрата. Сверху их покрывали каменные диски. Пол этих могильных ям нередко выкладывался плитами из амфиболита, а стены обмазывались глиной. Внутри они были перегороджены плитами, отделяющими друг от друга две или три камеры. Ямы были могильными

склепами, так как во многих из них устроены каменные ступени, ведущие с поверхности земли вглубь [4, pp. 48–57].

Исследования комплекса начались в XX в., решающая роль в этом процессе принадлежит французским исследователям. Мадлен Колани (1866–1943 гг.), которая также провела первые исследования Долины Кувшинов, возглавляла первую и единственную экспедицию по раскопкам на участках Хинтанга в 1920-х и 1930-х годах. В своей книге 1930 года «Мегалиты Верхнего Лаоса» (фр. *Les Megaliths du Haut Laos*) она представила первое археологическое исследование древней истории региона, где предположила, что менгиры связаны с церемониальными практиками [5]. Внутри погребальных камер были найдены следующие артефакты: керамические погребальные урны, несколько каменных предметов для церемониального использования и бронзовые браслеты. Некоторые из мест, задокументированных М. Колани, сейчас разрушены или почти разрушены (в том числе из-за варварских действий местных жителей) [6].

Можно заключить, что существующий феномен поля менгиров распространен на обширной территории ойкумены, в частности, в Юго-Восточной Азии. Дальнейшие исследования необходимы, чтобы проследить его взаимосвязь с мегалитами данного региона, а также для получения разнообразных данных, с помощью которых станет возможно более точно определить возраст археологического парка Хинтанг и его место в обширной традиции ритуалов погребений, распространенной в континентальной и островной частях Восточной и Юго-Восточной Азии.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00566.

1. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968.
2. Zeitoun V., Forestier H. Multi-Millennial Occupation in Northwestern Laos // *Human Palaeontology and Prehistory*. 2012. Vol. 11. Pp. 305–313.
3. <https://megalithica.ru/arxeologicheskij-park-hintang.html>
4. Ciochon R., James J. Laos Keeps Its Urns // *Natural History*. September, 1995. Vol. 104. N 9. Pp. 48–57.
5. Colani M. Mégalithes du Haut-Laos (Hua Pan, Tran Ninh) // *Bulletin l'École française d'Extrême-Orient*. 1935. Vol. 1. 358 p.
6. Colani M. The Megaliths of Upper Laos // *Bulletin l'École française d'Extrême-Orient*. 1930. 812 p.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

УДК 903.46

Мобильная мастерская: опыт натурной реконструкции рабочего места средневекового кузнеца-ювелира

Р. В. Давыдов

Новосибирский государственный университет

Одним из ключевых факторов, влияющих на материальную культуру кочевых народов, является необходимость постоянного перемещения. В совокупности с домашним характером ремесла, данный фактор обуславливает специфику облика мастерских кочевников. Говоря о кузнечном и ювелирном деле, можно выделить ряд особенностей, отличающих рабочее место кузнецов-номадов от мастерских оседлых культур.

В настоящей работе представлены результаты обобщающей натурной реконструкции рабочего места кузнеца-кочевника, выполненной на основе выделенных характеристик мобильных мастерских номадов.

В качестве источников использован кузнечно-ювелирный инструментарий эпохи средневековья, опубликованные данные о кузнецах и ювелирах кочевников этнографического времени [1–4].

Первой особенностью рабочего места кузнеца-кочевника является компактность инструментария и приспособлений. В средневековых материалах из Южной Сибири отсутствуют массивные наковальни и молоты, которые фиксируются в поселенческих комплексах различных культур [1]. Компактность орудия связана с облегчением веса для транспортировки.

Вторая черта инструментария — наличие комбинированных форм. Это необходимо для снижения количества перевозимых предметов при перемещении мастерской.

Третья особенность — отсутствие отдельного помещения как обязательного условия. В ряде свидетельств этнографического времени кузнецы и ювелиры изображены во время работы на открытом воздухе [2].

Четвертая характеристика кочевой кузницы связана с тремя предыдущими. Рабочее место крайне компактно как по площади, так и по высоте. На известных изображениях работа ведется с приспособлениями на невысоких деревянных подставках, ремесленники сидят на земле. В условиях домашнего ремесла в рамках одной мастерской трудилось 3–4 человека [2; 3].

Исходя из данных характеристик, была произведена натурная реконструкция рабочего места кузнеца-кочевника, рассчитанного на одного исполнителя. За основу была взята конструкция этнографического времени из Улан-Батора, ранее опубликованная автором [4].

Центральным элементом выступала деревянная основа, в качестве которой использовался пень диаметром 40 см и высотой 25 см. В нем были выдолблены отверстия для железных и стальных приспособлений. Они включали: главную плоскую наковальню с ра-

бочей поверхностью 15 × 10 см; высокую круглую наковальню диаметром 5 см; ювелирную высокую квадратную наковальню с лицом 2 × 2 см; подсеку с шириной лезвия 2 см. В боковую стенку пня была вбита железная скоба для крепления инструментов.

Место ремесленника располагалось перед центральной конструкцией. Слева от места мастера были разложены на подложке ударные и абразивные инструменты различной конфигурации.

Справа от места мастера располагался горн, сделанный в виде обложенного галечником углубления в земле. За ним поставлен двухкамерный кузнечный мех. Данный элемент рабочего места наиболее вариативен и полностью отсутствует в ювелирных и слесарных мастерских [2; 3].

На сформированном рабочем месте автором выполнен ряд базовых кузнечных операций (ковка, гибка, рубка). На основе наблюдений можно сделать ряд уточнений, связанных с нюансами работы в мобильной мастерской.

Удобными позами дляковки при текущей высоте наковальни были сидя на коленях и на корточках. При этом все операции выполняются, как и при ковке стоя.

Импульс от ударов не позволял крепить инструменты к дереву при работе. Встреченная в этнографических материалах обвязка подставок предназначалась исключительно для транспортировки [4]. Широкие наковальни так же эффективны, как и узкие, поскольку процесс деформации охватывает только участок между ударным инструментом и статичной подставкой.

Узкая подсека без расширения не может крепиться к деревянной основе, поскольку вбивается вглубь. Представленные в археологическом материале узкие лезвийные слесарные инструменты однозначно можно интерпретировать как зубила. Без дополнительного укрепления деревянная основа быстро трескается и расслаивается. Потому пни-подставки этнографического времени обиты по контуру листовым металлом [4].

Таким образом, на основе археологических материалов и этнографических свидетельств было реконструировано рабочее место кузнеца-кочевника. Эта натурная реконструкция в натуральную величину позволила сделать более подробные выводы о характере работы в мобильной кузнице, как этнографического времени, так и эпохи средневековья.

Исследование проведено за счет гранта РФФ (проект № 20-18-00111).

1. Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (Домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР, 1953. 257 с.
2. Boyer M. Mongol Jewellery: Researches on the Silver Jewellery Collected by the First and Second Danish Central Asian Expeditions Under the Leadership of Henning Haslund Christensen 1936–1937 and 1938–1939. København, 1952. 223 p.
3. Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die mongolischen Volkerschaften. SPb., 1801, 232 p.
4. Давыдов Р. В. Мобильная монгольская кузница // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Археология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2016. С. 51–52.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

УДК 902

Иконография тиванаку: антропоморфные и зооморфные мотивы в культуре тиванаку

Е. А. Еремеева

Новосибирский государственный университет

Тиванаку (IV–XI вв. н. э.) представляет собой одну из необычных археологических культур доколумбовой Америки. Тиванаку легко может сравниться по своим размерам, архитектурной сложности строений, численности населения и региональному доминированию с более известными цивилизациями Старого Света [1]. В период расцвета тиванаку охватывала большие территории крайнего юга Перу, высокогорья Боливии и севера Чили.

В данной публикации автор попытается обобщить результаты исследований различных археологов, занимающихся такими проявлениями искусства культуры тиванаку, как иконография. Цель данной работы и специализации автора в целом — систематизация результатов исследований и характеристика основных особенностей иконографии тиванаку.

Первые полноценные раскопки культуры тиванаку провел в 1930-х гг. американский археолог Уэнделл Беннетт, он же первым разработал хронологию культуры. В 1957 г. К. Понсе Сангинес приступил к масштабным раскопкам к югу от озера Титикака [2]. Последние исследования были проведены такими археологами, как Алан Колата и Джон Янушек.

Визитной карточкой культуры тиванаку можно с уверенностью считать обнаруженный в ходе раскопок У. Беннета в 1932 г. каменный монумент с изображением человеческой фигуры с ритуальными атрибутами в руках (чаша и скипетр) [2]. Монумент (2,5 м) был назван его именем — *Monolito Bennett*.

Одним из ярчайших примеров монументальной каменной скульптуры тиванку является огромный каменный блок, названный Дверью Солнца. В середине сооружения вырублен дверной проем, а над ним вырезана орнаментальная композиция с антропоморфной фигурой в центре — изображением бога Солнца, Виракочи, по бокам — рядами бегущие фантастические существа, а также фриз с личинами внизу [3].

Подобные сюжеты с антропоморфными изображениями встречаются по всему ареалу культуры. Самая характерная их черта — корона из лучей вокруг головы. Каждый луч заканчивается кружком или головой пумы, кондора или рыбы. Черты лица передаются своеобразно: глаза в виде квадратов с закругленными углами, вокруг которых заметны подобию крыльев. Рот изображен прямоугольником. Руки расставлены в стороны и в каждой зажат скипетр, жезл или оружие [4].

Для тиванаку характерны статуи, изображающие человеческие фигуры в полный рост. Многие из них покрыты резьбой с изображениями, полностью сходными с фигурами на Двери Солнца. Часто присутствуют человеческие существа с лучами вокруг

головы, крылатые люди и орлиноголовые антропоморфные изображения [1].

Еще одно чрезвычайно показательное проявление иконографии тиванаку прослеживается при изучении керамики данной цивилизации. Посуда тиванаку полихромна, с разнообразными рисунками. Здесь наряду с геометрическими мотивами, из которых наиболее характерен ступенчатый узор, встречаются изображения животных (пумы, птиц) и человека [3]. Для украшения сосудов часто применялась лепка, превращавшая весь сосуд в скульптуру пумы или в человеческую голову.

У. Беннет выделил три основных стиля росписи, согласно которым он классифицировал керамику Тиауанако [4]:

- 1) раннетиауанаковский стиль;
- 2) классический стиль росписи сосудов;
- 3) поздний или декадентный стиль.

Важным этапом исследований тиванаку являются раскопки пирамиды Акапана. Результаты этих раскопок позволили проследить детали иконографического стиля на монументальной каменной архитектуре. При раскопках на верхних террасах пирамиды исследователи обнаружили резные каменные головы пум и антропоморфных личин, которые были встроены в фасады [4]. Такие мотивы можно с уверенностью соотнести с церемониальными жертвоприношениями, которые, скорее всего, проводились как раз в этих культовых помещениях.

Безусловно, культура тиванаку не империя, подобная империи инков. Но это было централизованное и сложное политическое образование, которое исследователи признают государством с развитой социальной иерархией. Тиванаку на протяжении своего существования успешно проводили экспансивную политику на территории тихоокеанского побережья Южной Америки и создали уникальный и узнаваемый стиль в искусстве. Сложная иконография является показателем развитой мифологии культуры, что дает возможность применять термин «цивилизация» к тиванаку. Все это только подогревает исследовательский интерес и предполагает новые полевые и лабораторные исследования в будущем.

1. Blom D. E., Janusek J. Making Place: Humans as dedications in Tiwanaku // *World Archaeology*. 2004. Vol. 36. Pp. 123–141.
2. Табарев А. В. Введение в археологию Южной Америки. Новосибирск. 2006. 243 с.
3. Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука. 1972. 211 с.
4. Baitzel S. I. The Tiwanaku Camelid Sacrificer: Origins and Transformations of Animal Iconography in the Context of Middle Horizon // *Ñawpa Pacha, Journal of Andean Archaeology*. 2019. Vol. 39. Pp. 1–26.

Научный руководитель — д-р ист. наук А. В. Табарев

УДК 393.05

**Отношение к смерти и умершим у коренных народов
Приенисейского края (по этнографическим данным качинцев,
аринцев, кетов и эвенков)**

Е. В. Зеленина

Новосибирский государственный университет

В восприятии смерти у коренных народов лесостепной и таежной зоны Приенисейского края отмечаются как общие с другими народами Сибири представления, так и отличительные особенности, присущие только их культуре. В долине Енисея промышленные и служилые люди оставили записи, отражающие отдельные элементы мировоззрения проживавших там качинцев, аринцев, кетов и эвенков (тунгусов).

История и культура живших в районе Красноярска тюркоязычных качинцев и кетоязычных аринцев не привлекали особого внимания, поэтому об их представлениях о смерти и отношении к мертвым известно немного. Князь Н. А. Костров (томский этнограф) писал в XIX в.: «...Качинцы не любят мертвых, и поэтому стараются хоронить их в первые сутки после смерти. Покойника они кладут на телегу. В телегу запрягают несколько лошадей... и таким образом мчат тело умершего... к ближайшим горам, где они обычно хоронят мертвых» [5, с. 54–55]. Он отмечал, что качинцы всегда старались чем-то «потчевать» покойников, когда они после похорон уезжали домой, то «оставляют для покойника айрана, иногда же и убивают лошадь... » [5, с. 54–55]. Сын боярский И. Нашивошников в своем описании 1737 г. аринцев приводил похожие сведения: «И как оные татары умирают, и тех мертвых оболочут в то платье, в чем он ходил, и копают на высоком месте в ямы и засыпают землей, а на верх земли закладывают камнем. И над теми мертвыми чинят поминовение: пьют вино и бьют коня над тем мертвым, сварят и съедят, а голову, и гриву, и хвост повесят над тем мертвым для знака и разъедутся по домам... » [8, с. 119–120]. Тот факт, что качинцы и аринцы хоронили умерших в горах или на других высоких местах связано с тем, что так они, возможно, хотели сохранить дистанцию с умершими.

Сведения исторических источников коррелируют с археологическими данными. Все могильники и отдельные погребения качинцев, раскопанные в долине р. Кача под Красноярском, расположены на левом берегу реки, начиная от дер. Докино и вплоть до места ее впадения в Енисей. Судя по топографии протянувшихся по высоким увалам цепочке таких погребальных памятников, как Монашка, Высокое, Солонцы, Бадалык и Березка, эта традиция берет свое начало с захоронений более раннего времени на Часоленной горе (XIII–XIV вв.). А. А. Гаврилова выделила их в отдельный часоленогорский тип, включив в него помимо трех могил на Часоленной горе, могилы 5, 6 чаатаса за Ташебой, Сарагашенский спуск, могилы у горы Суханиха [3, с. 73].

Кеты — еще один коренной народ Приенисейского края, о котором известно немного. Они боялись мертвых, поэтому старались отделить умерших от живых. Положение умершего человека в пространстве жилища отражало его новое положение, связанное

уже с иным миром. Мертвое тело помещали в «задней» части жилища, слева от входа головой к двери, т. е. на запад / северо-запад, куда, по их мнению, уходят умершие [4, с. 102]. В то время, когда покойник находился в жилище, его считали наиболее опасным для живых. Кеты разграничивали мир живых и мертвых при помощи поставленной у входа жерди [1, с. 37]. Покидая место захоронения, относящееся к миру умерших, живые не должны были оглядываться назад, последний в похоронном шествии клал палку поперек тропы или чертил поперечную черту [7, с. 37].

Эвенки, ареал проживания которых в Средней и Восточной Сибири был очень широким, в целом относились к смерти отрицательно. В эвенкийской культуре было принято старательно избегать всего, что с ней связано. Старые, чужие стоянки с каркасами заброшенных чумов полагалось обходить стороной. Запрещалось прикасаться к вещам умершего, так как эвенки считали, что их охраняют духи мертвого хозяина [6]. В наиболее популярных версиях эвенкийских мифов первопричиной появления смерти считается воздействие сил зла, персонификацией которых выступает глава Нижнего мира — Харги [7, с. 96]. Все эвенки считали, что душа вечна. После смерти человека его душа в зависимости от того, каким он был в земной жизни, могла попасть в разные миры. Добрый человек оказывался в нектар (мир нерожденных душ), а плохой — в елламрак (нижний шаманский мир) [2, с. 225]. Следует отметить, что у эвенков, как и у кетов, бытовал воздушный тип захоронений.

Таким образом, у таких коренных народов Приенисейского края, как качинцы, аринцы, кеты и эвенки, отношение к смерти было крайне отрицательным, что выражалось в практике ограждения себя от умерших разными способами. Качинцы и аринцы практиковали обряд трупоположения в земле, при этом старались хоронить в горах или на высоких точках местности. У кетов и эвенков бытовал воздушный тип захоронения, и они также были крайне суеверными в восприятии смерти и умерших.

1. Алексеенко Е. А. Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб., 2007. С. 30–50.
2. Василевич Г. М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII — начала XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
3. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М., Л.: Наука, 1965. 144 с.
4. Долгих Б. О. О похоронном обряде кетов // Советская археология 1961. № 3.
5. Костров Н. А. Качинские татары. Сочинения. Казань: Тип. Губернского правления, 1852. 66 с.
6. Максимова С. В. Газета «Эвенкийская жизнь». 2008. № 6.
7. Павлинская Л. Р. Мифология смерти: Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки. СПб.: Изд-во «Наука», 2007. 279 с.
8. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакассов XVII–XIX вв. Абакан: Хакасское областное государственное изд-во, 1952. 216 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

УДК 902/908

Посуда из коллекции ОКН «Город Гижигинск»

А. А. Иванов

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Предметом исследования является посуда и ее фрагменты из коллекции ОКН «Город Гижигинск», добытые Гижигинской археологической экспедицией в Северо-Эвенском районе Магаданской области в 2020 г. [1; 2].

Анализируемый материал условно можно разделить на три группы: кухонная (для приготовления пищи), столовая (для сервировки стола) и тарная (для хранения продуктов) посуда.

К кухонной посуде отнесен металлический котел цилиндрической формы объемом 2 л. К корпусу приварены П-образные ручки для подвешивания или держания. Для заваривания чая использовался чайник из фаянса, поверхность которого покрыта глазурью коричневого цвета. О наличии чайников для кипячения воды свидетельствуют найденные эмалированные крышки от них диаметром 10,5 см (2 экз.) зеленого цвета с шаровидной ручкой. Деревянная лопатка размером 10,4 × 2,3 × 0,4 см могла использоваться для перемешивания продуктов.

Столовая посуда представлена многочисленными фарфоровыми и фаянсовыми фрагментами различного происхождения, анализ которых позволил предположить, что предметы привозили из России, Японии и Китая [3]. Это были кружки, тарелки, миски, супница. Изготавливалась посуда на Дулевском и Конаковском фарфоровых заводах, «Товариществом Перевалова, Щелкунова и Метелевых и Ко», английских предприятиях Livesley Powell & Co и Willow-Blue от Johnson Brothers, а также на Цзиндэчжэньской фарфоровой фабрике. Отмечается разнообразие и богатство оформления посуды в период до национализации российских заводов в 1918–1923 гг., и более бедный орнамент на столовой посуде после 1920 г. Этот факт, вероятно, связан с переориентацией ее производства на более массового потребителя в советское время. Прекрасно орнаментированная разноцветной глазурью с разнообразными сюжетами дореволюционная посуда предназначалась для владельцев с более высоким статусом, например купцов, которые занимались торговлей в Гижигинске. Появление посуды иностранного производства связано, вероятно, с деятельностью иностранных компаний и предполагает, что ее владельцы посещали город часто и предпочитали это делать со своими столовыми принадлежностями.

К категории столовой посуды отнесены и чайные (2 экз.), столовые ложки (2 экз.), большая эмалированная ложка с длинной ручкой для раздачи пищи (1 экз.), вилки (2 экз.), ножи (6 экз.). На одной из мельхиоровых чайных ложечек имеется клеймо Московского платинового завода (бывшей фабрики И. П. Хлебникова). Ложки этой серии выпускались в европейской части России в 1923–1932 гг.

Для сервировки стола к чаю могли использоваться небольшого размера сахарницы. Об этом свидетельствует стеклянная крышка диаметром 4,2 см от одной из них.

К тарной посуде определены стеклянные бутылки и банки, их фрагменты, а также сопутствующая посуда жестяная крышка от банки с сохранившимся фрагментом печатного листа. В бутылках могли хранить алкоголь, масло и другие жидкие продукты. В банках, возможно, находились соленья, варенье, крупа, консервированные продукты.

В целом, наличие таких видов посуды, как кухонная, столовая и тарная, свидетельствует о достаточно высоком уровне благосостояния части населения Гижигинска в начале XX века. Находки импортной посуды, вероятно, связаны с деятельностью иностранных компаний на территориях помимо европейской части России, что подтверждается документами Государственного архива Магаданской области [4].

1. Понкратова И. Ю., Батаршев С. В., Дорофеева Н. А. Русские горизонты «территории»: история и археология Гижигинска // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России. Том 2. Омск; Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 64–69.
2. Технический отчет о выполненных археологических полевых работах (археологической разведке) «Археологические полевые работы по определению границ территории ОАН «Город Гижигинск» в 2020 г. (Магаданская область, Северо-Эвенский городской округ): ООО «НПЦ ИКЭ». Владивосток, 2020. 303 с.
3. Иванов А. А. Фарфор из коллекции ОКН «Город Гижигинск» // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 2021. С. 239–240.
4. Материалы инспектора рыболовства о детальности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г. ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. Ю. Понкратова

УДК902/908

«Иностранный след» в Гижигинске (1920–1930-е гг.)

Л. С. Лебедева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Исследования ОКН «Город Гижигинск» (Магаданская область) 1920 г. позволили получить данные о взаимоотношениях между местным населением и теми, кто пришел на окраину Северо-Восточной Азии в XIX — начале XX в. [1].

История Гижигинска (1752 — 1930-е гг.) связана с государственной политикой завоевания и освоения обширных, но слабозаселенных территорий на севере Дальнего Востока России. Это был второй после Охотска официально учрежденный в XVIII веке современный по тем понятиям город и центр торговли на северо-востоке России, который связал в единую транспортную сеть Охотск, северо-восточное побережье Охотского моря и Камчатку [1].

Коллекция артефактов иностранного производства, обнаруженная при раскопках, немногочисленна, но отличается диагностируемыми признаками. Исследовано назначение артефактов, перевод надписей осуществлен Хидеки Хориучи, Цунао Нишиваки (Япония). Привлекались материалы, собранные В. К. Арсеньевым [2], данные Государственного архива Магаданской области, документы Управления ФСБ РФ по Камчатскому краю [3], исторические и справочные материалы, личные наблюдения, позволившие предположить место происхождения и обстоятельства появления в Гижигинске обнаруженных артефактов.

- Монета: круглой формы, зеленовато-коричневого цвета, с иероглифами на одной стороне и волнообразными знаками на другой. Изготовлена предположительно из сплава меди с латунью. Это денежный знак «Канэй Цухо», использовавшийся в 1626–1868 гг. в Японии как повседневная валюта для небольших платежей.

- Игрушка «Заяц»: деревянная, покрыта красной и белой краской, состоит из двух частей — собственно фигурки зайца и подставки. Нос, рот и глаза выполнены в традиционной для японских игрушек манере.

- Фрагмент лица куклы: розового цвета, с частично сохранившимися губами и носом, с нарисованными тонкими линиями ресницами. Изготовлен предмет из фарфора. Такие куклы были популярны в Японии в 1920-х гг.

- Покрытая красным лаком пуговица характерна для традиционной восточноазиатской одежды.

- На фрагментах стеклянной бутылки коричневого цвета установлена надпись: «Торговая марка Кирин Пиво», которая свидетельствует о ее японском происхождении.

- Грузило бочкообразной формы связано с деятельностью японских рыболовецких факторий.

- На фрагменте карандаша фиолетового цвета сохранились знак в виде ромба и пятиконечной звездой внутри и надпись «EBERHARD FABER USA», указывающая на то,

что он произведен на фабрике Дж. Эберхарда Фабера. Возможно, эта находка связана с деятельностью американского предпринимателя О. Свенсона, который в 1920-х годах «безданно и безпошлинно» посещал Гижигинский округ [2].

- Фрагменты бамбука, обнаруженные на территории, для которой характерен тундровый ландшафт, указывают на их импортный характер — с юго-востока. Не исключено, что из бамбука была изготовлена тара, в которой в Гижигинск привозись товары.

- Многочисленны осколки фарфоровой и фаянсовой посуды с восточноазиатским орнаментом. Это чашки-пиалы, кружки, тарелки. Изображенные на них фигуры людей в национальной одежде, строения и цветы в восточном стиле предполагают, что они могли быть доставлены из Китая и Японии.

Анализ архивных документов подтвердил наши предположения о деятельности в Гижигинске в начале XX века иностранных компаний, которые были связаны с выловом, заготовкой и транспортировкой в Японию рыбы [4]. В Гижигинске находилась «контора» японской фактории, часть которой, возможно, и вошла в 2020 году в археологический раскоп.

Изучение обнаруженных при раскопках ОКН «Город Гижигинск» артефактов свидетельствует об их импортном происхождении и участии города в международных отношениях с такими странами, как США, Япония и Китай. Обнаруженные при раскопках бутылки, их фрагменты, винные пробки, а также товары, которые могли быть предметом торговли — дешевые расчески, гребешки, бусы, бисер — вероятно, также связаны с деятельностью иностранных предпринимателей, целью которых было использование сырьевых ресурсов этой территории путем вылова лососевых видов рыбы, вывоза ценной пушнины и неравноценного товарного обмена.

Исследования проводились при поддержке ВОО «Русское географическое общество» (№ 13/2020-Р)

1. Понкротова И. Ю., Батаршев С. В., Дорофеева Н. А. Русские горизонты «территории»: история и археология Гижигинска // Культура русских в археологических исследованиях: археология Севера России.. Том 2. Омск; Сургут: Издательская группа АНО «Институт археологии Севера», 2021. С. 64–69.
2. Арсеньев В. К. Гижигинский промысловый район. Очерк физико-географический и статистико-экономический // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1925. № 5, 6.
3. Слабука В. Публикуется впервые... Владивосток: Русский Остров. 2018. 398 с.
4. Материалы инспектора рыболовства о детальности японских фирм на арендованных рыболовецких участках за 1933 г. ГАМО. Ф. Р-59. Оп. 1. Д. 60.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. Ю. Понкротова

УДК 903.2

Традиция изготовления рукоятей плетей из кости и рога: к вопросу о мобильности населения Среднего Енисея в I тысячелетии н. э.

И. С. Половников

Новосибирский государственный университет

Мобильность населения Среднего Енисея во многом определялась физическим состоянием верхового коня и снаряжением всадника. В отличие от европейского опыта применения шпор для стимуляции животного, в евразийских степях долгое время использовали исключительно плети.

В предметном комплексе тесинской культуры среди случайных находок встречаются бронзовые навершия плетей [1]. Судя по археологическим материалам, изготовление рукоятей из кости и рога было распространено в таштыкское время. В литературе получила отражение дискуссия по поводу функционального назначения полых орнаментированных или гладких костяных цилиндров, которые рядом исследователей интерпретируются как рукояти плетей [2]. Часть этих рукоятей могла служить в качестве наверший-затыльников. Также к таштыкскому предметному комплексу относятся рукояти в виде цельносоставного стержня, изготовленные из рога, которые хранятся в Минусинском музее (инв. номер А-10762/10). Вместе с тем следует учитывать, что в таштыкской культуре вопрос о снаряжении коня и амуниции всадника остается практически неизученным ввиду отсутствия сопроводительных захоронений коней в погребениях либо культовых объектах.

Традиция изготовления резных рукоятей плетей продолжилась в древнетюркское время. В Хакасско-Минусинской котловине и на сопредельных территориях Горного Алтая и Тывы встречаются декорированные роговые изделия двойного назначения, которые могли сочетать в себе функции как рукояти плети, так и предмета для развязывания узлов. Примером служит находка из могильника Аргалыкты I (курган 1, погребение 2). Она представляет собой разветвление цельного рога, одно окончание которого обрезано, а другое заострено [3]. В нижней части ствол рога оформлен сферическим навершием с отверстием, выполненным в технике двустороннего углового сверления. Предмет с аналогичным набором функциональных характеристик отмечен в коллекции Хакасского национального музея (инв. номер 6221/19). Он изготовлен из закраины двойной роговой пластины рога лося, имеет закругленную форму, в широкой части украшен тремя рядами циркульного орнамента. Конец узкой части, служащий для развязывания узлов, обломан. Еще одной аналогией для него может быть рукоять из древнетюркского погребения на реке Таштык [4]. Также стоит упомянуть в качестве морфологически близкого изделия кочедык из могильника Катанда-II [5].

Традиция изготовления орнаментированных и неорнаментированных наверший-затыльников для рукоятей плетей в древнетюркское время отмечается на территории Горного Алтая [6]. На некоторые образцы нанесен орнамент в виде «бесконечного узла»,

который был широко представлен в искусстве евразийского степного пространства. На Среднем Енисее близ улуса Саргова обнаружена рукоять со схожим навершием и отверстием для петли в нижней части [7]. Подобный предмет из бронзы обнаружен в могильнике Сарыг-Хая, относящемуся к кыргызскому времени [8].

К средневековью относятся «навершия-затыльники с отростком», изготовленные из бронзы и железа (тип III–IV по А. Н. Кирпичникову), которые встречаются в аскизской культуре [9]. Типологически близкий предмет происходит с правобережья Енисея, он выполнен из рога, но не имеет отверстий. По мнению Г. В. Кубарева, подобные «навершия-затыльники с отростком» появляются в конце I тысячелетия н. э. в Южной Сибири, а затем вместе с миграцией тюркоязычных кочевников распространяются по Восточной Европе [6].

Традиция изготовления рукоятей плетей из кости и рога свидетельствует о преемственности в традициях народов, которые населяли степной пояс начиная с гунно-сарматского времени, и отражает процессы миграции, происходящие в евразийских степях.

1. Пшеницына М. Н. Тесинский этап. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Серия: Археология. СССР. М., 1992. С. 224–246.
2. Тетерин Ю. В. Рукояти плетей кочевников хуннского времени Южной Сибири // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2010. Т. 9, Вып. 7. Археология и этнография, 2010. С. 87–96.
3. Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). СПб., 2013. 232 с.
4. Нестеров С. П. Погребение с конём на р. Таштык (по материалам раскопок С. А. Теплоухова) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 95–102.
5. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: 1965. 144 с.
6. Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
7. Кызласов Л. Р. Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-Кюна (Алтай) // КСИ-ИМК. М.-Л., 1951. Вып. XXXVI. С. 50–55.
8. Длужневская Г. В. Кыргызский могильник Сарыг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. Сб. научных трудов. Новосибирск: 1990. С. 86–102.
9. Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. САИ Е3-18. М.: 1983. 128 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

УДК 902/904

Традиции сrostкинской культуры в погребальных памятниках Барабинской лесостепи эпохи развитого средневековья

И. В. Рюмин

Новосибирский государственный педагогический университет

В материалах погребальных комплексов эпохи средневековья Барабинской лесостепи встречается плоскодонная керамика, восходящая к сrostкинским традициям производства. Для нее характерна отогнутая шейка, под которой находится редкая цепочка ямочных вдавлений [1, с. 85]. Появление такой керамики наряду с другими маркерами является подтверждением тезиса исследователей о том, что носителями южного компонента в погребальном обряде средневековых памятников Барабы являлись «группы тюркоязычного, в основе своей сrostкинского населения, отколовшегося от основного массива культуры и проникнувшие глубоко в лесостепь» [2, с. 126].

Описанная посуда обнаружена в погребениях могильников Чулым-2 и Сопка-2. На памятнике Чулым-2 выявлено семь погребений в шести курганах: погр. 5 кург. 4; погр. 2 кург. 15 (не орнаментирован вообще); погр. 1 кург. 16; погр. 4 кург. 17, погр. 1 и 2 кург. 19, погр. 6 кург. 22–23. Также сосуд найден в насыпи кург. 29. На памятнике Сопка-2 это погр. 512 и 695.

Размеры сохранившихся курганных насыпей варьируются от 7,6 до 15 м в диаметре и от 0,3 до 0,6 м высотой. Все курганы грабленые. В насыпях курганов 15, 17, 19 и 22–23 обнаружены следы тризны: прокалы почвы (кург. № 17 и 19), кости лошади (№ 15, 17, 19, 22–23) или рыбы (№ 17), один большой потчевашский сосуд (№ 17) и обломки сrostкинского сосуда (№ 29). В единственном захоронении кургана 29 обнаружен потчевашский сосуд. Таким образом, проявления тризны в погребальном обряде встречаются в 50 % случаев.

В погребениях со сrostкинской керамикой обнаружены останки девяти костяков: четыре детских и пять взрослых. Ориентация погребенных: на восток или на восток с небольшим отклонением к северу — два (40 %), на запад — один (20 %), на юго-запад — два (40 %). Все пять находились в вытянутом положении, руки вдоль туловища. В четырех случаях ориентацию и положение костяка определить не удалось. В пяти погребениях сохранились остатки берестяных перекрытий. В пяти присутствовали кости лошади либо ее чучело и элементы конской сбруи (навершие плети в погр. № 695 Сопки-2).

Конская сбруя представлена стремянами, удилами, костяными подпружными пряжками с костяным язычком (кург. 19 погр. 1) и уздечным набором (погр. 4 кург. 17). Стремяна обнаружены только в материалах Чулым-2; все они железные, вытянутой формы с прямой подножкой, усиленной внизу валиком, и с прямоугольным ушком без выделенной шейки. Подобные стремяна известны по памятникам сrostкинского времени [3, рис. 27, 92, 93]. Остатки уздечного набора богато украшены серебряными бляшками в виде сердечка, лесного ореха, трилистника, тройников.

В погребениях со сrostкинской керамикой в Чулыме-2 найдены различные украшения: бусы, раковины каури (погр. 5 кург. 4), перстни и кольца, кольцеобразные и серебряные серьги с шариком (погр. 6 кург. 22). Щитковый перстень обнаружен в погр. 1 кург. 16, перстень с гнездом для камня — в погр. 6 кург. 22–23, подобные перстни широко встречаются в тюркских захоронениях [4, с. 66]. В этой связи интересна находка перстня-печатки с изображением какого-то буддийского божества из погр. 4 кург. 17. Там же найдены лунницы из пасты голубого цвета и шумящая подвеска, состоящая из цилиндра, на краях которого закреплены диски. Передний диск украшен орнаментом.

Сами сосуды располагались в ногах погребенного. Примечательно, что в детских погребениях они найдены целыми (за исключением погр. № 512 Сопки-2), а во взрослых — разбитыми. В могиле, как правило, был один сосуд, два сосуда найдены в погр. № 695 Сопки-2 и в погр. 2 кург. 19. В последнем случае в одной могиле со сrostкинским сосудом находился потчевашский. Рядом с керамикой найдены останки погребальной пищи.

Таким образом, в погребениях со сrostкинской керамикой в лесостепной Барабе присутствуют и другие элементы, широко представленные в погребальном обряде этой культуры: характерные стремена, серьги с подвеской-шариком, одиночные погребения в могиле, ориентация погребенных на восток. Наличие захоронений с чучелом или костяком коня, богатые украшения уздечных наборов, наличие большого числа украшений, особенно в детских могилах (в том числе печатка с изображением какого-то буддийского божества) — проявление тюркских элементов в погребальном обряде. В то же время в могилах с изготовленной в сrostкинских традициях керамикой находятся сосуды потчевашской культуры. В погребениях часто применяются берестяные конструкции, ориентация умерших тяготеет к западу.

1. Адамов А. А. Новосибирское Приобье в X–XIV веках. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
2. Молодин В. И., Соловьев А. И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 184 с.
3. Степи Евразии в эпоху средневековья М.: Наука, 1981. 303 с.
4. В. И. Молодин, Д. Г. Савинов, В. С. Елагин, В. И. Соболев. Бараба в тюркское время. Новосибирск: Наука, 1988. 176 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. А. Дураков

УДК 902.674

Дендрохронологический анализ материалов с памятников Нум-Хибя-Сихэри VI и VIa

М. В. Уткин

Новосибирский государственный университет

В результате поисково-разведочных работ 2016 г. на территории Мамаевского археологического микрорайона открыто поселение Нум-Хибя-Сихэри VI, расположенное в 12,5 км юго-восточнее пос. Тазовский Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. В 2017 г. в центральной части мысовидной площадки был заложен раскоп, в котором были частично изучены позднесредневековая наземная постройка и три погребальных конструкции, выделенные в отдельный археологический объект — — могильник Нум-Хибя-Сихэри VIa. А. А. Ткачев провел предварительный сопоставительный анализ погребальной обрядности могильника с принципами захоронений умерших у коренных народов Севера и отметил их наиболее близкое сходство с погребальными действиями селькупов, проживавших в XVIII–XX вв. в верховьях реки Таз и периодически проникавших на территорию Тазовского Заполярья с мест своего постоянного обитания [1].

Для проведения дендрохронологического анализа с обоих памятников было отобрано 37 образцов археологической древесины (21 с Н-Х-С VI и 16 с Н-Х-С VIa соответственно), которые в 2018 году были отправлены в лабораторию естественнонаучных исследований в археологии PaleoData ИАЭТ СО РАН. Древесно-кольцевой анализ образцов был проведен по стандартной методике [2].

В лабораторных условиях все древесные спилы были отшлифованы и зачищены, а также обработаны специальным составом для повышения контрастности границы колец. Измерение ширины древесных колец производилось на полуавтоматической установке Lintab VI с точностью 0,01 мм. Для сравнения полученных древесно-кольцевых рядов применялся метод перекрестной датировки с помощью визуального сопоставления кривых изменчивости радиального прироста в программном пакете TSAP system V3.5, а также кросскорреляционного анализа в специализированном программном пакете DPL [3].

До этапа измерения ширины годовых колец из коллекции были удалены образцы с очень плохой сохранностью (10 ед.), а также образцы, содержащие менее 10 колец (3 ед.). Таким образом, древесно-кольцевые серии были созданы для 24 образцов, половина из которых успешно прошла процедуру перекрестной датировки, а вторая находится на этапе сведения с уже датированными сериями. Статистический анализ перекрестного датирования 12 образцов показал, что коэффициент корреляции равняется 0,64. Это подтверждает правильность проведенного дендрохронологического датирования.

Предварительные результаты датирования захоронений с памятников Нум-Хибя-Сихэри VI и VIa:

• Н-Х-С VI, могила 4. Было датировано четыре образца (№ 24, 49, 51, 52). Древесина для создания гроба была заготовлена не ранее 1883 г. С учетом того, что на всех образцах отсутствуют более 10 колец, то дату захоронения можно примерно определить как первое десятилетие XX в.

• Н-Х-С VI, могила 7. Был датирован один образец (№ 9). Древесина для создания гроба была заготовлена не ранее 1740 г. На образце отсутствует более 10 колец. С учетом этого, дата захоронения — не ранее второй половины XVIII в.

• Н-Х-С VIa, могила 2. Было датировано четыре образца (№ 29, 30, 31, 33). Древесина была заготовлена не раньше 1817 года. Почти на всех образцах отсутствует больше 10 колец. Исходя из этого, время создания захоронения можно примерно определить как вторую четверть XIX в.

• Н-Х-С VIa, могила 3. Было датировано два образца (№ 15а, 15б). Древесина была заготовлена не раньше 1810 года. На одном из образцов присутствует подкорковое кольцо, наличие которого свидетельствует о том, что захоронение было сделано не позднее 1835 г.

• Н-Х-С VIa, могила 9. Был датирован один образец (№ 34). Древесина была заготовлена не ранее 1817 г. На образце отсутствует менее 10 внешних колец, из чего можно сделать вывод, что захоронение было создано не позднее 1827 г.

Проведенный дендрохронологический анализ позволил определить календарные даты для пяти могил и подтвердить ранее выдвинутые А. А. Ткачевым хронологические рамки функционирования некрополя. Это позволит облегчить дальнейшее изучение особенностей погребального обряда и вещевого инвентаря, найденного в них.

1. Ткачев А. А. К вопросу о культурной принадлежности детских захоронений могильника Нум-Хибя-Сихэри VIa // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. науч. конф. 2018. С. 239–242.

2. Мыглан В. С., Жарников З. Ю. Датирование исторических памятников Сибири дендрохронологическим методом. Методический аспект // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 112–117.

3. Holmes R. L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // TreeRing bulletin. 1983. Vol. 44. Pp. 69–78.

Научный руководитель — канд. биол. наук, доц. Н. А. Рудая

УДК 902/904

Жилища мохэской археологической культуры на Усть-Чёрнинском городище

Д. А. Шаманин

Новосибирский государственный университет

Шилкинская система городищ (Чудейский Утес, Витчиха, Усть-Чёрнинское, Лужанки и др.), датируемая концом I — началом II тысячелетия н. э., отмечает западную границу (современный Сретенский район Забайкальского края) проникновения тунгусоязычных мохэ на территорию монголоязычных шивэй. Изученный вещественный материал памятников не характерен для Восточного Забайкалья, технологии фортификации и строительства жилищ характеризуются как абсолютно новые на данной территории. Домостроение представлено полуземлянками каркасно-столбовой конструкции, которые характерны для изученных на Среднем Амуре памятников этого типа [1, с. 504–505].

Остатки городищ, принадлежащих культуре мохэ, в юго-восточном Забайкалье впервые были исследованы в 1953–1954 гг. Дальневосточной археологической экспедицией ЛО ИИМК под руководством А. П. Окладникова. Но работы носили лишь предварительный характер (шурфы, траншеи). Затем стационарные археологические работы были продолжены только в 2004 г. совместной археологической экспедицией Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова (Чита) и Благовещенского археологического отряда ИАЭТ СО РАН (Новосибирск) [1].

В процессе исследований данной системы городищ в 2004–2014 гг. были проведены раскопки шести жилищ и одной хозяйственной постройки (западины № 2, 61, 62, 63, 65, 66, 76). Все они расположены на Усть-Чёрнинском городище. Общее число западин от котлованов жилищ и построек хозяйственного назначения — 100, из них большая часть организована в шесть линий. Западины представляют собой «заплавшие», задержанные подквадратной формы с заovalенными углами ямы, покрытые слоем опавшей листвы. Следует отметить, что все жилища рухнули вследствие пожара, оставив лишь сгоревшую кровлю и следы несущей конструкции, но, несмотря на это, представляется возможным провести реконструкцию. Так, в июле 2013 г. группой исследователей (С. П. Нестеров, В. П. Мыльников, Д. П. Волков, Б. В. Наумченко) была проведена реконструкция-имитация подобного жилища [2, с. 64–65].

Говоря об устройстве жилищ на Усть-Чёрной, стоит отметить, что все они имеют набор характерных для полуземлянок каркасно-столбовой конструкции черт. Глубина котлована могла достигать до 0,6 м. Несущая конструкция представлена находившимися в углах котлована вертикальными опорными столбами и диагонально расположенными слегами перекрытия, также конструкция допускала дополнительные столбы, стоящие непосредственно на уровне пола [2, с. 65]. Еще одним широко использовавшимся элементом было обустройство стенок котлована с обвязкой из жердей в несколько уров-

ней и наличием бересты для гидроизоляции углов. Очаг находился в центре жилища. Остатки нар в жилищах представлены фрагментами плашек; располагались они как с трех, так и с четырех сторон. Вход чаще всего расположен в одном из скатов кровли. Обнаружить его можно по меньшему количеству остатков перекрытий, чем с других сторон, наличием приступочного камня, а также столбовых ямок от навеса [3; 4].

Некоторые жилища имеют отличительные особенности и выделяются среди остальных. Так, при исследовании полуземлянки под западиной № 76 была обнаружено сложное теплотехническое устройство, пока определяемое как система из печи со сводом и дополнительным открытым углубленным очагом, что достаточно редко встречается на территории Дальнего Востока в период средневековья. Еще можно выделить одну уникальную для Восточной Сибири и Дальнего Востока внутреннюю особенность котлована, находящегося под западиной № 65: четыре опорных столба были размещены в своеобразных столбовых ямках-«карманах» за пределами линий западной и восточной стенок котлована. Также именно по этому жилищу обнаруживаются следы собственного железодельного производства [4].

Таким образом, исследование жилищ-полуземлянок позволяет выделить как характерные черты домостроения для мохэской археологической культуры, так и особенности, которые могли быть обусловлены процессами адаптации троицких мохэ к новой для них среде.

1. Алкин С. В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). Вып. 3.2. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. С. 499–504.
2. Нестеров С. П., Мыльников В. П., Волков Д. П., Наумченко Б. В. Реконструкция-имитация раннесредневекового жилища в Западном Приамурье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 60 (4). С 64–76.
3. Ахметов В. В., Алкин С. В. Новые материалы по изучению домостроительства в Шилкинской системе городищ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2018 г. 2018. Т. XXIV. С. 205–208.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. С. В. Алкин

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

УДК 902

Процесс изучения раннесредневековых жилищ мохэ для подготовки реконструкций и экспериментов

И. А. Апрелков, Е. С. Марфицев

Читинский техникум железнодорожного транспорта

Бассейн реки Амур, к которому относится изучаемый Шилкинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН район в среднем и нижнем течений реки Шилка, известен довольно большим количеством укрепленных поселений раннего средневековья. Объединяющей особенностью этих городищ являются жилища, построенные по одинаковому принципу. Это объединяет большинство раннесредневековых поселений бассейна Амура, в том числе и поселения Шилкинской системы городищ, в одну культуру народа мохэ.

Жилища представляли собой полуземлянки, в плане практически квадратной формы. Е. И. Деревянко выделяет два основных типа строений: с нишами и без ниш [1, с. 74–79]. Д. П. Волков выделяет три типа жилищ. Первый тип имел глубокий котлован, каркасно-столбовую конструкцию с несущими угловыми стропилами без рамы-основы, но с дополнительными наклонными подпорными столбами под стропила в углах. Выход из жилища был обустроен в одном из скатов кровли, к которому изнутри вели земляные ступени. Внешне такое жилище имело форму пирамиды. Второй тип представляет собой прямоугольную в плане конструкцию, расположенную на поверхности либо слегка заглубленную в грунт. Расположенный внутри жилища кан имел, как правило, П-образную форму и проходил по всему периметру жилища вдоль стен. Третий тип — наземная каркасная постройка пирамидальной формы со съёмным перекрытием из бересты или кожи и скатами кровли [2]. В Шилкинской системе городищ выделяется два типа построек, распределённых по хозяйственному типу: жилые и собственно хозяйственные [3]. Однако можно выделить и третий тип — на городище Сивачи жилища явно были временного сезонного типа. Они отличаются небольшими размерами и неглубокими западинами [4].

Реконструкции жилищ мохэ уже делались на основе исследований в Амурской области; например, очень удачно выглядит реконструкция архитектора А. Ю. Сидоровой, которая выделила четыре этапа реконструкции. Первый — яма с очагом и входом. Второй — обкладка очага деревянными плахами, формирование стен из опорных столбов, удерживающих деревянные плахи, и рама для удержания крыши из четырех опорных столбов и перекрытия. Третий — формирование крыши в форме усеченной пирамиды из деревянных плах, обложенных дерном. Четвертый — установка нар, полочек и лестницы к дымовому окну внутри жилища [1, с. 142–143]. К сожалению, сведений об экспериментах с жилищами нам найти не удалось.

Цель реконструкции жилища в нашем исследовании — это проведение ряда экспериментов, в том числе по сохранению температурных режимов и влажности в различное время года; скорости нагрева жилища и теплоотдаче очага в разные температурные периоды, особенно в зимнее время; долговечности постройки; формированию стратиграфии при ее сгорании; трудозатратам при ее изготовлении и т. д. Реконструкция и эксперименты позволят нам лучше понять образ жизни мохэ на Шилке и, возможно, установить причины их исчезновения в этом регионе.

1. Дервянко Е. И. Древние жилища Приамурья. Новосибирск: «Наука», 1991.
2. Волков Д. П. Домостроение найфельдской группы мохэ в Восточной Азии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. Новосибирск. 2011. С. 176–182.
3. Ахметов В. В., Алкин С. В. Новые материалы по изучению домостроительства в Шилкинской системе городищ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН, 2018 г. Том XXIV. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. С. 205–218.
4. Ахметов В. В., Алкин С. В. Укрепленное поселение Сивачи в составе Шилкинской системы средневековых городищ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2015 г. Том XXI. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. С. 189–192.

Научный руководитель — Р. В. Смоляков

УДК 902.2

Сибирский доспех эпохи бронзы. Макет и опыт использования

А. В. Герасименко, Е. А. Мухачев

Историко-краеведческий клуб «Исток-39», Новосибирск
Дом детского творчества «Центральный», Новосибирск

Военное дело и вооружение как его материальная база являются неотъемлемой и существенной частью человеческой истории. Предметы вооружения представляют собой важный источник данных при оценке уровня развития экономики древних обществ, при изучении их социальной организации, при уточнении хронологии и территориальных границ археологических культур. Для изучения наиболее отдаленных периодов человеческой истории, не оставивших письменных свидетельств, предметы наступательного и оборонительного вооружения являются одним из важнейших вещественных источников.

К сожалению, чрезвычайно редко у археологов есть возможность получить сохранившиеся в полном объеме предметы вооружения, особенно защитного. Фрагментарность находок затрудняет реконструкцию найденных предметов и оставляет большой простор для интерпретации.

В таком случае на помощь исследователям приходят историческая реконструкция и эксперимент — действенный способ подтверждения исторических предположений о процессе изготовления или о способах использования того или иного предмета на собственном практическом опыте. Одним из таких опытов стала наша попытка создания макета доспеха сибирских воинов эпохи бронзы.

В качестве образца при изготовлении макета была взята реконструкция доспеха тяжелооруженного сейминско-турбинского воина, представленная в книге А. И. Соловьева «Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья» (2003). Реконструкция выполнена по материалам раскопок В. И. Матющенко могильника Ростовка середины II тысячелетия до н. э. в Омском Прииртышье. Дополнительно для работы над макетом использовались этнографические параллели и сведения о находке доспеха из костяных пластин на комплексе археологических памятников «Омская стоянка».

Согласно реконструкции в книге А. И. Соловьева, основу ламеллярного доспеха составляют скрепленные широкими кожаными ремнями нагрудник и наспинник, которые состоят из двух лент, собранных из роговых пластин нескольких видов. Это прямые узкие пластины разной длины и дугообразные пластины. Они изготовлены из оленьих рогов. Прямые пластины располагались вертикально и скреплялись между собой кожаными ремешками через просверленные вдоль продольных сторон отверстия.

В своей работе мы не ставили целью воспроизвести оригинальный доспех с использованием натуральных материалов и технологий, пригодный для участия в настоящем бою. Приступая к работе над макетом, мы стремились проверить на практике право-

мерность именно такой реконструкции покроя доспеха и выяснить, насколько свободно может действовать человек в таком доспехе. Возможны ли необходимые в бою наклоны, повороты и другие резкие движения.

Для изготовления пластин макета использовалось дерево. Такая замена вполне правомерна, так как дерево, как и рог или кость, нельзя согнуть. Поэтому в доспехе, изготовленном из деревянных пластин, у человека будет такая же возможность совершать определенные движения, как и в костяных или роговых. Кроме того, из этнографических источников известны ламеллярные доспехи, изготовленные из деревянных пластин. Они существовали в этнографическое время на северо-востоке Сибири у воинов-чукчей. В конструкции доспехов из могильника эпохи бронзы Ростовка и чукотских есть отличия как в конструктивных особенностях, так и в размерах используемых пластин, но для работы над макетом эти отличия не принципиальны. Главное, что дерево употреблялось для изготовления боевого защитного вооружения, поэтому наш макет можно использовать для определения степени подвижности воина в доспехе.

Макет был изготовлен из деревянных пластин, повторяющих форму и размеры пластин из могильника Ростовка с таким расчетом, чтобы его мог надеть современный подросток. После изготовления макета был проведен ряд опытов по выявлению степени свободы движения человека в доспехе. Все опыты были засняты на видеокамеру.

Проведенные опыты показали, что движения были несколько ограничены. Возможно, это приводило к определенным проблемам в ходе боя. О некоторых проблемах с подвижностью воинов в костяных доспехах говорят и этнографические материалы. Вероятно, такой тип доспеха, судя по этнографическим параллелям, требовал особой тактики ведения боя, но это тема для отдельного исследования, которая выходит за рамки нашей работы.

Научные руководители — Г. И. Галямина, Л. В. Назарова

УДК 902.21

**Первичное описание руинизированного каменного сооружения
на правом берегу реки Туба в районе деревни Ильинка
Курагинского района Красноярского края**

А. М. Говоров, О. С. Шутов

Лицей № 102 им. Академика М. Ф. Решетнёва, Железногорск

Красноярский край занимает территорию, равную по площади пяти Франциям. К сожалению, на данный момент не все археологические объекты на его территории выявлены и поставлены на учет. Для сохранения культурного наследия необходима масштабная разведка, которая выявит и паспортизирует максимальное количество памятников. Посильную помощь в выявлении археологических памятников могут оказать детские экспедиции, которые могут находить такие объекты и составлять предварительное описание для дальнейших исследований.

Летом 2021 г. в рамках детской образовательной экспедиции «Дархэ 2021», организованной АНО «Археологическое исследование Сибири» при поддержке благотворительного фонда имени М. Прохорова были произведены пешие разведки в районе дер. Ильинка Курагинского района. Результатом одной из разведок стало обнаружение и фиксация ранее неизвестного каменного сооружения. Объект находится на правом берегу реки Тубы, в 2,5 км от дер. Ильинка ниже по течению.

В ходе работ был совершен осмотр, составлены глазомерные планы видимой части объекта, топографическая съемка, а также проведена фотофиксация.

Осмотренный объект расположен на мысовидной площадке утеса, сложенного песчаниками девонского времени.

Видимая часть сооружения представляет собой фрагмент стены, сложенной из обломков песчаника, взятых из тела скального массива. Способ кладки — без строительного раствора. Длина стены около 200 метров. Она ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Высота видимой части относительно земной поверхности составляет до 0,3 м.

С юго-западной стороны стены зафиксированы пять оплывших ям, предположительно, искусственного происхождения. Западения расположены двумя группами. Первая группа, состоящая из трех ям, находится непосредственно у стены. Углубления имеют форму овала и ориентированы длинными осями параллельно линии стены. Ямы второго типа имеют форму круга и расположенные выше по склону, «в центре крепости». Различаются они и по глубине: от 0,3 до 0,7 м.

Были определены координаты крайней северо-восточной точки — она находится на высоте 330 метров по Балтийской шкале высот (далее — БШ), и крайней юго-западной точки сооружения — высота 327 метров по БШ.

В ходе осмотра подъемного материала не обнаружено.

На основе анализа собранной информации можно сделать несколько предварительных выводов.

- Объект является элементом оборонительного сооружения. Напротив утеса русло реки расширяется, там расположены несколько небольших островов, что позволяет предположить возможность перехода реки вброд в данном районе. Возможно, данный объект был сооружен для контроля реки (брода).

- Сооружение может принадлежать к совершенно особому виду археологических памятников — горным сооружениям (све). Све, как правило, возводятся на невысоких вершинах, около 200 метров, которые обеспечивают широкий обзор долины. По периметру они ограничены отчасти высокими скальными обрывами, отчасти оборонительной стеной, иногда двумя линиями стен. Внутри цитадели ярусами располагаются жилые помещения. Такие сооружения-крепости есть как в Минусинской котловине, так и в других горных областях севера Центральной Азии. Минусинские све не обязательно представляют собой крепости, это могли быть горные святилища, которые предназначались не для постоянного проживания, а для периодического проведения тех или иных обрядов. Све нередко содержат несколько культурных слоев. Сооружения этого вида относят к ранней (афанасьевская и окуневская культуры), средней (андроновская культура) и поздней (каменоложский этап) бронзы.

Виды работы, проведенные на объекте, не позволяют точно датировать объект. Предварительное датирование возможно на основании объектов, расположенных в районе исследования. Здесь были найдены несколько поселений и стоянок, на территории которых находятся схожие по характеристикам западения: Ильинка. Поселение-19 (Ильинка-20, 21), поселение Селиваниха, стоянка № 16. Сооружение может относиться к более ранней тагарской эпохе, как и большинство раскопанных в данном районе памятников.

Таким образом, требуется повторное посещение найденного объекта для уточнения измерений углублений, высот, размеров объекта, сбора подъемного материала.

Научные руководители — А. Б. Гревцова, С. П. Журавков

УДК 930

**К вопросу изучения и сохранения памятников истории
и культуры в среднем течении реки Шилка
(Сретенский и Могочинский районы Забайкальского края)**

Е. Н. Корниенко

Читинский техникум железнодорожного транспорта

Среднее течение реки Шилка — прекрасный кластер памятников истории и культуры различных периодов. Здесь сосредоточены поселения древних людей, наскальные рисунки, раннесредневековые городища, следы проникновения казаков-первопроходцев и жизни русского и аборигенного населения. Эти места долгое время были перевалочной базой при освоении Дальнего Востока. Здесь изначально планировалось строительство Амурской железной дороги, позже были сформированы базы снабжения, и именно с р. Шилки велось ее строительство. Рассматриваемый регион в течение последних лет был достаточно хорошо изучен силами Шилкинского археологического отряда ИАЭТ СО РАН, в состав которого входит и наша группа. Основной целью отряда является изучение памятников раннего средневековья и каменного века, а объекты, относящиеся к XIX — началу XX в. он не исследует. Поэтому в данной работе будут рассмотрены памятники среднего течения реки Шилка периода присоединения Дальнего Востока к России.

Стоит отметить, что центром изучаемого района является село Горбица, долгое время служившее пограничным с Китаем пунктом (по Нерчинскому договору 1689 г.). К сожалению, памятников этого периода не сохранилось, хотя нам известно, что на левом, китайском, берегу реки Горбица стояли пограничные столбы и устраивался торг [1]. В 2021 г. Шилкинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН в этом месте были обнаружены западины, предположительно, оставшиеся от полуземлянок.

В конце XIX в. с. Горбица становится крупным портом и одной из главных перевалочных баз при освоении Дальнего Востока. Памятником этого периода является церковь, построенная на пожертвования в 1887 г. Прямоугольное деревянное (из обшитых тесаной доской бревен) здание церкви венчает восьмигранный купол с главкой на ступенчатом барабане. Колокольня сильно повреждена, утрачены деревянный забор со святыми воротами, иконостас, позолоченные кресты, внутреннее убранство и роспись, часть элементов наружного декора, лестница первого яруса колокольни и хоров. Отсутствуют крыльцо и навесы входа в колокольню и части здания между колокольней и основным объемом, существующие в данных паспорта объекта 1991 г. [2]. В целом храм находится в удовлетворительном состоянии, но его разрушение продолжается. В данный момент местными жителями застеклены окна северо-восточной и основной части храма, вставлены двери, застелен пол в основном объеме, установлены кресты на главки основного и северо-восточного объемов, чего, по данным паспорта объекта 2015 г., не было [3].

К важным памятникам этого периода можно отнести и Шилкинскую часть Московско-Сибирского тракта. Дорога представляет собой, сложное инженерное сооружение, с комплексной структурой дорожного и земляного полотна. К сожалению, тракт слабо изучен и не относится к охраняемым объектам, как и сопровождающие его элементы.

В целом памятники в среднем течении р. Шилка периода освоения Дальнего Востока и присоединения его к России требуют дальнейших исследований, включая археологические. При этом с каждым годом все острее встает вопрос их сохранности не только как историко-культурных объектов, но и как свидетельств освоения Дальнего Востока Россией: деятельность человека и природные катаклизмы в этом регионе ведут к их постепенному уничтожению.

1. Маак Р. К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1885 г. Р.К. Мааком. Репринтное издание 1859 г. СПб: «Альфарет», 2007.

2. Учетная карточка памятника истории и культуры СССР «Церковь Прокопия блаженного», Забайкальский край, Сретенский район, с. Горбица // Научно-исследовательская документация. ГУК «Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия» Забайкальского края. Чита, 1991. С. 18

3. Учетная карта объекта, представляющего собой историко-культурную ценность «Церковь Прокопия блаженного», Забайкальский край, Сретенский район, с. Горбица // Научно-исследовательская документация. ГУК «Центр охраны и сохранения объектов культурного наследия» Забайкальского края. Чита, 2015. С. 4

Научный руководитель — Р. В. Смоляков

УДК 902

Перспективы поиска и изучения костровых конструкции визуальной (дымовой) сигнализации Шилкинской системы городищ

Е. Н. Колотовкин

Читинский техникум железнодорожного транспорта

Исследования Шилкинской системы городищ в Сретенском районе Забайкальского края наряду с получением ответов на ранее поставленные вопросы порождают и новые задачи, требующие продолжения исследовательской работы. Один из таких вопросов — назначение найденных рядом с Усть-Чернинским городищем в 2012 г. костровых конструкций [1].

Необычность конструкции, особенности расположения на местности, сохранность, форма зольных пятен позволили сформулировать предположение об их принадлежности к визуальной (дымовой) сигнализации [2]. В дальнейшем костры были реконструированы [3], а также проведены эксперименты, которые подтвердили возможность их использования для визуальной (дымовой) сигнализации [4]. Но поиск подобных объектов вблизи других городищ и на участках между ними не велся, что оставляет вопрос о назначении рассматриваемых костровых конструкций открытым. Находки подобных объектов у других городищ, и в особенности на промежуточных пикетах, указывали бы на правильность нашего предположения. Поэтому, несмотря на довольно подробные предыдущее работы, исследования было решено продолжить, расширив их географию и уточнив методику.

Главным объектом, возле которого будет вестись поиск новых костровых конструкций, станет открытое в августе 2021 г. Горбиченское городище. В настоящий момент уже проводится топографическое определение возможных мест нахождения этих конструкций как у самого городища, так и между поселениями Шилкинской системы. Просчитаны предположительные места пяти пикетов с конструкциями визуальной (дымовой) сигнализации на участке от Горбиченского до Лучуйского городищ и трех вероятных сигнальных точек около самих городищ. В ходе следующего полевого сезона мы планируем визуально более точно определить места возможного расположения изучаемых объектов и провести там разведочные работы. В случае обнаружения конструкций объекты будут сравниваться с уже найденными у Усть-Чернинского городища, а также с конструкциями очагов в жилищах самих городищ, чего ранее не делалось. Для этого мы планируем использовать методики, предложенные в исследованиях П. В. Волкова [5], Н. Б. Леоновой [6] и М. С. Нестеровой [7]. Будут проведены реконструкции и эксперименты.

Продолжение исследования конструкции визуальной (дымовой) сигнализации позволит подтвердить или опровергнуть наши предположения, а также усовершенствовать систему поиска и определения подобных объектов. В целом это будет способствовать дальнейшей реконструкции жизни населения, оставившего археологические памятники Шилкинской системы средневековых городищ в Забайкалье.

1. Ахметов В. В., Алкин С. В. Разведочные работы в районе Усть-Чёрнинского городища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. Т. 18. С. 160–163.
2. Суворова А. А., Вебер Е. И., Кузнецов М. Е., Анохин А. Возможности использования зрительных сигналов населением городищ на реке Шилка // Археология, этнография, антропология Евразии. Исследования и гипотезы: материалы докладов ЛII Региональной (VIII Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 50-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. С. 233–234.
3. Суворова А. Н., Вебер Е. И. Расчет реконструкций сигнального костра городища Усть-Чёрная Шилкинской системы городищ // Археология, этнология и антропология. Междисциплинарный аспект: Материалы докл. ЛII Регион. (VIII Всерос. с междунар. Участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. Владивосток: ИД ДВФУ. 2013. С. 261–263.
4. Бычков Д. А., Волков П. В. Сигнальные кострища и система визуальной коммуникации городища Усть-Чёрная (раннее Средневековье, Забайкалье) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 14. Вып. 7. Археология и этнография. 2015. С. 125–135.
5. Волков П. В. Опыт эксперимента в археологии. СПб.: Нестор-История, 2013. 416 с.
6. Леонова Н. Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // Краткие сообщения ИА АН СССР, 1990. Вып. 202. С. 13–17.
7. Нестерова М. С. Методика полевого и лабораторного изучения очажного устройства (опыт отечественных и зарубежных исследований) // VIII Исторические чтения памяти М. П. Грязнова: Сб. науч. тр. Омск: Амфора, 2012. С. 135–140.

Научный руководитель — Р. В. Смоляков

УДК 902

История археологических исследований в Могочинском районе Забайкальского края

П. В. Криничная¹, Д. Е. Щекурина²

¹ Читинский техникум железнодорожного транспорта

² Читинская средняя общеобразовательная школа № 26

Могочинский район занимает крайнее восточное положение на карте Забайкальского края и является в археологическом отношении малоизученным. Известные археологические памятники приходятся в основном на долины крупных рек — Амура и Шилки. Всего на территории района известно 115 археологических памятников, в том числе 13 объектов регионального значения.

Первые археологические исследования в Могочинском районе были проведены в 1954 г. по долинам р. Шилка и Амур Амурской группой Дальневосточной экспедиции под руководством академика А. П. Окладникова. В 1992 г. археологической экспедицией Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВО-ОПИК) под руководством И. И. Кириллова и Е. В. Ковычева проводилась разведка по среднему и нижнему течению р. Шилка и верхнему течению р. Амур. В 2015 г. район от устья р. Желтуга до пос. Часовинка по р. Шилка обследовался Шилкинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством С. В. Алкина. Поиск археологических памятников в центральной части Могочинского района с 1995 по 2014 гг. проводился археологической экспедицией Центра по сохранению историко-культурного наследия Забайкальского края под руководством С. А. Афанасьева. В 2000 г. на стоянке Усть-Джапиджак были проведены археологические раскопочные работы на площади 12 м² и зафиксированы 315 артефактов. Археологический материал стоянки имеет аналогии с каменным инвентарем неолитических памятников Прибайкалья, Восточного Забайкалья, Якутии и Среднего Амура [1]. В 1999–2000 гг. археологические исследования проводились на стоянке Сестренки-1, расположенной в 30 километрах к востоку от станции Амазар. В 2002 г. здесь были проведены спасательные археологические работы на площади 200 м², зафиксировавшие два культурных слоя и 575 артефактов, позволивших датировать стоянку бронзовым — ранним железным веком [2]. В 2000–2005 гг. археологические исследования проведены на группах кладок Большая Чичатка, Богузия-1, Колокольный, Сестренки, Усть-Давенда и одиночных кладках: Амазар, Бедовый, Усть-Давенда [3]. В 2006 г. проводились археологические исследования на стоянке Усть-Дыроватка на площади 16 м², в культурном слое зафиксировано 700 артефактов. Археологический инвентарь позволил датировать объект эпохой раннего неолита [4]. В 2014 году работы проводились на археологическом объекте — группе кладок «Вал»; она насчитывала две кладки. В это же время были проведены раскопки стоянок Усть-Подогреевский-1 и Усть-Подогреевский-2 [5].

Период довольно активных исследований Могочинского района Забайкальского края занимает временной промежуток с конца XX до начала XXI в. Но стоит учитывать тот факт, что они в основном были связаны со строительством федеральной автодороги «Амур» и ограничены створом трассы. Однако эти работы весьма перспективны с точки зрения дальнейших исследований. Так, находящиеся друг от друга на расстоянии всего 12 км и датированные примерно одним периодом стоянки Сестренки-1 и Джапиджак демонстрируют абсолютно разную керамику и технику обработки камня. Про такие объекты в этом районе, как каменные кладки, исследователям пока вообще ничего не известно. При этом часть памятников находится под угрозой уничтожения из-за деятельности человека и близости к Забайкальской железной дороге и федеральной автодороге «Амур».

1. Афанасьев С. А., Рафибеков Э. М. Неолитическая стоянка Усть-Джапиджак в восточной части Забайкалья. Забайкалье в геополитике России // Материалы международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Из-во БНЦ СО РАН. Улан-Удэ. 2003. С. 54–57.
2. Криничная П. В. Археологические исследования стоянки Сестренки-1. Археология: Материалы 59-й Междунар. науч. студ. конф. 12–23 апреля 2021 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 92–93.
3. Сенотрусов Е. А. Археологические исследования культового объекта — группа кладок Большая Чичатка. Археология: Материалы 59-й Междунар. науч. студ. конф. 12–23 апреля 2021 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 98–99.
4. Афанасьев С. А. Работы в Могочинском районе Читинской области // АО 2006 года. Москва: Наука, 2009. С. 519–520.
5. Афанасьев С. А. Научный отчет. Спасательные археологические полевые работы, проведенные в 2014 г. на территории объектов культурного наследия: «Группа кладок «Вал», «Стоянка «Усть-Подогреевский-1», «Стоянка «Усть-Подогреевский-2», расположенных на территории Амазарского целлюлозного завода в зоне размещения водохранилища в долине р. Амазар, в Могочинском районе Забайкальского края. Чита, 2014. 278 с.

Научный руководитель — Р. В. Смоляков

УДК 902

Проблемы реконструкции фортификационных сооружений Шилкинской системы городищ

И. Е. Попондопуло, Д. Д. Иванов

Читинский техникум железнодорожного транспорта

Территория Дальнего Востока, к которому относится Забайкальский край, известна значительным количеством средневековых городищ и укреплений. Такие памятники в среднем течении реки Шилка и на ее притоках составляют целую систему из горных и равнинных городищ, в данный момент изучаемых Шилкинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН. Наиболее изученным участком является район от устья р. Кара до устья р. Сивачи, где комплексно исследовано два городища: Усть-Чернинское и Сивачи.

Целью нашего исследования стала проблема реконструкции фортификационных укреплений Шилкинских городищ. Несмотря на то, что городища различаются по типам (горные, равнинные), по форме укреплений (П-образные, Г-образные, замкнутые), их фортификация создана по одному принципу [1]. Это сочетание конструкции земляных валов, рвов и, возможно, деревянного плетня или палисада. Первые материалы для изучения архитектуры фортификации были получены в ходе прокладки траншеи через укрепления Усть-Чернинского городища [2]. Позже в этой части укреплений был заложен раскоп площадью 196 м², материалы которого позволяют составить предположительную картину устройства оборонительных сооружений [3].

К сожалению, аналогичных работ по изучению фортификации в Приамурье не проводилось, что в свою очередь не позволяет объективно сопоставить памятники и реконструировать фортификацию в полном объеме. Обращение к аналогичным археологическим объектам на территории РФ показало, что наиболее изученными фортификациями, близкими по типу к нашей, являются оборонительные сооружения памятников раннего железного века в Южной Сибири [4], но информации, о попытках ее реконструкции мы не обнаружили (в отличие от аналогичных памятников раннего железного века в Подмосковье [5], где попытки реконструкций привели к тем же выводам, что и в нашей работе).

Проведенные полевые исследования, к сожалению, не раскрывают полную картину, необходимую для реконструкции верхней (деревянной) части укреплений. Поэтому на основе анализа материалов, полученных в ходе раскопок на Усть-Чернинском городище, подобных исследований в Южной Сибири и Подмосковье выдвигается четыре основных предположения по реконструкции верхней (деревянной) части фортификации. Первое — она состояла из системы тына и плетня. Второе — по центральному, самому большому земляному валу шел палисад из забитых в землю парных лиственничных стоек и закрепленных между ними лиственничных и березовых плах. Третья — она представляла собой стену-засеку, опирающуюся на дно внутреннего рва

и конструкцию из жердей на верху центрального земляного вала. Четвертая — внятная деревянная часть фортификации отсутствовала, а сами укрепления были просто традицией, принесенной переселенцами с Амура, не имеющей практического применения.

Ответы на поставленные вопросы нам могут дать только дальнейшие исследования, которые планируется провести на открытом в августе 2021 года Горбиченском городище — укрепленном поселении горного типа с Г-образной формой фортификации, состоящей из двух рвов и трех земляных валов.

1. Харченков А. В. Особенности фортификации Шилкинской системы городищ // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) РАЭСК. Иркутск, 2010. С. 349–351.
2. Алкин С. В., Васильев С. Г., Колосов В. К., Нестеренко В. В. Результаты полевых исследований на левобережье реки Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2006 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. 12, ч. 1. С. 249–254.
3. Алкин С. В., Нестеренко В. В. Изучение фортификации Усть-Чернинского городища в Восточном Забайкалье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2009 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 15. С. 200–203.
4. Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Развитие фортификационных сооружений в южнотаежной зоне Средней Сибири и в Красноярской лесостепи в раннем железном веке и средневековье // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2007. Т. 6. Вып. 3: Археология и этнография. С. 205–211.
5. Сидоров В. В. Реконструкция укреплений городищ раннего железного века // Археология Подмосковья, 2017. Вып. 14. С. 26–31.

Научный руководитель — Р. В. Смоляков

УДК 902

К вопросу о применении дегтя средневековым населением НСО

Н. С. Потёмкина

Факультет базовой подготовки
Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Археологические исследования Новосибирской области за последние 30–40 лет позволили получить значительный объем научной информации, описывающей различные стороны жизнедеятельности населения НСО в XI–XVII вв. н. э. Она включает описание особенностей погребального обряда, строительства жилищ, вооружения, повседневной жизни, а также религиозных представлений и промыслов.

Одним из таких промыслов — дегтярный. Деготь является производным продуктом от безвоздушного или сухого возгона дегтя. Иными словами, дегтярный промысел представляет подотрасль берестяного промысла.

При изучении берестяных погребальных конструкций из фондов музеев НГПУ и НГКМ (курганские могильники Малый Чуланкуль-1, Кротово-15), а также в ходе полевых исследований (курганские могильники Санаторный-1 и Санаторный-3) были получены образцы черного смолистого вещества, которое фиксировалось на берестяных листах и краях заплаток, закрывавших поврежденные места тисок — берестяных перекрытий жилищ.

Нами была выдвинута версия, что это смолистое вещество может быть дегтем. Мы привлекли к решению нашей проблемы естественнонаучные методы. В частности, десять проб этого вещества были переданы в Институт катализа СО РАН для определения химического состава.

Для изучения проб использовался масс-спектрометр. Пробы были измельчены и помещены в специальный раствор, который далее специальным шприцом помещался в анализаторную колонку. Там состав подвергался бомбардировке на молекулярном уровне. В ходе бомбардировки из подготовленного раствора выпадали второстепенные частицы, показав во всех десяти пробах преобладание битулина — 57–86 %.

Восемь проб происходят из могильников XI–XIII вв. н. э. с территории Новосибирского Приобья, 4–5 км к югу от г. Бердск, Санаторный-1 и Санаторный-3. Две пробы из могильника Малый Чуланкуль-1 XVI–XVII вв. н. э. из Венгеровского района НСО.

Анализируя расположение дегтя на берестяных деталях жилищ, мы обратили внимание, что это, как правило, стыки листов или места изгибов конструкций. Три пробы происходят из одного погребения кургана 3 могильника 3 Санаторный-3. Две пробы происходят с нижней части берестяного погребального короба и имеют идентичный химический состав. Третья проба отличалась по химическому составу и происходит с берестяного перекрытия погребения. Разница в химическом составе проб свидетель-

ствуется, что для сооружения погребальной конструкции были использованы разнообразные тиски, изготовленные в разное время.

Подводя итог, можно констатировать широкое применение дегтя тюркоязычным населением на обширной территории. Учитывая краткость этнографических сведений о сухой возгонке дегтя у сибирских татар, то становится возможным «закрыть» этот вопрос на территории НСО с XI по начало XX в.

Научный руководитель — С. А. Пилипенко

УДК 902.01

Погребение раннего железного века из Юго-Восточного Забайкалья

А. Е. Рыбакова

Забайкальский центр специального образования и развития
«Открытый мир», Чита

В 2019 г. Забайкальским краевым отделением ВООПИиК, при участии членов детского объединения «Поиск исчезнувших культур» (ГОУ «Забайкальский центр специального образования и развития «Открытый мир»), было исследовано одиночное захоронение Чиндачи-VIII [1]. Погребение находилось на западном склоне, на левом борту пади Чиндачи (Борзинский район Забайкальского края), в 5,2 км к северу от Кондуйского дворца (дворцовый комплекс монгольского времени). На поверхности погребение было выражено курганной каменной кладкой округлой формы диаметром 502 см. Внутреннее пространство конструкции, за исключением четырех камней в западной половине, имело свободное от камней пространство овальной формы размером 190 на 15 см, вытянутое по линии запад — восток. На поверхности кладка состояла из крупных камней, размер которых варьировал от 16 × 35 до 35 × 70 см. Крупные валуны выходили на дневную поверхность на 15–20 см, нижняя часть их была задержана.

После расчистки выяснилось, что кладка сложена из камней мелкого (от 5 × 14 до 8 × 16 см), среднего (от 18 × 26 до 20 × 30 см) и крупного (от 32 × 36 до 32 × 86 см) размера. Кладка имела округлую форму диаметром 530 см и была сложена тремя-четырьмя слоями камней мощностью до 70 см. В восточной половине кладки в центральной части наблюдалось свободное от камней пространство овальной формы размером 100 × 230 см. После снятия кладки на глубине 95 см от дневной поверхности выявлено могильное пятно, вытянутое по линии север — юг. Могильная яма была забутована камнями. В южной половине ямы от ее западной стенки фиксировался грабительский лаз вытянуто-овальной формы размером 50 × 155 см, ориентированный по линии восток — запад с небольшим отклонением к югу. Могильная яма имела подовальную форму, длинные стенки ее изогнуты. Восточная стенка шахты ямы спускалась практически под прямым углом, западная (в средней части могильной ямы) — под углом 45°. Ширина могильной ямы составляла 68–77 см, длина — 237 см, глубина — до 150 см от современной поверхности. На дне могильной ямы на 1/3 ее ширины возле восточной стенки фиксировалась западина глубиной до 15 см.

Судя по сохранившимся останкам погребенного, он располагался на спине в вытянутом положении, голова ориентирована на север. Кости плохой сохранности. Черепная коробка раздавлена, ребра не сохранились, тазовые кости сохранились фрагментарно. Бедренные кости, по всей вероятности, были обломаны в результате разграбления захоронения, берцовые кости отсутствуют, в южной части могильной ямы фиксировались разрозненные кости стоп.

Вещевой комплекс представлен единичной находкой — железным наконечником стрелы. Он относится к черешковым наконечникам, группа трехлопастных, тип — удлиненно-ромбические. Наконечник плохой сохранности. Длина пера составляет 3,3 см, ширина 2,2 см, длина черешка 2,2 см. Наконечник имел остроугольное вытянутое перо. Лопастей его узкие, плечики покатые, черешок отделен от пера уступом. Подобные наконечники стрел встречаются в Западном Забайкалье в захоронениях хунну [2, с. 31].

Судя по погребальному обряду (мощная каменная кладка, ориентация умершего головой на север, вытянутое положение тела, а также найденный наконечник стрелы), можно датировать данное погребение хуннским временем: конец III в. до н. э. — первая половина II в. н. э. Погребальный обряд, зафиксированный в данном захоронении, отличается от обряда в синхронных памятниках, обнаруженных в районе исследования. В настоящий момент подобных погребений в приаргунских степях археологами обнаружено не было. Данный факт поднимает вопрос пересмотра этнокультурной ситуации в Юго-Восточном Забайкалье хуннского времени. Для этого необходимы дальнейшие исследования погребений, погребальный обряд которых схож с обрядом, зафиксированным на памятнике Чиндачи-VIII.

1. Номоконов А. А. Научный отчет о результатах археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Комплекс Чиндачи-VIII» в Борзинском районе Забайкальского края в 2019 г. Чита: 2021. 52 с.
2. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Научный руководитель — А. А. Номоконов

УДК 902

Способы фиксации обуви у средневекового населения юга Западной Сибири

К. В. Сафенрайтер

Факультет базовой подготовки
Новосибирского государственного университета
экономики и управления

Целью данного исследования является изучение различных способов ношения обуви и ее крепления к ноге у средневековых жителей юга Западной Сибири.

На юге Западной Сибири изучена не одна сотня погребений средневековых кочевников. Несмотря на это, в них редко обнаруживают предметы одежды, изготовленные из органических материалов. Поэтому довольно сложно составить целостное представление относительно того или иного вида или элемента одежды. Частично заполнить эту лакуну в вопросе ношения и фиксации обуви позволяют немногочисленные находки с обширной территории от восточного Казахстана до Кемеровской области (с запада на восток) и до Томской, Новосибирской областей и Алтая (с севера на юг).

Обобщение информации из разных источников позволило нам выделить несколько категорий инвентаря и интерпретаций их использования.

К первой группе относятся остатки собственно самих сапог из различных материалов. Это почти полностью сохранившийся сапог из кург. 19 мог. Сапогово, голенище из кург. 2 мог. Шабаново-1 (Кемеровская область) и сапог из мог. Катанда (Восточный Казахстан).

Ко второй группе относятся детали от женских низких сапожек из мог. Камыши-1 и Чулым-2 с территории Барабы (НСО). В обоих случаях сохранились бронзовые бляшки с застежками и язычками, фиксировавшие обувь на лодыжке путем соединения через тройники трех ремней, проходящих вокруг лодыжки и под подошвой.

К третьей группе относятся более простая система фиксации сапог: ремешком через пряжку с язычком вокруг голени из мог. Чингисы (НСО).

К четвертой группе относятся находки, несущие косвенную информацию о способах ношения, фиксации и размерах обуви. Металлические кольца с полосами для крепления обуви — «поножи».

К четвертой группе относится информация косвенного характера, позволяющая уточнить или предположить габариты обуви.

Суммируя все вышесказанное, мы получаем довольно четкое представление о видах обуви и способах ее фиксации на ноге.

Научный руководитель — С. А. Пилипенко

Спасательные археологические полевые работы на стоянке «Усть-Подогреевский-1» в Могочинском районе Забайкальского края

А. С. Чернышева

Амазарская средняя общеобразовательная школа № 102

В 2004 г. археологическим отрядом Центра охраны и сохранения объектов культурного наследия Читинской области была проведена археологическая разведка на территории проектируемого строительства Амазарского целлюлозного завода — в долине р. Амазар южнее пос. Амазар Могочинского района Забайкальского края. В районе размещения водохранилища были обнаружены объекты культурного наследия: группа кладок «Вал», стоянки «Усть-Подогреевский-1» и «Усть-Подогреевский-2». В данной работе будет рассмотрена история исследования стоянки «Усть-Подогреевский-1», предварительно датированной эпохой позднего неолита, бронзового — раннежелезного века.

В ходе разведки 2004 г. в устье притока Амазара р. Подогреевский был заложен шурф площадью 2 м² с двумя археологическими культурными горизонтами. Всего в первом культурном горизонте выявлено 28 фрагментов керамических сосудов. Во втором культурном горизонте обнаружено четыре артефакта: микропластинка, отбойник, отщеп и фрагмент керамики [1].

Через десять лет, в 2014 г., для проведения спасательных археологических полевых работ в районе шурфа 2004 г. было заложено четыре раскопа общей площадью 944 м² и три поисковых шурфа общей площадью 12 м²; выявлено, зафиксировано и изучено два культуросодержащих горизонта с 2 133 артефактами. В первом горизонте зафиксировано восемь культурно-хозяйственных зон, где производилось расщепление камня, изготовление орудий труда и их хозяйственное применение. Выявлены такие артефакты, как: нуклеусы разного типа, нуклевидный желвак, микропластины, пластинки с намеренной ретушью. Среди найденных орудий на микропластинках были: концевые скребки; скобели, угловые резцы, проколки, повертки. Преобладают орудия на отщепах и пластинчатых отщепах с намеренной ретушью и с ретушью утилизации. Во втором культурном горизонте обнаружено четыре культурно-хозяйственных зоны, где зафиксировано два очага с каменными обкладками. Артефакты представлены единичными микропластинками с намеренной и утилитарной ретушью, скребками; фрагментом вкладыша, наконечником стрелы «даурского» типа, угловыми резцами, проколками (повертками), скребком, скреблом с продольно-концевым лезвием, заготовкой наконечника копья. Из галек найдены: топор, отбойники, орудие (плитка), изготовленная из массивной оббитой плитки, назначение которой не известно. Нуклеусы из яшмы представлены только тремя фрагментами [2].

Археологические исследования показали, что на территории «Стоянки «Усть-Подогреевский-1» находилась летняя, временная стоянка древнего человека. На временное

пребывание людей на данной территории указывает малая мощность зольных пятен. Также на вскрытой площади не было обнаружено жилищных ям и каменных обкладок для жилищ. Вероятно, древние люди жили в легких летних жилищах типа чума, сделанных из бересты, корья или шкур животных.

Археологический инвентарь стоянки Усть-Подогреевский-1 несмотря на свою многочисленность, все-таки имеет бедный по количественному, качественному и типологическому составу орудийный набор.

1. Афанасьев С. А. Научный отчет. Археологическое обследование в зоне затопления водохранилищем целлюлозного завода в долине р. Амазар в Могочинском районе Читинской области. Чита, 2005. С. 3–47.
2. Афанасьев С. А. Научный отчет. Спасательные археологические полевые работы, проведенные в 2014 году на территории объектов культурного наследия: «Группа кладок «Вал», «Стоянка «Усть-Подогреевский-1», «Стоянка «Усть-Подогреевский-2», расположенных на территории Амазарского целлюлозного завода в зоне размещения водохранилища в долине р. Амазар, в Могочинском районе Забайкальского края. Чита, 2014. 278 с.

Научный руководитель — А. Л. Царегородцева

ИСТОРИЯ

Председатель секции — д-р ист. наук *Н. С. Гурьянова*

Ответственный секретарь секции — *М. Ю. Шматов*

Экспертный совет секции

д-р ист. наук, д-р культурологии, проф. *Г. Г. Пиков*

д-р ист. наук, проф. *С. А. Красильников*

д-р ист. наук *Н. С. Гурьянова*

д-р ист. наук, проф. *А. С. Зуев*

доц. *С. П. Куликов*

канд. филол. наук, доц. *Т. Г. Мякин*

канд. ист. наук, доц. *А. К. Кириллов*

д-р ист. наук, доц. *А. В. Дмитриев*

д-р ист. наук, проф. *М. В. Шиловский*

д-р ист. наук, проф. *В. И. Шишкин*

HISTORY

Section head — Dr Sci. (History) *N.S. Guryanova*

Section secretary — *M. Y. Shmatov*

Section scientific committee

Dr Sci. (History), Dr Sci. (Cultural Studies), Prof. *G. G. Pikov*

Dr Sci. (History), Prof. *A. V. Bessonov*

Dr Sci. (History), Prof. *S.A. Krasilnikov*

Dr Sci. (History) *N.S. Guryanova*

Dr Sci. (History), Prof. *A.S. Zuev*

Assoc. Prof. *S. P. Kulikov*

PhD (Philolog.), Assoc. Prof. *T. G. Myakin*

PhD (History), Assoc. Prof. *A.K. Kirillov*

Dr Sci. (History), Assoc. Prof. *A. V. Dmitriev*

Dr Sci. (History), Prof. *M. V. Shilovsky*

Dr Sci. (History), Prof. *V.I. Shishkin*

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ЕВРОПА И БЛИЖНИЙ ВОСТОК)

УДК (2-9)

Яблоко в индоевропейской мифопоэтической традиции

Н. А. Большанина

Новосибирский государственный педагогический университет

В данной работе с точки зрения сравнительной мифологии рассматривается роль яблока в родственных индоевропейских мифологических традициях, в частности, в иранской (осетинской), греческой, кельтской и германской.

Мотив золотых яблок — один из универсальных в индоевропейской мифологической традиции. При всех его многочисленных вариациях можно выделить несколько тенденций:

Яблоки растут в саду, причем владелец сада либо не указывается, либо сад принадлежит правителю. У этого правителя, как правило, есть дети, которые эти яблоки охраняют. В случае, если сад не принадлежит никому, он расположен на периферии известного материального мира.

«Воры» и «охранники» этих яблок, которые нередко меняются местами. Здесь также можно выделить несколько концепций:

- герои как стражи: братья-близнецы Ахсар и Ахсартаг (нартский эпос);
- героини как стражи: три или четыре сестры Геспериды (Гесиод: Теогония) [1];
- драконы и большие змеи в качестве стражников;
- герои как воры;
- птицы как воры: три голубки (нартский эпос), птица феникс (немецкая традиция), золотая птица, которая на самом деле зачарованная богиня Лайма (Латвия);
- гиганты как воры: Атлас (был отправлен Гераклом за яблоками из сада Гесперид).

В описании магических свойств яблок можно выделить три тенденции:

- осетинская — яблоки не просто способны оживить героя, но и исцелить его;
- скандинавская — яблоки даруют вечную жизнь и молодость богам и являются признаком их божественности;
- русская — так называемые молодильные яблоки. Они способны даровать герою молодость, но это не значит, что он будет молод вечно. Омолодившись, герой снова начнет стареть, хоть и проживет дольше обычных людей. Описание таких яблок мы встречаем у Еврипида.

Собранные варианты позволяют реконструировать наиболее вероятные архаические и сравнительно недавние сюжеты [3]:

Золотые яблоки охраняются полубожественной героиней и большим змеем в саду, расположенном на периферии материального мира. Храбрый герой послан принести три яблока из этого сада.

Яблоки неоднократно похищает неизвестный вор. Волшебные плоды охраняют сыновья правителя. Как правило, только младший сын способен идентифицировать вора. Вором чаще всего оказывается заколдованная девица.

Можно предположить, что магический эффект яблок связан с источником, из которого течет омолаживающая вода. Этот источник расположен вблизи яблони, на которой растут золотые яблоки. И яблоня, и источник находятся в одном волшебном саду. Наблюдаются общие черты с библейской традицией: плоды от дерева жизни, произрастающего в саду, и роль змея.

1. Hes. Theog. 1. / Гесиод. Теогония. Труды и дни: поэма / Гесиод; пер. В. В. Вересаев. Москва [Электронный ресурс]. Директ-Медиа, 2004. 125 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=30245> (дата обращения: 07.02.2022).
2. Мифы народов мира. В 2 т. М., 1991–1992. Т. 1. С. 298–299.
3. Blažek V. The role of “apple” in the Indo-European mythological tradition and in neighboring traditions [Электронный ресурс] // *Altajská hypotéza — argumenty, protiargumenty a jejich precizace*. 2016. № GA15 (122). С. 41–83. <https://www.muni.cz/en/research/projects/30385?page=8> (дата обращения 07.02.2022).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. В. Запорожченко

УДК 94 (38). 08

Почитание царей военными в Киренаике (III–II вв. до н. э.)

И. Ю. Воробьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

Киренаика — историческая область, расположенная на побережье Северной Африки, — имела давнюю монархическую традицию: основанный Баттом I в VII веке до н. э. полис Кирена, крупнейший город региона, несколько веков был под властью династии Баттиадов. В эллинистический период регионом правила как местная династия, так и Птолемеи. Существование царской власти в Киренаике в эпоху эллинизма закономерно привело к появлению культа правителя, который отправляли не только полисные институты, но и военные, располагавшиеся регионе. Посвящения последних были обнаружены в Кирене и в ее порту — Аполлонии.

Киренаика была втянута во внешнеполитические процессы Восточного Средиземноморья в III–II вв. до н. э. Так, Первая Сирийская война (275–272/271 гг. до н. э.) была инициирована киренским царем Магасом (276–250 гг. до н. э.) [1]. Именно его царствованием датируется аполлонийская эпиграмма, трактуемая как первое свидетельство существования культа правителя в Киренаике [2]: некий Эвполем сделал посвящение богу Аресу и царю Магасу (SEG XVII. 817. сттк. 1,3). Хронологически следующие посвящения от военных относятся уже к периоду правления Птолемея VIII Эвергета II, контролировавшего Киренаику в 164/3–116 гг. до н. э. Именно этот регион был опорным пунктом для Птолемея VIII в политической борьбе против Птолемея VI. В двух надписях плохой сохранности можно восстановить лишь должности адресантов: «первый друг» (IGCypr105710. сттк. 2) и архисоматофилак (IGCypr132600. сттк. 2–3).

В лучшей сохранности до нас дошло посвящение IGCypr097400, где высшие командные чины, воины из элитных подразделений и «остальные» благодарят Птолемея, «великого бога» (Ibid. сттк. 1), за благодеяния в их адрес. Также сохранилась надпись 128–116 гг. до н. э., в которой офицеры корпуса телохранителей (IGCypr015800. сттк. 2) посвятили статую Клеопатре III, жене Птолемея VIII. Последний царь, удостоившийся почестей в Киренаике — Птолемей IX Сотер II. Посвящения (IGCypr015900, IGCypr102500, IGCypr063000), датируемые концом II в. до н. э., были сделаны Столосом, навархом и «другом» царя, в годы острой внутривосточной борьбы Клеопатры III, ее младшего сына Птолемея X Александра I против старшего Птолемея IX. Эти надписи были явным знаком политической лояльности Столоса в Киренаике, которую на тот момент контролировал Птолемей IX [3].

Существовавший среди военных культ царя в Киренаике был связан прежде всего с процессом укрепления власти монарха в контролируемом им регионе. Для каждого из вышеупомянутых эллинистических правителей Киренаика была в определенный период политической «опорой». Важным показателем является то, что наибольшее число посвящений монаршим особам фиксируется в периоды внутренней политической не-

стабильности царства Птолемеев. Монарх осознавал необходимость поддержки со стороны местных гарнизонов (воинов и их офицеров), а также придворных — военной элиты. Точно так же ощущали собственную зависимость от расположения к ним царя и сами военные. Эти две установки получили свое яркое выражение в культовом почитании эллинистического монарха в Киренаике.

1. Зелинский А. Л. Результаты I Сирийской войны для государства Птолемеев // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 5. С. 36.
2. Chamoux F. Épigramme de Сугène en l'honneur du roi Magas // Bulletin de correspondance hellénique. 1958. Vol. 82. P. 579.
3. Bagnall R. S. Stolos the Admiral // Phoenix. 1972. Vol. 26. № 4. P. 365.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. В. Дементьева

УДК 94

Из Причерноморья в Лаций: дискуссия об истоках культа Дианы Неморенсис

В. С. Несмеянова

Новосибирский государственный университет

Известность культа Дианы в Неми во многом исходит от полумифического обряда борьбы за право быть главным жрецом богини, называемым *rex nemorensis* («царь Неми» или «царь рощи»). Согласно античной традиции, царем-жрецом мог стать лишь беглый раб, убивший в поединке предыдущего жреца. Разные авторы (Страбон, Овидий, Плутарх, Вергилий, Катон) дополняют друг друга подробностями о культе Дианы Арицинской. Тем не менее еще во времена существования святилища оставался открытым вопрос о происхождении культа Дианы Неморенсис.

Живший в I в. до н. э. Страбон одним из первых связал культ Дианы в Ариции и культ Артемиды Таврополос, культ βαρβαρικὸν καὶ Σκυθικὸν [1]. Эпитет «варварский» указывает на негативную оценку культа Артемиды, на его архаичные, дикие, нетипичные для римлян нравы. Страбон весьма подробно описывает святилище богини, его окружение, обряд, связанный с царем-жрецом. Вероятно, Страбон лично посещал Арицию во времена благожелательно настроенного к святилищу Цезаря и тесно связанного с Арицией и Дианой Октавиана Августа. Отсюда вытекает вопрос о степени вероятности отношения к арицинскому культу как к варварскому в I в. до н. э.

Второй эпитет скорее является конкретным географическим указанием, чем очередной негативной коннотацией культа, поскольку сам античный географ отмечал, что скифские народы разнятся между собой по степени жестокости [2]. Σκύθαι для греков — собирательное название кочевых племен по нижнему течению Дуная и к северу от Чёрного и Каспийского морей [3]. Страбон причисляет к скифам тавров, живших на территории Херсонеса (южное побережье Крыма) и поклонявшихся некой богине-Деве (Парфенос) и/или Артемиде Таврополос.

Вероятно, Страбон и другие античные авторы опирались в трудах на пьесу Еврепида «Ифигения в Тавриде» (412 г. до н. э.), сравнивая жестокий ритуал Тавриды с ритуалом в Ариции. Тавры приносили в жертву богине-Деве всех чужеземцев, прибывших к берегам их края, либо всех чужеземцев, потерпевших кораблекрушение. Тесно связанная с Артемидой Ифигения некоторое время являлась жрицей богини-Девы у тавров. В пьесе Еврепида Ифигения и ее брат Орест сбегают от царя Фоанта, забрав с собой священный кумир богини. Фоант же по приказу Афины меняет местный ритуал жертвоприношения на надрезание шеи чужеземцам, не приводящий к смерти, но умиротворяющий Деву. В итальянской традиции Орест становится основателем культа Дианы в Ариции, доставив сюда таврический кумир (либо алтарь). По примеру смягчения ритуала жертвоприношения в Тавриде здесь жертвоприношения замещены относительно добровольным самопожертвованием царей-жрецов.

В историографии по-разному трактуют возможность связи культов богини-Девы и Артемиды Таврополос. Одни (И. Ю. Шауб) разделяют богинь, другие считают, что греческая Артемида и херсонесская Парфенос в определенный момент слились в культ одной богини вследствие разного рода причин (М. В. Скржинская, И. С. СВЕЦИЦКАЯ); третьи уверены в том, что богиня-Дева — одна из ипостасей Артемиды (А. С. Русяева, М. В. Русяева, Е. А. Туровский).

Мы не можем с абсолютной уверенностью говорить о реальной связи культа Дианы в Неми с культом Артемиды Таврополос или культом богини-Девы. Более того, вопрос о происхождении культа Дианы Неморенсис выходит за рамки культа в Тавриде. Так, В. Буркерт пишет о заимствовании культа Дианы из Колхиды, Б. Гулдагер приводит аргументы в пользу связи культа с Персией. Также есть основания полагать, что: 1) культ был заимствован у этрусков; 2) культ был самобытным до вторичной эллинизации.

Понтийский культ Ма Страбон также связывает с культом Артемиды Тавриды, введенным бежавшими от Фоанта Ифигенией и Орестом [4]. Они выступают в античной традиции в роли распространителей культа Артемиды Таврополос. В этом можно усмотреть метафору эллинизации местных культов под влиянием греческих верований, а также метафору распространения конкретного культа богини-Девы, ассоциировавшейся в античных трудах с Артемидой.

Таким образом, если считать культ Дианы Неморенсис преемственным, то его истоки можно обнаружить в районе Причерноморья. Античные авторы связывают его с культом Артемиды Тавриды, пользующийся известностью по крайней мере с IV в. до н. э. У современных исследователей нет единого мнения о связи последней с местным культом, что ставит под вопрос греческую природу культа. Вероятно, в Арицию культ пришел в «собирательном» виде: основываясь на местных культах, он эллинизировался, после чего слился с местным культом в Ариции или адаптировался к местным условиям.

1. Strab. V, 3, 12. Цит. по: Meineke A. (ed.) Strabonis Geographica. Vol. V. Leipzig: Teubner, 1877.
2. Страбон. География / пер. Г. А. Стратановского. М., 1964. VII. 3. 9.
3. Древнегреческо-русский словарь / сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958. Т. 2. С. 1486.
4. Страбон. География / пер. Г. А. Стратановского. М., 1964. XII. 2. 3.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Т. Г. Мякин

УДК 94

Представления о древности в памятнике «Римские деяния»

В. А. Сухачев

Новосибирский государственный университет

«Римские деяния» — сборник новелл на латинском языке XIV века и по совместительству известнейшее в свое время беллетристическое произведение, как минимум уже потому, что известно до 150 рукописных списков. Основой «Римских деяний» стал анекдотический материал, заимствованный из латинских авторов позднеримского периода. В дальнейшем тело текста прирастало за счет добавлений средневекового фольклорного материала — легенд, рассказов, восточных сюжетов и наставлений, из-за чего название сборника несколько утратило первоначальный смысл. Помимо художественного интереса, текст снабжен так называемыми «морализациями», суть которых в истолковании тех или иных сюжетных явлений через призму христианского мировоззрения. Зачастую такая вставка может оказаться значительно пространнее аутентичного текста новеллы. В этом наблюдается особенность средневекового сознания: стремление увидеть второй, сакральный и скрытый смысл в вещах отвлеченных и мало связанных с тем, что вкладывают в них средневековые авторы.

Сложно представить более подходящий источник для изучения воззрений и мироощущения людей той эпохи. Помимо довлеющего христианского взгляда на жизнь в сборнике несложно вычленишь и житейские мотивы, волновавшие людей тогда. Интересен взгляд на формальные процедуры и законы, которые в сборнике то максимально дотошно разбираются (отчего герой одного рассказа может с видимым знанием подходить к толкованию права), то на передний план выходит некая формальность, важность которой довлеет над законом. Когда очередная новелла описывает женитьбу царского сына, царь может думать о крайне мелких вещах — о приданом или какой-то мимолетной выгоде, что, конечно же, разнится с действительным образом жизни такого человека. Это выдает в составителе желание сделать текст более доступным народу. Или, быть может, он сам был выходцем из простонародья.

В пользу этого вывода говорит и язык произведения. Он прост, без каких-либо сложных художественных приемов, а самое главное — с элементарным, наивным синтаксисом. Было ли это сделано умышленно или автор в принципе мыслил в подобных категориях, неясно. Однако очевидно, что язык и тематика произведений делают «Римские деяния» крайне «народным» творческим памятником.

Новеллы «Римских деяний» пестрят необычными историями, зачастую сказочными и жестокими, в которых ломается привычная для нашего мировоззрения логика. Составителю сборника чужды моральные терзания людей, совершивших убийство, он не видит ничего необычного в том, что два медика, соревнуясь в мастерстве, калечат друг друга и стараются загладить вину, однако не из нравственных побуждений, но чтобы исполнить данное обещание. Непривычная нам логика — или, скорее, ее отсут-

ствие — проявляется и в желании унифицировать каждый рассказ под определенное толкование. Подогнать его интерпретацию под христианскую догму. Истории с очевидным для нас негативным сюжетом превращаются в поучительный пример праведному христианину. Примером может служить новелла о горбуне, отказавшемся платить денарий за свой недостаток в городе, где за вход с людьми с физическими пороками берут мзду, после чего его принудили заплатить в пять раз больше. Новелла названа автором «О наказании грешников, вовремя не понесших кару за содеянное».

Подобных тем, отражающих воззрения средневекового человека в «Римских деяниях» много, и каждая из них достойна изучения в отдельности. Нас же интересуют исторические представления, которые мы наблюдаем в произведении. Представления о древности. В «римских деяниях» постоянно путаются деятели античности. Республиканские деятели становятся царями, императорами, фигуры разных эпох смешиваются и живут в одно время. Жизнь человека древности представлена в чисто средневековых декорациях. Персонажи римской и греческой древности живут в замках, посещают турниры. Прославленные полководцы называются королями. Известные, полубогатые сюжеты искажаются и помещаются в панораму средневекового образа жизни.

Цель работы — показать разнообразие образов и представлений о древности, изображенных в памятнике. Это поможет лучше понять уровень исторического знания в эпоху средневековья, а также представить сущность подобного «антиисторичного» мировоззрения.

Научный руководитель — д-р культурологии, д-р ист. наук, проф. Г. Г. Пиков

УДК 94

Феномен куртуазной любви в трактате Андрея Капеллана «О любви»

А. Д. Тамагашева

Новосибирский государственный университет

Трактат «О любви» Андрея Капеллана, французского клирика, приближенного ко двору Филиппа II Августа, посвящен осмыслению новой для средневековой культуры формы любви, так называемой куртуазной (фр. *cour* 'двор'). Феномен куртуазности происходит от придворного образа жизни аристократов, правил культуры и этикета, диктуемых высшим обществом. В своем тексте Капеллан систематически изложил доктрину «утонченной любви» (окс. *fin' amor*), мастерски раскрыл психологию отношений, провозглашая правила любовной игры, которые стали лейтмотивом европейской культуры XII–XIII веков.

Искусство куртуазной любви Капелланом раскрывается в трех книгах: в первой рассматривается определение любви, ее назначение, способы обретения внимания возлюбленной и возлюбленного. Автор превозносит любовь как наивысшую ценность. Подробно описаны возможные модели отношений между кавалером и дамой: так, в произведении есть восемь диалогов, освещающих образцовые объяснения в любви среди разных слоев населения. Также Андрей Капеллан выделяет в своем трактате два способа выражения любви: *rigus amor* и *mixtus amor*. Первый вариант можно обозначить как платоническую любовь, которая включает в себя куртуазные любовные игры, но ограничивает физическую близость. Второй вариант предполагает завершение страсти соитием. Автору ближе умеренная форма любви, потому что *rigus amor*, по его мнению, способствует более крепкой связи, хотя *mixtus amor* напрямую им не осуждается.

Во второй книге освещаются вопросы, как сохранить любовь и решить различные любовные проблемы. Это перечень установлений о развитии любви, состоящий из предписаний, которые принял двор из множества дам и рыцарей и обещал повиноваться им во всей полноте. Куртуазная любовь становится неразрывна с куртуазностью среди рыцарей, то есть определенной рыцарской этикой. Рыцарский кодекс и трактат о куртуазной любви схожи в стремлении к недостигаемой идеальности. Но акцент в куртуазной любви не столько на идеальном результате (как, например, в старой модели, где итог любви — стать супругами), сколько на процессе достижения объекта любви (различные препятствия, тревоги и тайна встреч), причем без притязаний на будущее.

В третьей книге в отличие от первых двух рассказывается, как уберечься от любви. Красноречиво перечисляются недостатки женщин. Обвинения в сторону женского пола высказываются, например, в скупости, лживости, суетности и ревности. Такая критика напоминает о средневековой эпохе и настоящем социальном положении женщины — она стоит ниже мужчин, хотя в куртуазной литературе придворные дамы прославляются и становятся «сюзеренами» многих мужских сердец. Неожиданная критика

Капеллана в последней части наводит на мысль об ироничном послыле автора в первых двух книгах, что, скорее всего, выражает отношение французского писателя к новому феномену любви. Вполне возможно, что это связано с его духовным саном, который обязывал сохранять целомудрие и придерживаться сложившихся традиций. Но так или иначе трактат стал источником вдохновения для целого поколения поэтов любви — трубадуров, которые восхваляли даму сердца.

Феномен куртуазной любви демонстрирует новые ценности общества, устремление больше к любви «далекой», в которой есть напряженность, тайны и интриги, нежели к любви традиционной, «близкой», где брак — фундамент отношений между мужчиной и женщиной. Брачные узы перестают быть обязательным критерием любви, потому как им противостоит кодекс любви Капеллана с целью сформулированными правилами, в которых он отмечал, что брак не есть повод к отказу от любви.

Таким образом, Андрей Капеллан написал единственный в своем роде трактат о куртуазной любви, раскрывающий обычаи и куртуазные нравы феодальных дворов. Текст французского клирика призывал уважать иерархические различия, показал любовь не в обыденном значении брака. В то же время автор расширил понимание любви не как страсти и плотских отношений, а как духовного союза между мужчиной и женщиной, что могло спасти от незаконных наследников. Во-вторых, автор обратил внимание на положение женщины в обществе. Капеллан был одним из немногих, кто в это время отразил в тексте мысли женщины в диалоге с мужчинами и показал женскую речь наравне с мужской. Кроме того, он отметил, что куртуазные привычки приводят к менее строгим предписаниям по отношению к женщине со стороны мужа и отца, что делает дам более свободными и влиятельными при аристократическом дворе. Несмотря на то, что в историографии куртуазную любовь нередко интерпретируют как чисто литературный феномен, оторванный от реальности, это явление так или иначе транслирует ценности, идеалы и повседневность средневекового европейского общества.

Научный руководитель — канд. ист. наук С. О. Егоров

УДК 94

Образ Иоанна Грамматика в сочинениях византийских иконопочитателей (IX–XI вв.)

Р. О. Унагаев

Новосибирский государственный университет

Иоанн Грамматик — византийский религиозный деятель эпохи второго иконоборческого периода, занимавший престол Константинопольского патриарха с 837 по 843 годы. На его жизнь выпало как повторное обращение Церкви к иконоборчеству, так и Торжество православия. Так как многими византийскими авторами Иоанн Грамматик воспринимался как один из ключевых представителей иконоборческой партии, то его образ патриарха-иконоборца, сформировавшийся в текстах иконопочитателей, представляет большой интерес в контексте истории полемики по вопросу почитания икон.

Продолжатель Феофана в труде «Жизнеописания византийских царей» называет Иоанна человеком, не обученным ничему доброму, бесчестным, «учителем и наставником всего зла», и, конечно же, не почитающим иконы. Однако продолжатель Феофана позволяет себе выделить несколько положительных качеств Грамматика. К ним относятся гражданское благочестие, глубокий ум, необыкновенная ученость, а также умение вести полемику. Повествуя о том, как император Феофил отправил Иоанна к правителю Сирии, продолжатель Феофана напрямую не называет его хорошим дипломатом, однако само описание данных событий, выстроенное автором в виде описания различных действий Иоанна, оказывающих необходимый эффект, свидетельствует о том, что продолжатель Феофана все же оценил дипломатические способности Грамматика.

Нельзя обойти стороной и три послания Феодора Студита к Иоанну Грамматику, в которых Иоанн называется «мудрым во всем мужем» и «мудрейшим другом».

В трудах византийских авторов Иоанн Грамматик часто выступает в образе сильного полемиста, которого сложно переспорить. Однако именно для того чтобы разрушить сложившийся образ искусного спорщика, византийские авторы вводят в свои произведения эпизоды торжества представителей иконофильских воззрений над Иоанном в споре. Так, продолжатель Феофана упоминает спор Иоанна Грамматика с неким монахом, достигшим «вершин святости». В ходе спора Иоанн был «безмолвнее рыбы». В житие Константина Философа Иоанн Грамматик также оказался побежден в споре. В целом ряде произведений житийного жанра святые в споре одолевают его.

Продолжатель Феофана, Георгий Амартол, Лев Грамматик и ряд других авторов не раз упоминают способности Иоанна Грамматика в области колдовства и пророчества. Иоанн Грамматик удивляет пророческим даром сарацин, гадает вместе с императором Феофилом на блюде. Используя колдовство, он избавляется от трех вождей племени, разоряющего византийские территории. В подземном помещении, находящемся на территории, принадлежавшей его брату Арсавиру, Иоанн гадает по печени и блюду,

предается разврату, а также вызывает мертвых. Все это он делает при содействии демонов.

В некоторых произведениях Иоанна называют Ἰαννῆς. Продолжатель Феофана пишет, что назван так он был благочестивыми людьми за свое нечестие. Называя его так, византийские авторы ссылаются на второе послание к Тимофею апостола Павла, в котором Павел приводит не вошедшую в канон Ветхого Завета сцену спора Ианния и Иамврия с Моисеем. Про Ианния и Иамврия Павел пишет, что они были развращенные умом и невежды в вере, а их безумие обнаружилось перед всеми.

В трудах византийских авторов, придерживающихся иконопочитания, формируется лишь условно негативный образ Иоанна Грамматика. Так, авторы стараются акцентировать внимание на роли Иоанна в восстановлении иконоборчества, а также на его нечестии и связях с демонами. Однако за этим негативным образом можно увидеть и положительные качества Иоанна: ученость, глубокий ум, дипломатические и полемические навыки. Таким образом, даже в трудах критиков Иоанн Грамматик сохраняет образ видного интеллектуала эпохи.

Научный руководитель — канд. ист. наук С. О. Егоров

УДК 94(4)

К вопросу о денежном довольствии французской королевской армии и конвертации денежных единиц Французского королевства при Филиппе II Августе (1202–1216 гг.)

Е. Р. Урюмцев

Новосибирский государственный университет

Денежное довольствие с древнейших времен являлось основным средством обеспечения и стимулирования к выполнению обязанностей в военных структурах. Несмотря на постоянную эволюцию денег и армий разных стран, именно жалование продолжало быть главным стимулом для службы. Особое место в этой эволюции занимает эпоха Средневековья, когда армии в привычном понимании не существовало; население могло призываться на службу в экстренных случаях и на небольшой срок, а рыцари служили сеньору из «чувства чести». В связи с этим отсутствует и система жалования и его выдачи. Королевская власть старалась стандартизировать систему набора войск, сделав ее постоянной и в то же время зависимой от благосклонности короля и государевых финансов. При правлении короля Филиппа II Августа было положено начало стандартизации: окончательно сформировался институт бальи и прево, обязанностью которых был набор солдат от имени короля; оммажи отныне приносились непосредственно монарху; все денежные операции, связанные с оплатой услуг военных, начали заноситься в королевские описи. Изучение этих документов позволяет разобраться в обеспечении и численности королевских войск, а также проанализировать политические и военные действия короля Филиппа с точки зрения материальных возможностей французской короны.

До 1203 г. основной денежной системой королевства франков являлась парижская ливровая система. Самой крупной монетой был парижский ливр. Следующей по значимости монетой были парижские су. Один ливр равнялся двадцати су. Наименьшей монетой системы были парижские серебряные денье. В одном су было 12 денье или 240 денье. По самой приблизительной оценке один денье можно считать эквивалентным 372 российским рублям.

Таким образом, сложилась следующая система: 1 парижский ливр = 20 парижских су = 240 парижских денье (89 280 рублей); 1 парижский су = 12 парижских денье (4 464 рубля); 1 парижский денье (372 рубля).

В 1203 г. вышел ордонанс Филиппа II об официальном обращении в королевском домене новой системы — турского ливра. После 1203 г. началась постепенная замена турскими ливрами парижских, однако окончательно принять турецкую систему удалось лишь после 1230 г. Таким образом, в начале XIII в. обе денежные системы существовали параллельно.

Турская система выглядела следующим образом: 1 турецкий ливр = 20 турецких су (солей) или 240 турецких денье; 1 турецкий су = 12 турецких денье.

Согласно Общему счету доходов короля за 1202 г., жалование пешего сержанта составляло 12 денье в день, что соответствовало 240 денье или одному ливру в месяц. Срок службы королю устанавливался продолжительностью в три месяца. Кроме этого, оплачивалось содержание повозок со снаряжением. Стоимость службы одного сержанта составляла три ливра за три месяца (примерно 268 000 рублей), обслуживание повозки со снаряжением обходилось королевской казне в 13 ливров и 10 су за три месяца (1 205 000 рублей).

Сравним эти цифры с жалованием рыцаря. Один день рыцаря в войске оценивался в 120 денье (пол-ливра). Следовательно, в месяц он получал 15 ливров или 45 ливров за три месяца. Таким образом, служба рыцаря в приблизительном современном эквиваленте равнялась 1 340 000 рублей в месяц, или 4 020 000 рублей за три месяца. Король Филипп в битве при Бувине располагал 1 200 рыцарями, что было гигантской силой во всех отношениях.

Главным источником денежных средств для выплаты жалования были королевские налоговые сборы. Большая часть этих земель обязана была поставлять войска по феодалному праву. Однако некоторые крупные города, такие как Париж и Орлеан могли воспользоваться «правом выкупа». Они поставляли королю фиксированную денежную сумму, соответствующую стоимости их контингента. То есть если Орлеан должен был поставить королю для ведения службы 200 сержантов, то воспользовавшись «правом выкупа» город отправлял 600 ливров в королевскую казну. Так, только за 1202 г. с бальяжей Орлеана, д'Этампа, Парижа и Санлиса было получено 26 453 ливра. Этих денег хватало для оплаты службы восьмитысячного пехотного войска. Иногда «правом выкупа» могли пользоваться феодалы. Деньги появлялись также в результате войн, захвата пленников и т. д.

Таким образом, несмотря на огромные затраты, король Франции Филипп II Август мог позволить себе содержание большого войска и множества рыцарей. Складывающаяся бюрократическая система на службе короны значительно облегчала взаимодействие внутри системы, а жалование наконец определилось и стало фиксироваться в королевских документах. Подобные широкие возможности в достаточной мере определяли активную внешнюю политику Французского королевства начала XIII в., направленную на рост королевского домена и объединение территорий под рукой короля Франции.

Научный руководитель — д-р культурологии, д-р ист. наук Г. Г. Пиков

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

УДК 94(7/8)

Политический статус и права мигрантов категории Hispanics в США (2000–2015 гг.)

Д. С. Братухина

Новосибирский государственный университет

Hispanics — это собирательный термин, созданный в рамках официальной статистики США для удобства подсчетов и обобщений, определяющий людей из стран Латинской Америки, находившихся когда-то в зависимости от Испании. Несмотря на это, современные СМИ и научные институты используют термин Hispanics наравне с Latinos при описании массивного потока мигрантов, прибывающих в США из всех стран Латинской Америки. В данной работе территориальные рамки изучения были сужены до нескольких стран Центральной Америки (Сан-Сальвадор, Гватемала, Гондурас, Никарагуа) и Мексики. Этот выбор обоснован высоким уровнем миграции из этих государств, начиная с 1990-х гг.

В нашей работе поднимается проблема преобладания нелегальной миграции внутри этого потока мигрантов из Центральной Америки и Мексики. Охранительная иммиграционная политика США была ослаблена с 1960-х гг. после отмены нескольких категорий квот и увеличения общего потока легальных въездов. Нестабильная демографическая, климатическая и политическая ситуация в странах Центральной Америки и Мексике побудила тысячи граждан этих стран устремиться в США. Многие оставались на нелегальном положении, что автоматически понижало их статус в обществе.

Цель работы — ответить на вопрос: возможно ли мигрантам-Hispanics достичь такого же политического статуса и пользоваться такими же правами, как в стране эмиграции.

Для этого были выполнены следующие задачи. Во-первых, выявлены возможные способы получения легального статуса в США, во-вторых, определено количество мигрантов из Центральной Америки и Мексики, ежегодно получавших статус постоянных резидентов в начале XXI века. В рамках второй задачи также было определено различие между нелегалами, получившими легальный статус уже находясь в США, и теми, кто въезжает на легальных основаниях. В-третьих, рассмотрены электоральные характеристики мигрантов категории Hispanics, включившие в себя уровень политической активности Hispanics и их приоритеты при поддержке политических партий.

В США есть возможность получить статус постоянного резидента по шести категориям виз, наиболее используемой из них является «Виза близких родственников». Также популярной для мигрантов-Hispanics стала категория «Другое», в которую входит легализация статуса в связи с законодательными программами федеральной власти. При этом во время действия таких программ статус постоянного резидента получали

в основном те, кто уже находился какое-то время в США на нелегальном положении или был беженцем. Несмотря на это, исследование, проведенное Pew Research Centre, показало, что гражданство и, соответственно, право голоса имеют менее половины группы Hispanics, и только около 20 % пользуется этим правом.

Таким образом, в работе выявлено две тенденции. Легальный политический статус мигрантам группы Hispanics чаще всего предоставляют по причине близких родственных связей и по принимаемым законам США о легализации статусов. Подобная динамика показывает, что правительство США осведомлено о кризисе нелегальных мигрантов Hispanics и принимает меры для его разрешения. Вторая тенденция характеризуется пассивностью мигрантов группы Hispanics на политической арене, несмотря на то, что многие из них поддерживают политический курс Демократической партии США.

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94(4)

Критика «министерского деспотизма» накануне выборов в Генеральные штаты во Франции (1788–1789 гг.)

Г.П. Воротнев

Новосибирский государственный университет

Истоки Французской революции исследователи зачастую пытаются обнаружить в институциональных особенностях устройства общества Старого порядка. Среди главных причин революции отмечается явление, самими современниками обозначенное как «министерский деспотизм», т. е. заявка на чрезмерное, с их точки зрения, использование административных полномочий королевскими министрами, стремление правительства вмешиваться и регулировать различные стороны общественной жизни, противоречащие представлениям о так называемой неписанной конституции французского королевства.

Тема краха Старого порядка, связанного с началом Французской революции, традиционно является одной из актуальных. Предреволюционные памфлеты некоторых депутатов Генеральных штатов 1789 года позволяют узнать мнение образованной части французского общества о восприятии политики королевских министров во Франции в конце XVIII века. Эти памфлеты говорят языком тех, кого называют *alienated intellectuals* ('невостребованными интеллектуалами') [6] или просвещенной элитой [5]. Во время предвыборной кампании в Генеральные штаты 1789 года многие из них получили шанс высказаться и даже стать депутатами.

Среди наиболее активных деятелей предвыборной кампании можно выделить Ж. Ж. Мунье, П. В. Малуэ, А. Ф. Деландина и Л. А. д'Антрега. Впоследствии все они стали монархистами и отстаивали права королевской власти во время революции. В своих предреволюционных памфлетах будущие монархисты предлагали действия, на которые должны были быть направлены силы депутатов Генеральных штатов. Фигура короля для них во многом уже не являлась священной. Они спокойно разбирали положения монархического строя во Франции, сравнивая между собой деятельность последних Бурбонов. Тем не менее главным аргументом всех памфлетистов оставалась критика королевских министров. Тем самым авторы сознательно десакрализировали и образ короля.

Мунье, как ярый поклонник английской политической системы, критиковал королевских министров с той позиции, что они свободно назначались королем и не несли ни перед кем ответственности. Он пишет: «Если министры злоупотребляют королевской властью, то столкновение двух властей, правителя и представителей народа, неизбежно» [4], поэтому, с его точки зрения, необходимо создать двухпалатный парламент, который будет контролировать деятельность правительства. Рассуждения д'Антрега следуют схожей логике. По его мнению, «министры развращают короля» [1], однако с них нельзя иметь спроса, поскольку династия Капетингов в принципе деспотична. Для того

чтобы это изменить, необходимо вернуться в «естественное состояние», т. е. во времена Каролингов, когда имело место настоящее народное правление.

Мауэ утверждает: «...То, что вы называете Конституцией, господа, является основой произвольных налогов, которые содержат эту толпу министров-угнетателей» [3]. Таким образом, Мауэ подтверждает в своем произведении неконтролируемое налогообложение со стороны королевского правительства, подтверждаемое «неписанной» конституцией. Деландин в «Истории Генеральных штатов», критикуя деятельность министров, намекает на необходимость меритократической системы при замещении должностей. По его мнению, нынешние министры допускают ошибки, потому что не воплощают в себе образ истинного философа, который сможет обслуживать интересы народа [2].

Анализ нескольких памфлетов депутатов Генеральных штатов 1789 года во многом демонстрирует эрозию традиционных монархических представлений. Накануне Французской революции даже будущие монархисты шли на сознательную десакрализацию власти короля, резко отрицательно оценивая деятельность его министров. Тем не менее критика министров олицетворяла собой не столько негативное отношение к королевской власти, сколько усталость от действующих феодальных порядков. Если привести мнения будущих монархистов к общему знаменателю, то станет ясно, что критическое отношение к «министерскому деспотизму» подразумевало необходимость делегирования части властных полномочий представителям народа в лице Генеральных штатов.

1. d'Antraigues L.-A. Mémoire sur les États généraux, leurs droits et la manière de les convoquer. Avignon, 1788. 279 p.
2. Delandine A.-F. Des États-généraux, ou Histoire des assemblées nationales en France, des personnes qui les ont composées, de leur forme, de leur influence, et des objets qui y ont été particulièrement traités. Lyon, 1788. 313 p.
3. Malouët P.-V. Avis à la noblesse. Paris, 1788. 21 p.
4. Mounier J.-J. Nouvelles observations sur les Etats-Généraux. Paris, 1789. 282 p.
5. Бовыкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М., 2020. 465 с.
6. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / пер. О. Э. Гринберг. М.: «Искусство», 2001. 256 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Журавлев

УДК 94(4)

Влияние мажоритарной избирательной системы в Великобритании на представительство малых политических партий в палате общин

А. С. Гречман

Новосибирский государственный университет

Третья избирательная реформа 1884–1885 гг. в Великобритании аннулировала мандаты, получаемые по системе ограниченного голосования, вследствие чего в государстве закрепилась избирательная система относительного большинства с одномандатными округами, или First Past the Post (ФПТ), которая функционирует при выборах в Парламент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (далее — парламент) по сей день [1].

Мажоритарная избирательная система в сравнении с пропорциональной имеет как преимущества, так и недостатки, но на небольших и/или молодых партиях она сказывается скорее отрицательно: они зачастую получают куда меньше мест, чем должны получить исходя из процентного соотношения (исключением могут быть так называемые этнические партии). В данной работе будут представлены причины такого явления и их анализ.

К малым политическим партиям мы относим те партии, которые после выборов в парламент либо не получили в нем мест, но получили минимум 0,3 % голосов, либо получили не более 23 мест.

Будут рассмотрены хронологические рамки 1974–2019 гг. Начальная дата связана с тем, что именно с этого времени некрупные политические партии суммарно получают не менее 3 % голосов (исключением является 1987 г., когда суммарно было набрано лишь 2,6 %; до 1974 г. 3 % и более набиралось редко — только в 1918, 1922 и 1945 гг., когда некрупные партии получили суммарно 14,9, 3 и 3,2 % голосов соответственно) [2], а также не менее 12 мест в парламенте (до 1974 г. показатель полученных мест в 12 и более единиц был лишь в 1918, 1922, 1924 и 1945 гг.: 105, 14, 12 и 25 мест соответственно) [3]. Приведенные показатели не учитывают партию Уэльса (Plaid Cymru) и Шотландскую национальную партию (Scottish National Party).

Также важно понимать, что даже 0,3 % голосов — это очень большое количество людей: например, в 2019 г. из 47 568 611 человек, имеющих право голоса в Великобритании, всего проголосовало 67,3 %, т. е. было отдано около 32,01 млн голосов [4]. Партия, получившая 0,3 % голосов в этом году, имеет электорат размером в 96 тыс. человек, а 2 % — 644 тыс. человек, и это лишь явный электорат. Кроме этого, есть люди, поддерживающие определенную партию или сочувствующие ей, при этом пока не готовые отдать за нее голос. Так, партия БНП (British National Party), на первый план выставляющая борьбу с иммиграцией, в 2005 г. получила лишь 0,7 % голосов [5], но опросы в 2004 г. показали, что при ответе на вопрос «Могут ли респонденты (в принципе) проголосовать за БНП» положительно высказалось 17,9 % респондентов, голо-

совавших за Консервативную партию (14,5 %), Лейбористскую партию (15,2 %), Либерально-демократическую партию (11,6 %), ПНСК (26,9 %), Партию зеленых (26,6 %) и БНП (94, 4%) [6].

Таким образом, важно понимать, что не крупные партии хоть и не получают много мест в парламенте, но могут отражать настроения в обществе, и на это необходимо обращать внимание.

1. ACE Electoral Knowledge Network [Электронный ресурс]. URL: https://aceproject.org/ace-ru/topics/es/esy/esy_uk (дата обращения: 09.02.2022).
2. UK Election Statistics: 1918-2021: A Century of Elections [Электронный ресурс]. URL: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7529/CBP-7529.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).
3. Ibid. (дата обращения: 09.02.2022).
4. BBC. Election 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/election/2019/results#orb-banner> (дата обращения: 09.02.2022)
5. UK Political Info. 2005 General election results [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ukpolitical.info/ResultsFull105.htm> (дата обращения: 09.02.2022).
6. Кондратьева Т. С. Британская национальная партия и проблема иммиграции // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 4. С. 141–142.

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94(7/8)

Полицейский произвол в отношении афроамериканцев в преломлении американского общественного мнения

Д. А. Джайлаганов

Новосибирский государственный университет

Несмотря на то, что в прошлом власти США прилагали массу усилий для борьбы с расовым неравенством, расизм и дискриминация сохраняются в американском обществе, в том числе в период нахождения у власти Б. Обамы. Выражается это в том, что человека могут не принять на работу, задерживать ему зарплату, третировать лишь по расовому признаку. Это порождает неравенство между представителями белых американцев и афроамериканцев. Вследствие этого президент Обама и его Администрация наряду с внешнеполитическими и экономическими проблемами ставили своей целью решение расовой проблемы в США. Однако даже сейчас невозможно минимизировать центрированность расы во всех сферах американской жизни.

Проблема расизма сохраняет свою актуальность в американском обществе, несмотря на меры, направленные на ее решение. Любой поступок, даже самый невинный, приходится совершать с оглядкой на то, нельзя ли будет истолковать его как преступление на почве расовой ненависти.

Так, в результате общенационального опроса, проведенного CNN и фондом семьи Кайзер в октябре 2015 г., выяснилось, что почти половина американцев (49 %) считают, что «расизм — это большая проблема общества на сегодняшний день» (для сравнения — в 2011 г. так ответили 28 %).

Согласно исследователю Джеффри М. Джонсу из института Гэллапа, анализ этих опросов подчеркивает, насколько реже афроамериканцы выражают доверие полиции, чем белые или латиноамериканцы. Также городские афроамериканцы существенно реже говорят о том, что они доверяют полиции, чем афроамериканцы не из городской среды. Афроамериканцы, живущие в наиболее урбанизированных районах, менее склонны доверять полиции (26 %), чем живущие в менее урбанизированных краях (38 %) [2].

Стоит отметить, что г. Фергюсон, штат Миссури, охватила волна протестов и демонстраций в США 11 августа 2014 г., вызванная убийством при попытке задержания 18-летнего Майкла Брауна. После этого коллегия присяжных, проведя несколько заседаний, решила не предавать полицейского уголовному суду из-за отсутствия доказательств. Расследование проводила местная полиция и ФБР.

Президент Обама после ноябрьских беспорядков 2014 г. в Фергюсоне сказал, что расизм — «это что-то, что глубоко укоренилось в нашем обществе, в нашей истории». Он также отметил, что имея дело с такими вещами, как расизм или предвзятость, нужно быть максимально бдительным, однако это может занять определенное время, и нужно быть устойчивым и не сдаваться. Также Барак Обама встретился в Белом доме с моло-

дыми активистами гражданских прав, которые протестовали из-за убийства полицейским безоружного подростка в Фергюсоне в августе 2014 г. [1].

В целом проблема притеснения полицейскими афроамериканцами уже давно циркулировала в научных и политических кругах, и причина этого кроется в том, что в Америке долгое время господствовали идеи расового неравенства и дискриминации. Стоит также отметить, что в пенитенциарных учреждениях США число американцев с темным цветом кожи непропорционально больше, чем заключенных других расово-этнических групп. Причина в том, что афроамериканцы чаще всего проживают в социально неблагополучных районах американских городов, а потому не защищены от превышения полномочий сотрудниками полиции.

Стало очевидно, что расовая проблема в социальной среде носит ярко выраженный характер: устраивались протесты, демонстрации, различные акции и манифестации в поддержку пострадавших от рук полицейских или судебного произвола, а также за прекращение убийств афроамериканцев полицией. Все это каждый раз вызывало резонанс и, как мы видим, с каждым годом, с каждым убийством, с каждым оправданием убийц все больше граждан США полагают, что расовая проблема с 1950–1960-х гг. является одной из наиболее важных проблем во внутренней политике США. Складывается впечатление, будто Барак Обама действительно не замечал этого социального напряжения и опасности межрасовых столкновений, что в итоге вылилось в убийства афроамериканцев, несанкционированные аресты и акты мщения со стороны афроамериканского населения США, апогеем которых стали события 8 июля 2016 г.

1. Obama: Racism 'deeply rooted' in U. S. [Электронный ресурс] The Washington Times, 2014. December 7. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2014/dec/7/obama-racism-deeply-rooted-in-us/>
2. Jones J. M. Urban Blacks in U. S. Have Little Confidence in Police by [Электронный ресурс] Gallup, 2014. December 8. URL: http://www.gallup.com/poll/179909/urban-blacks-little-confidence-police.aspx?g_source=racism&g_medium=search&g_campaign=tiles

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94 (4/9)

Партия Die Linke в ФРГ: особенности трансформации

Т. А. Котова

Новосибирский государственный университет

В современном обществе, когда установилась ситуация расщепления свойственных XX веку массовых политико-идеологических движений, представляющие законодательную систему учреждения становятся все более пестрыми в своем партийном разнообразии. Эпоха господства нескольких крупных партий уходит. На смену ей приходит время представительства широкого партийного спектра, каждая часть которого занимает определенную идеологическую и социальную нишу. Несмотря на такие крупные и долго существующие партии, как СДПГ и ХДС/ХСС в Германии, партии Лейбористов и Консерваторов в Англии и т. д., в парламенты стран попадает все больше количество партий, длительность существования которых не превышает 10–15 лет. Эти новые партии зачастую представляют собой осколки более крупных существовавших ранее партий. В этом смысле показательна история «Левой партии» (Die Linke), которая была учреждена благодаря союзу выходцев из СЕПГ и левой части СДПГ. Благодаря умелому руководству партия Die Linke сумела утвердиться в качестве левой силы на территории Германии. Однако ее корни лежат глубоко в истории ГДР.

История партии берет свое начало на рубеже 1918–1919 годов, когда радикальные левые группы основали КПГ для создания в Германии подобия советской республики. Но после того как к власти пришли нацисты, руководству партии пришлось эмигрировать в Москву, откуда они вернулись лишь в 1945 году, чтобы основать новую, превосходящую по влиянию все ранее существовавшие в Германии партии — «Социалистическую единую партию Германии». Она была учреждена в 1946 году в Берлине в результате объединения восточногерманской части СДПГ и КПГ. СЕПГ правила ГДР в течение сорока лет, и только поворотный момент в истории страны осенью 1989 года, выразившийся в массовых протестах, привел к отстранению СЕПГ от власти.

После потери статуса правящей государственной партии, руководство приняло решение не только о выдвигании новой программы, но и о переименовании партии в «Социалистическую единую партию Германии — партия демократического социализма» (СЕПГ-ПДС). В феврале 1990 года название сократили до «Партии демократического социализма» (ПДС).

С этого момента начинается непростой период в истории партии, которая существовала де-факто как региональная партия Восточной Германии с 1989/1990 по 2007 г. Несмотря на отказ от марксистско-ленинской идеологии, которая являлась центральной догмой СЕПГ, она продолжала существовать как левая социалистическая партия, и даже заимствовала партийную систему у своей предшественницы без каких-либо серьезных изменений, что показывает ее преемственный характер. Благодаря этой преемственности ПДС быстро добилась признания на востоке страны, собрав вокруг себя

весть старый электорат СЕПГ. Однако этого нельзя сказать о западных землях, где ПДС воспринималась зачастую негативно.

Крайне неудачным для партии стал 2002 год. ПДС не смогла преодолеть пятипроцентный порог и была представлена только двумя напрямую избранными депутатами. Это послужило толчком для нового витка развития партии.

Большой удачей для ПДС обернулся уход из СДПГ одного из ее лидеров — Оскара Лафонтена, который в знак протеста против новых экономических реформ не только покинул СДПГ, но и вступил в недавно созданную протестную партию «Труд и социальная справедливость — избирательная альтернатива» (WASG). ПДС удалось достигнуть соглашения с руководством WASG и объединить две партии, что повлекло за собой не только новое переименование (Linkspartei.PDS), но и объединение партийных списков. Таким образом, Кандидаты WASG могли попасть в Бундестаг благодаря спискам Linkspartei.PDS, в то время как ПДС достигла своей основной цели — закрепиться в западных землях. После того как новое объединение партии заняло твердую позицию на немецкой политической арене, в 2007 году партия вновь переименовалась и взяла название Die Linke.

Таким образом, благодаря своей богатой истории Die Linke объединяет совершенно разные политические движения и традиции. Партия видит свой уникальный шанс в том, чтобы построить новое общегерманское левое движение на основе разнообразного опыта как восточных, так и западных немцев.

Развитие от КППГ к СЕПГ, а затем к «Левой партии» и сегодня отражается в высокой степени организационной, кадровой и идеологической преемственности. Несмотря на трудности, Die Linke смогла продолжить существование в объединенной Федеративной Республике как неортодоксальная, но все же в значительной степени коммунистическая партия, и стала одной из ведущих оппозиционных партий.

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94(7/8)

От американского рабства к «позитивным действиям» — из травмы в травму?

Д. А. Луханин

Новосибирский государственный университет

История во многом творится людьми: вершится доблестью и пятнается пороками, а вслед за этим ваяется человечеством в словах и символах. Но она же обтачивает личность, порой становясь сваями фундамента мировосприятия. Две плоскости одного оборота. Виток за витком тянутся итерации поколенческой саморепродукции. История психологична.

Индивидуум за жизнь, скорее всего, физически ранится не единожды. Однако существует иной тип потрясений — ментальный, сопряженный с психикой. Иначе говоря, комплекс *trauma studies* подобные индивидуальные сценарии экстраполирует на тело общественного организма — исследуются коллективные травмы, называемые также в зависимости от оптической ориентации культурными или историческими. Из их числа наиболее ярко традиционно выделяется Холокост, хотя, конечно, существуют и другие.

Справедливо ли опыт рабства в США определять как коллективную травму? Так, реперная точка, поставленная С. Ушакиным, обозначает две ключевых позиции в интерпретации конструкта: событие-катаклизм, радикально переменявшее привычное мироустройство, и процесс-следствие такого события, продолжительно отзывающийся в матрице исторической памяти. Этот контекст придает проблеме рабства промежуточное положение. Более того, нельзя точно выяснить, считали ли рабы свое состояние катастрофическим вовсе. К тому же и сам американский кейс не стал прецедентом, оставившим след на полотне истории обуглившимся ожогом. Несмотря на это, казусу присущи некоторые немаловажные эксплицитные «свойства» коллективных травм, позволяющие допустить однозначный, хотя и безусловно относительный вывод:

- понятие нарративного фетишизма Э. Сантнера — явления примитивизации пережитого в однозначных образах, к примеру, в фильмах вместо полноценной интеллектуальной рефлексии;
- построение вокруг исторического ядра замкнутой миноритарной идентичности и фетишизация нарратива — чрезмерная фиксация на произошедшем и возведение его в культ;
- дальнейшая непрерывная трансляция опыта через вторичные источники, отдельно описанная А. Эткингом;
- концепт Д. Александера о «воображаемости» травмы — ситуации повсеместного принятия случившегося собственно травмой и единение для несения социальной ответственности за нее.

Последнее особо примечательно: краеугольным аргументом в вопросе выполнения «позитивных действий» было стремление реабилитировать и интегрировать угнетен-

ных в общество и государство, возмещая прежние утраты. Здесь возможно провести ось от рабства к affirmative action, основанная не только на переменчивой политической практике, а на последовательных мысленных доводах.

История решительно психологична. В масштабе одного человека травмирующий инцидент нередко влечет за собой деструктивную фазу гиперкомпенсации испытанного. Вечное возвращение. Ввиду многоукладности, эффекты воздействия подобного посттравматического состояния на общество видятся гораздо более пагубными, и еще более пагубными, когда политики начинают выдавать одну за одной программные инициативы, моделировать социум и конструировать реальность. Именно формой гиперкомпенсации наследия рабства представляется нам политика позитивной дискриминации, которой свойственны ресентимент, дезорганизация, Oppression Olympics, mismatch. Она становится не только камнем преткновения в конфликтах внутри неслучившегося мира всеобщего благосостояния, но и вполне осязаемым барьером и для самих меньшинственных групп.

Из травмы в травму?

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94

**Образ Ангелы Меркель в германских и иностранных СМИ
в период предвыборных кампаний 2005 и 2009 гг.**

Д. А. Лях

Новосибирский государственный университет

СМИ достаточно давно приобрели статус «четвертой власти» и играют немаловажную роль в глобальной политике. Образ политика, который создается преимущественно именно прессой, — это то, как его в дальнейшем воспримут избиратели. Именно поэтому роль СМИ в период предвыборных кампаний очень сложно переоценить. Особенно для создания образа кандидата на видный политический пост, который участвует в предвыборной гонке не впервые. Такой фигурой является Ангела Меркель — первая женщина-канцлер ФРГ, занимавшая этот пост в течение 16 лет. Впервые она избиралась на эту должность в 2005 г., чем вызвала весьма неоднородную реакцию в прессе (как германской, так и иностранной). В настоящей работе в качестве источников взяты авторитетные публикации германских и иностранных СМИ.

Официально вступив в предвыборную гонку за пост канцлера ФРГ в конце мая 2005 г., Ангела Меркель взбудоражила общественность своим намерением стать первой женщиной — лидером Германии. В местной и иностранной прессе преваляли заявления о намерении ее будущего кабинета провести экономические реформы. Самый острый вопрос — безработица в стране, которая в 2005 г. достигала рекордных показателей со времен Третьего рейха: 5 млн человек [1] или 12 %. Кроме этого, А. Меркель заявила себя как «борца за социальную рыночную экономику» [2]. В том числе благодаря акценту в предвыборной программе на экономические реформы, а также благодаря тому, что впервые среди кандидатов на пост канцлера ФРГ появилась женщина, многие СМИ объявили ее «немецкой Маргарет Тэтчер». Сама Ангела Меркель избегала такого сравнения, о чем заявила в интервью *The Wall Street Journal* (США) от 14 июня 2005 г.

Однако Ангела Меркель на тот момент была «темной» политической фигурой, за счет чего мнение общественности, которое транслировалось в том числе через СМИ, было достаточно неоднозначным. Как писали в *Berliner Zeitung*: «Меркель нелегко идентифицировать; трудно понять, чего она хочет» [3]. Вокруг Меркель создается образ «норяшливого, лишённого харизмы», но при этом «умного, жесткого и пронизательного» политика».

Спустя четыре года, в 2009 г., проходят следующие выборы. К этому времени Ангела Меркель избавляется от образа «девочки Коля» и получает другое прозвище — *Mutti* («матушка»). Предвыборная кампания 2009 г. не была для Ангелы Меркель такой же насыщенной, как кампания 2005 г. По данным социальных опросов, проведенных разными германскими изданиями, было ясно, что на фоне мирового экономического кризиса немцы не склонны менять власть. В прессе, в том числе иностранной, звучат заявления о том, что переизбрание А. Меркель на пост канцлера ФРГ несомненно. Интрига вы-

боров заключалась не в том, сменит ли кто-либо Ангелу Меркель на ее посту, а в том, с кем она будет править, так как большая коалиция ХДС/ХСС и СДПГ была, по мнению избирателей, уже несостоятельна. Само участие в предвыборной гонке со стороны Ангелы Меркель было пассивным, что провоцировало СМИ на написание критических статей в ее адрес (например, статья *Someone Tell Merkel the Campaign Has Started* в *Der Spiegel*). В конце концов прогнозы по поводу несомненного переизбрания Ангелы Меркель сбылись, и она заняла пост канцлера еще на четыре года.

Таким образом, мы имеем две «канцлеровских» предвыборных кампании Ангелы Меркель. В первой она была сильно выделяющимся по многим факторам новичком, непредсказуемым для своих коллег; во второй — более опытным политиком, от которого уже примерно известно, что ожидать.

Можно ли говорить в обоих случаях об отсутствии альтернативы? В 2005 г. еще существовал определенный скептицизм в отношении А. Меркель, прежде всего из-за того, что она женщина, и как политик лишена определенной харизмы, чрезмерна педантична. Но этот же скептицизм подогревал интерес к ее кандидатуре, что немаловажно во время политической гонки, а иногда оказывается решающим фактором. В 2009 г. становится наиболее явно, что лучшего кандидата, чем Ангела Меркель, нет. С самого начала предвыборной кампании, несмотря на критику ее действий, пресса пишет о том, что переизбрание неизбежно. Прежде всего, анализируя две предвыборные кампании, можно наблюдать рост Ангелы Меркель как политика в восприятии обычных немцев и иностранцев, что зачастую транслировалось в зарубежных СМИ. Всего за четыре года она из «девочки» становится для немцев «матушкой». И пресса сыграла не последнюю роль в данном преображении.

1. Merkel pledges to win back voters' trust by Tony Paterson in Dortmund. Independent. 29.08.2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.independent.co.uk/incoming/merkel-pledges-to-win-back-voters-trust-308780.html> (дата обращения: 08.02.2022)
2. Ангела Меркель: Мы хотим, чтобы Германия вышла из глобализации одним из победителей. The Wall Street Journal. 14.07.2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20050714/220958.html> (дата обращения: 08.02.2022)
3. Early vote puts Merkel in spotlight. The New York Times. 28.05.2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2005/05/28/world/europe/early-vote-puts-merkel-in-spotlight.html> (дата обращения: 08.02.2022)

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94(4)

**«Деизм» и «атеизм»: восприятие терминов
в Англии на рубеже XVII–XVIII столетий**

Е. М. Медведева

Новосибирский государственный университет

Реконструкция прошлого возможна благодаря восстановлению значений используемых понятий. Так, в контексте религиозной обстановки в Англии рубежа XVII–XVIII вв. фигурируют термины «атеизм» и «деизм», однако они неоднозначны и вызывают путаницу.

В сочинениях философов эти термины зачастую употребляются в одном ряду, через запятую. Может сложиться впечатление, что их определения синонимичны. А. Яковлев пишет, что в 1690-х гг. под деизмом мог пониматься «и атеизм, и эпикуреизм, и даже теизм» [8]. Изначально отношение к деистам было сугубо негативным: они противопоставлялись «религиозным» людям — приравнивались к атеистам, лишь с той оговоркой, что существование Бога ими не отрицалось. Опираясь на словарь С. Джонсона (1709–1784), изданный в середине XVIII века, можно подтвердить это отличие. Атеизм — это «неверие (disbelief) в Бога», деизм — это «мнение тех, кто признает некоего Бога, без принятия какой-либо богооткровенной религии» [1]. В одной из своих работ священнослужитель Р. Бёртон (1577–1640) излагал мысли о «религиозной меланхолии», которая охватила Англию [7]. Здесь деисты вновь приравнивались к атеистам (по мнению Бёртона, деисты как бы создавали вокруг себя иллюзию добродетели и отрицали Бога косвенно).

Деизм некоторое время ассоциировался с атеизмом во многом потому, что существовало представление о безнравственности атеистов, об отсутствии у них добродетели (которая могла быть присуща лишь религиозным людям). Деизм, создававший угрозу ортодоксальным представлениям, было логично соотнести именно с этим популярным мнением, которое должно было дискредитировать это мировоззрение. Дж. Локк в «Послании о веротерпимости» писал, что «те, кто не признает существование божества, не имеют право на терпимость», так как для них «ни верность слову, ни договоры, ни клятвы, т. е. все, на чем держится человеческое общество, не могут быть чем-то обязательным и священным» [2]. Р. Стил (1672–1729) видел в атеистах и деистах угрозу не только ортодоксальным догматам, но и конституционному строю Англии [5].

Однако постепенно представление о взаимосвязи религиозности и добродетели изменялось. П. Бейль (1647–1706) доказывал возможность «существования общества, состоящего из одних только атеистов», «человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство» [6]. Шефтсбери (1671–1713) в сочинении «Опыт о добродетели и достоинстве» вслед за Бейлем рассуждает о взаимосвязи добродетели и религии. Он уверенно опровергает суждение о зависимости этих двух категорий. Люди, стремящиеся убедить всех в своей религиозности, могут оказаться «порочными», в то время как

признанные атеисты будут вести себя нравственно и действовать с «благими намерениями» [4].

Дж. Толанд (1670–1722) в сочинении «Христианство без тайн (mysterious)» пишет: «Именно противоречия и тайны... вынуждают людей становиться деистами и атеистами» [3]. Он также замечает, что церковь должна быть посвящена Богу, «а не какой-либо группе людей или направлению в политике». Толанда традиционно причисляют к деистам. Его последнее суждение подтверждает гипотезу, что одно из главных отличий атеистов от деистов в том, что первые отрицали Бога, последние же — Церковь как институт со всеми его ритуалами и канонами. Парадоксально, но именно это «отрицание» частично сформировало схожий образ двух явлений.

Несмотря на попытки поставить деизм в один ряд с атеизмом, сформировать негативный образ этого течения, существовала заметная качественная разница между двумя явлениями. Атеизм воспринимался как отрицание Бога, религии в целом. Деизм, наоборот, характеризовался верой в Бога, однако абстрактного, не персонализированного. Деисты были критически настроены по отношению к Церкви как институту, тайнам, суевериям, чудесам. Они выступали за рациональность и опору на разум. К тому же деизм стоит относить, скорее, к религиозной философии, что отличает его от других течений религиозного характера рубежа XVII–XVIII вв.

1. Johnson S. A dictionary of the English language. 3rd ed. 1768.
2. Локк Дж. Послание о веротерпимости / Локк Дж. Сочинения. В 3 т. М., 1988. Т. 3. 668 с.
3. Толанд Дж. Христианство без тайн // Английское свободомыслие: Дж. Локк, Дж. Толанд, А. Коллинз. М., 1981. 302 с.
4. Шефтсбери. Эстетические опыты / сост., пер., коммент. Ал. В. Михайлова, общ. ред. М. Ф. Овсянников. М.: Искусство. 1974. 543 с.
5. Лабутина Т. Л., Ильин Д. В. Английское просвещение: общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 304 с.
6. Мееровский Б. В. Джон Толанд. М.: Мысль, 1979. 190 с.
7. Поляков А. А. Деисты и деизм в зеркале европейской религии и культуры XVI–XVIII веков // Вестник ПСТГУ, Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. Вып. 85. С. 122–133.
8. Яковлев А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: изд. Института Гайдара, 2013. 432 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Журавлев

УДК 94

Основные направления обоснования королевской прерогативы в период правления первых Стюартов в Англии

Г. В. Оглоблин

Новосибирский государственный университет

В 1603 г. на престол Англии взошел Яков I Стюарт. Период правления Якова I и его сына Карла I ознаменовался значимыми событиями в политической жизни Британии. Стремление к расширению прерогативы королевской власти и правлению страной без оглядки на парламент опиралось на ряд теоретических представлений о супрематии королевской власти и обязанности подданных безукоризненно следовать воле монарха. Эти представления, сформулированные мыслителями раннего Нового времени, стали фундаментом обоснования королевской прерогативы.

Одним из таких направлений было представление о божественной природе королевской власти. Монарх — наместник Бога на земле, земное воплощение небесной божественной власти. Король подотчетен только Богу, и только Бог является источником власти монарха. В основе аргументации этого направления лежит Священное Писание. Использование Библии для аргументации прерогативы королевской власти можно увидеть в трудах англиканских богословов [1]. К ней же апеллировал в своих сочинениях сам Яков I [2].

Другим немаловажным направлением обоснования королевской прерогативы было патриархальное с опорой на естественно-правовые аргументы. Оно было разработано Р. Филмером (1588–1653), совместившим в своем труде *Patriarcha, or the natural power of Kings* характерные для того времени представления о власти отца над своими домашними с естественно-правовыми теориями [3]. Так, согласно данному образу мышления, естественным состоянием человека было подчинение. Из подчинения детей своим родителям и возникли государства, а власть короля над подданными суть власть отца над своим семейством [4].

В качестве следующего направления обоснования прерогативы короны можно выделить историко-правовое. Его суть заключается в использовании в системе аргументации отсылок к истории английского государства, различным правовым актам и прецедентам. Это направление активно использовалось правоведами, например для обоснования законности тех или иных непопулярных королевских решений [5]. Важный вклад в развитие данного направления внес Г. Спелман (1562–1641). Его исследования средневековых английских религиозных и юридических актов привело к отрицанию идеи существования парламента с незапамятных времен, а также к очень вескому аргументу о том, что Англия некогда была государством, главенствующую роль в котором играли именно решения короны [6].

Помимо всего прочего, стоит также выделить направление, основанное на идее суверенитета королевской власти. Согласно этой доктрине в обществе и государстве для их

длительного выживания должна существовать единая и неделимая неограниченная верховная власть, сосредоточенная в руках суверена. Данная концепция имела особую популярность в период правления Якова I и активно использовалась такими мыслителями, как Р. Болтон (1572–1631) [7].

Таким образом, можно отметить, что в Англии периода правления первых Стюартов существовала достаточно разветвленная система аргументации королевской прерогативы. «Авторами-абсолютистами» применялись самые разнообразные способы подтверждения своей позиции. Подобное идейное разнообразие ясно показывает, что в Англии рассматриваемого периода не существовало сколько-нибудь единой системы обоснования прерогатив короны, основанной на единой политической доктрине, а условно-«проабсолютистский» лагерь не обладал единством в идеологическом плане.

1. Maynwaring R. Religion and alegiance [sic] in two sermons preached before the Kings Majesty, the one on the fourth of July, anno 1627. at Oatlands, the other on the 29. of July the same year, at Alderton. London: Printed by I. H. for Richard Badger, 1627. P. 8.
2. The Political Works of James I: Reprinted from the Edition of 1616 with an introduction by Charles Howard McIlwain. New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd, 2002. P. 54.
3. Журавлев А. В. Особенности абсолютистской доктрины в «Патриархе» Роберта Фильмера // Научный диалог. 2017. № 7. 105 с.
4. Filmer R. Patriarcha, or, the natural power of Kings by the learned Sir Robert Filmer, Baronet. London: Walter Davis, 1680. Pp. 11–12.
5. Davies J. The question concerning impositions, tonnage, poundage, prizage, customs, &c. Fully stated and argued, from reason, law, and policy dedicated to King James in the latter end of his reign. London: Printed by S. G. for H. Twyford in Vine-Court Middle-Temple, and Rich: Marriot, under the Dyall in Saint Dunstans Church-yard, 1656.
6. Pocock J. G. A. The ancient constitution and the feudal law: a study of English historical thought in the seventeenth century. Cambridge: Cambridge University Press. 1987. P. 111.
7. Burns J. H., Goldie M. The Cambridge History of Political Thought 1450 — 1700. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. Pp. 350–352.

Научный руководитель — канд. ист. наук А. В. Журавлев

УДК 94

Ежегодное послание Президента США Конгрессу на примере посланий 2012 и 2016 гг.

А.И. Свирепов

Новосибирский государственный университет

Традиция ежегодных посланий президента появилась в 1790 году, ее основателем был Джордж Вашингтон. К посланию президента США всегда приковано внимание политиков, экспертов, СМИ и широкой аудитории. В нем глава государства говорит о приоритетах внутренней и внешней политики, законодательных инициативах, дает оценку положения дел в стране на текущий момент и ставит цели для будущего развития.

Большая часть президентского послания 2012 года была посвящена экономическим вопросам [1]. Основной акцент делался на том, что необходимы правила, единые для всех игроков рынка. Барак Обама возлагает ответственность за кризис 2008–2009 гг. на Уолл-стрит и заявляет о том, что деньги налогоплательщиков на спасение банков в случае подобной рецессии выделяться не будут. К тому же говорилось о необходимости создания справедливой системы налогообложения. Подобная риторика связана как с мировым финансовым кризисом и политической программой Обамы, так и с тем, что вопросы экономического неравенства обострились в 2011 году из-за движения «Захвати Уолл-стрит». При этом Обама отметил восстановление автомобильной промышленности и заявил, что необходимо переносить производство в США. Также Обама отметил увеличение американского экспорта, а вместе с тем упрекнул Китай в том, что он не играет по правилам — ворует технологии. В связи с этим президент анонсировал создание отдела, который будет следить за соблюдением правил торговли.

Второй по важности темой этого послания, к которой также Обама не раз возвращался, были операции США на Ближнем Востоке. Здесь тон послания был в целом позитивным. Было сказано об операции по ликвидации Усамы бен Ладена, которой ознаменовался 2011 год. Барак Обама заявил, что необходимо сворачивать военную операцию в Афганистане и отдавать полномочия по безопасности местным структурам подобно тому, как до этого были выведены войска из Ирака. Также Обама заявил, что США любой ценой помешают созданию ядерного оружия Ираном. В связи с событиями «арабской весны» Барак Обама сообщил, что США будет выступать за демократию и свободные рынки в регионе. В целом международная повестка послания ограничилась политикой на Ближнем Востоке.

Также важной темой этого послания стала энергетика. Обама отметил рекордную добычу нефти, а также уменьшение зависимости США от иностранной нефти. Однако запасов все равно недостаточно, поэтому необходимо увеличивать добычу газа, в том числе сланцевого. Особое место было уделено «чистой» энергетике, говорилось об удвоении использования возобновляемых источников энергии.

Президентское послание 2016 года было последним в президентстве Б. Обамы, поэтому основное внимание уделялось видению будущего и подведению итогов [2]. Многие темы совпадали с темами 2012 года, экономические проблемы сохранили свою значимость, но отошли на второй план, так как кризис 2008 года ушел еще дальше в прошлое, и теперь они не стояли так остро. Вновь была упомянута энергетическая тема. Больше внимания было уделено социальным гарантиям государства, в частности, необходимости системы страхования заработной платы, различным пособиям, а также, вероятно, одной из важнейших реформ за время правления Обамы — закону о доступном медицинском обслуживании.

Однако международная повестка отличалась от послания 2012 года. Барак Обама признал в Москве и Пекине конкурентов США, однако, по его мнению, наибольшая опасность исходит от несостоятельных государств. Здесь Обама обращается к проблемам Ближнего Востока, прежде всего к борьбе с терроризмом. Он считает, что лидерство в мире для США не должно означать игнорирование остального мира, и выступает за международное сотрудничество в решении глобальных проблем. В качестве примеров такого сотрудничества он приводит Транстихоокеанское партнерство, операции коалиции в Сирии, усилия международной дипломатии по давлению на Иран с целью заставить его свернуть ядерную программу, совместная борьба с распространением Эболы, восстановление дипотношений с Кубой. Он считает, что США не должны забывать уроки Вьетнама и Ирака и пытаться вторгнуться в каждую страну, сползающую в кризис — это ослабляет США.

Таким образом, можно отметить, что в 2012 и 2016 годах сохранили свою актуальность тема борьбы с неравенством, хотя она и не стояла так остро, и диверсификации энергетического сектора. Кроме того, в 2016 году особое внимание было уделено социальным гарантиям государства. Международная обстановка стала сложнее, поэтому если в 2012 году говорилось только о Ближнем Востоке, то в 2016 году внешнеполитическая повестка оказалась намного разнообразнее.

1. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2012.htm> (дата обращения: 04.02.2021).

2. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2016.htm> (дата обращения: 05.02.2021).

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

УДК 94

Equal Rights Amendment: 99 лет истории ратификации поправки о равных правах

Е. И. Стегниенко

Новосибирский государственный университет

Один из наиболее важных аспектов исторического и социально-культурного развития человечества — права человека и их генезис. Особое место в этом вопросе занимает проблема равноправия женщин в обществе. Важную роль в достижении равноправия женщин сыграл феминизм как идеология и социально-политическое движение, в значительной степени определившее логику мирового развития начиная с конца 1960-х — начала 1970-х гг.

В США борьба женщин за равноправие переживала периоды подъема и спада. Изучение истории появления и длительной ратификации поправки Equal Rights Amendment позволяет ознакомиться с основными действующими лицами этой борьбы и оценить то, с каких ракурсов вопрос равноправия поднимался в разные периоды истории США. Исследование можно разделить на несколько смысловых блоков: 1) появление поправки и быстрое угасание интереса к ней (1920-е), 2) интерес к поправке в период подъема второй волны фем-движения (1960-е — начало 1970-х), 3) ратификация в XX веке (1972–1977), 4) обращение к поправке в XXI веке (2017–2022).

История поправки Equal Rights Amendment отражает политические настроения в стране и эволюцию феминистского движения. Цель исследования — формирование хронологии принятия Equal Rights Amendment с учетом аргументов сторонников за и против ее внесения в основной закон. Задачи исследования:

оценить степень влияния поправки на общественное мнение;

выявить роль женских и феминистских движений в процессе ратификации поправки в XX веке;

установить причины возросшего интереса к поправке в XXI веке;

определить значение возможного принятия поправки.

В США 1920-е годы часто связывают с началом американской сексуальной революции, и само яркое тому подтверждение — появление девушки-флэппера (flapper), независимой и свободной от предрассудков. Популярность такого стиля жизни обусловлена в первую очередь распространением идей З. Фрейда и, следовательно, темой свободной любви, которая захватила умы ведущих американских писателей той эпохи. В 1923 г Национальной женской партии во главе с Алисой Пол удалось добиться вынесения на рассмотрение Конгресса США поправки о равных правах. Это было жестко сформулированное требование, основанное на принципах эгалитарного феминизма: «Мужчины и женщины должны иметь равные права в США и в любом месте, находящемся под их юрисдикцией. Конгресс должен внести эту статью в соответствующее законодательство». На этом этапе женское движение было слишком малочисленно, чтобы что-

то изменить и по-настоящему заявить о себе. Добившись предоставления права голоса в 1920 году, женское движение пошло на спад, а ERA осталась существовать в качестве неодобренного предложения.

В 1960-х с выходом книги Бетти Фридан «Загадка женственности» происходит развитие феминистской мысли, движение приобретает новые черты и раскалывается на множество направлений. основополагающим продолжает оставаться либеральное крыло феминизма, действующее в существующей системе прав. Ведущими деятелями этого периода были: активистка и адвокат Белла Абзуг, писательница Бетти Фридан и судья Рут Гинзбург, опубликовавшая статью в поддержку принятия поправки *Let's Have E.R.A. as a Signal*. Деятельность Рут Гинзбург не ограничивалась публикацией статей: совместно со своими коллегами она убедила Ассоциацию американских юридических вузов (AALS) защитить своих студенток-юристок от явной дискриминации со стороны крупных юридических вузов и работодателей. Помимо действий отдельных активистов, в этот период рассмотрение женского вопроса было вынесено на государственный уровень — в 1961 году была организована Комиссия президента Кеннеди по статусу женщин.

К 1977 году поправка о равных правах была ратифицирована в 35 штатах. Ратификации активно противостояла организация консервативного толка *Stop ERA Organization* во главе с Филлис Шлэфли. Нападки активистки на ERA отразили глубокие общественные сомнения относительно того, как феминистки пересмотрели гендерные роли. Обеспокоенность противников поправки была связана со страхом того, что ERA устранил правила, защищающие женщин на работе.

В 2020 году Министерство юстиции при Администрации Президента Д. Трампа заявило, что крайний срок, установленный Конгрессом для ратификации поправки, истек еще в 1982 году. Тот факт, что пять штатов отозвали свою ратификацию в конце 1970-х годов, также вызвал вопросы. Это первый случай, когда поправка, принятая большинством в две трети голосов Конгресса и ратифицированная тремя четвертями штатов, была исключена из Конституции. Все остальные поправки с установленным сроком были ратифицированы в течение срока действия.

Итак, после трех десятков лет забвения к поправке вновь обращаются в начале XXI века. Главным теперь становится вопрос интерпретации поправки столетней давности в современных реалиях. Поправка становится одним из инструментов влияния на политической арене.

Методология исследования включает в себя общенаучные методы, общеисторические методы, наибольшее внимание уделяется хронологическому методу и методу сравнения.

Научный руководитель — доц. С. П. Куликов

ИСТОРИЯ РОССИИ X – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

УДК 94(547)

Посольство Ф. И. Байкова 1654–1658 гг. на территории Джунгарии: к реконструкции маршрута

Л. Г. Зайцева

Алтайский государственный университет, Барнаул

Активизация торговых и дипломатических связей Российского государства с Джунгарией и Китаем во второй половине XVII в. повлекла за собой освоение караванных маршрутов на севере Центральной Азии сначала торговцами, затем русскими служилыми людьми и дипломатами. Одним из важных событий этого процесса было посольство Федора Исаковича Байкова в Китай 1654–1658 гг. Хотя изначальная цель не была достигнута (установление торговых отношений), доставленные сведения послужили для организации последующих миссий. Реконструкция пути посольства позволит выявить траектории, известные русским к концу 1650-х гг., в Прииртышье и прилегающих регионах.

Цель работы состоит в предварительной реконструкции и характеристике маршрута миссии Ф. И. Байкова на территории Джунгарии.

Статейный список посольства содержит весьма подробное описание пути следования, воссоздание которого, однако, затрудняется объективными изменениями в топонимике и ориентацией русских путешественников на местности сообразно направлению собственного движения («по левую» и «по правую руку»), что обуславливало определение берегов рек относительно устья, а не истока (при движении вверх по течению) [1].

Посольство Ф. И. Байкова в Китай отправилось из Тобольска в июне 1654 г. До протоки Белые воды отряд плыл вверх по Иртышу, далее двинулся на подводах, присланных хошутским тайджи Аблаем. Традиционные маршруты в степь пролегали вдоль левого берега Иртыша на юг. Байковым указано несколько объектов, служивших ориентирами на этих путях. Первая — мусульманская культовая постройка Кабалгасун («Кабал-Гасун») в трех днях пути от Белых вод. На протяжении XVII в. Кабалгасун сохранял значение узлового пункта в региональной системе сообщения: от него расходились караванные пути на юг в Джунгарию и на юго-запад к горам Каркаралы и р. Сырдарье [2]. Следующим маркером было урочище Долон-Карагай, где находилась переправа через Иртыш. Важным объектом на пути посольства был ламаистский монастырь в четырех днях от Долон-Карагая, который в историографии ассоциируется с центром Дархан-цорджинхит, возведенным в окрестностях современного Семипалатинска в 1639–1644 гг. Возникновение ламаистского сумэ обусловлено наличием неподалеку переправы через Иртыш.

От монастыря караван Байкова направился в ставку Аблая в Зайсанской котловине: «...Степью от Иртыша... до камня шесть дней... А от гор каменных... до аблаевых пашенных бухарцов ходу неделя» [1]. Маршрут, вероятно, пролегал западнее р. Чар по участку степи до гор Аркат и Каракольтас (через эту местность проходили пути

в XVIII в., на рубеже XVIII–XIX вв. пролегла дорога в китайский Хоргос [3]), откуда выходила к оз. Зайсан. В конце ноября посольство было размещено на зимовку в земледельческом поселении на реке «Карбуга» [1]. Г.Н. Потанин и П.П. Семенов локализовали это поселение возле р. Базар (приток р. Каргоба) или Бугаз [4].

Весной 1655 г. Байков предпринял поездку по владениям Аблая к месту строительства культового комплекса Аблай-хит на «речке Бешке» (Сибинке). Маршрут пересекал Зайсанскую котловину с юга на север до «речки Дцунму-дун» (видимо, р. Жузагаш), затем подошел к р. Шигилек и г. Толагай, где располагался проход между горами в районе верховьев Чара, откуда дипломат направился к р. Сибинке [1]. Посещение русским посольством монастыря, располагавшегося в стратегически выгодном месте, скорее всего, сделало известным новый вариант пути от Иртыша в долину Зайсана.

Вернувшись из окрестностей Аблай-хита на р. «Карбуга», Байков двинулся в ставку хунтайджи Эрдени-Батура в урочище Кобок-Саур, где находился каменный городок, дацан и другие сооружения [5]. Маршрут каравана на этом участке был привязан к рекам юга Зайсанской котловины и проходил сперва вдоль русла р. «Темир-Чюрга» (Шорга), затем р. «Кара-Кучир» (р. Кандысу) в Чиликтинской долине, отличавшейся благоприятным для скотоводства микроклиматом. К р. Кобук отряд прошел, вероятно, через перевал Керегетас, поскольку лежащий восточнее перевал Чаган-Обо (Шаганоба) был труден для передвижения [4].

Дальнейший путь Байкова лежал, по мнению Г.Н. Потанина и П.П. Семенова, через хребет Саур на его северный склон и затем к оз. Улюнгур [4]. В статейном списке гидроним назван «Кизыл-баш», вследствие чего некоторые исследователи отождествляют его с оз. Зайсан [1]. Затем посольство двинулось к р. Кара-Иртыш, по ее правобережью вверх по течению вдоль гор Монгольского Алтая и далее — во владения алтын-ханов Западной Монголии.

Таким образом, маршрут Ф. Байкова на территории Джунгарии проходил по участкам традиционных магистралей, закрепляя некоторые их отрезки в качестве узловых точек региональной системы сообщений, используемой русскими торгово-дипломатическими караванами последующих периодов. При этом стоит отметить, что траектория пути посольства 1654–1658 гг. в значительной степени была привязана к политико-административным объектам Джунгарии (ставкам феодалов), в отдельных случаях даже в ущерб протяженности и удобству передвижения.

1. Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М., 1966.
2. Смагулов Т. Н. Калбасунская башня. Алматы, 2012.
3. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы, 2007. Т. V.
4. Риттер К. Землеведение Азии. Т. IV. СПб., 1877.
5. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Д.С. Бобров

УДК 93/94

От Сибирского корпуса к Сибирской инспекции: армейские реформы Павла I в Сибири

Е. В. Мирошкин

Новосибирский государственный университет

Взойдя на престол, император Павел I развернул активную реформаторскую деятельность в армии. Армейские реформы ознаменовали начало нового этапа в истории Сибирского корпуса [1]. К концу правления Екатерины II в Сибири находились: один мушкетерский и два драгунских полка, два егерских и семь полевых батальонов, двенадцать гарнизонных батальонов и два горных батальона. Общая численность войск достигала 17–18 тысяч человек [2]. При Павле I из полевых батальонов сформированы три мушкетерских полка, гарнизонные батальоны формально были объединены в полки, но в реальности каждый батальон оставался самостоятельной воинской частью [3]. Полки стали именоваться по шефам, что порождало путаницу: некоторые полки меняли своих шефов до шести раз [4; 5]. Материальное положение солдат улучшилось: в войсках были введены шинели вместо епанчей [6]. Стало уделяться большое внимание обучению солдат: ежегодно летом части выходили в поле для проведения совместных учений, однако этому препятствовала географическая удаленность команд [7]. В сибирских городах создавались школы на 50 и 100 учеников для солдатских детей [8].

3 декабря 1797 года территория Российской империи была поделена на инспекции — воинские округа. Сибирская инспекция получила 12-й порядковый номер. В обязанности инспектора входил контроль обучения и снабжения полков, поддержание штатной численности. Центральное управление войсками находилось в ведении Военной коллегии, но, как утверждает С. В. Андрейчук, командование Сибирской инспекции обладало расширенными полномочиями и могло самостоятельно передислоцировать войска [9]. Это связано с географической удаленностью и характером службы: растянутость войск вдоль границы вынуждала командование оперативно перебрасывать силы, не дожидаясь приказов от Военной коллегии. Пехота и казаки подчинялись инспектору по пехоте, а драгуны — инспектору по кавалерии Оренбургской и Сибирской инспекций.

В ходе армейского реформирования была ликвидирована организационная специфика Сибирского корпуса, которая заключалась в преобладании батальонов как главной оперативной и структурной единицы армейской организации [10]. С созданием 12-й Сибирской инспекции удалось достичь единообразия, соответствия структуры и состава сибирского военного контингента воинским частям, располагавшимся к западу от Урала. Но если структурная специфика была утрачена, то в управленческой сфере армия продолжила играть важную роль, оставаясь важным оплотом государственной власти в Сибири, неся пограничную службу и выступая одним из главных проводников колонизационной политики [11]. Результаты армейских реформ можно оценить положительно: снабжение стало более стабильным, а подробная регламентация всех сфер

армейской жизни в уставах 1796 г. покончила с широкими полномочиями полковых командиров в области обучения войск. Высокий уровень выучки и боеготовности сибирские воинские части показали при переходе в европейскую часть России и в ходе наполеоновских войн в составе 24-й дивизии [12].

1. Андрейчук С. В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 17.
2. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.; 2017. С. 172.
3. Зуев А. С., Дмитриев А. В. Армейские регулярные части в Сибири в XVIII — начале XIX в.: численность, состав, дислокация // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 1: История. С. 24.
4. Керсновский А. А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 177.
5. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1900. Ч. 7. С. 19–20; 36–40.
6. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 25. № 18836. С. 546.
7. Андрейчук С. В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 19.
8. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 24. № 18159. С. 743–746.
9. Андрейчук С. В. Сибирская инспекция: структура, управление и дислокация (1796–1808 гг.) // Исторический Ежегодник. 2010: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 181–182.
10. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.; 2017. С. 173.
11. Андрейчук С. В. Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. С. 22.
12. Андрейчук С. В. Сибирская инспекция: структура, управление и дислокация (1796–1808 гг.) // Исторический Ежегодник. 2010: Сб. науч. тр. / Институт истории СО РАН. Новосибирск, 2010. С. 188.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доц. А. В. Дмитриев

УДК 353(470)(091)

Российское управление Восточной Пруссией в период Семилетней войны 1757–1762 гг.

Е. С. Назимов

Иркутский государственный университет

Объектом данного исследования является российское управление Восточной Пруссией в период Семилетней войны 1756–1763 гг. Автором предпринята попытка осмысления конфликта в контексте «соотношения» цивилизаций как одного из магистральных вопросов комплекса цивилизационных подходов [5].

Россия участвовала в Семилетней войне против Прусского королевства. Наша страна овладевала Восточной Пруссией дважды, причем во второй раз территория закрепилась за Россией на пять с лишним лет вплоть до окончания конфликта.

Вступление Российской империи в войну было продиктовано ее стремлением укрепить свое внешнеполитическое положение и добиться преимуществ для растущей экономики. Построение грамотного административного управления Восточной Пруссией гарантировало стране лояльность местного населения и возможность использования экономического потенциала края в своих интересах [3]. Административному обустройству Восточной Пруссии препятствовали «эксклавный» характер новой российской провинции и наличие в ней потенциально враждебного этноса со своими обычаями, традициями и менталитетом [3].

Однако эта территория успешно инкорпорировалась в состав Российской империи. Елизавета I активно использовала опыт закрепления и освоения Россией схожих территорий — Лифляндии и Эстляндии, которые успешно развивались в составе единой империи [3].

Первым генерал-губернатором «покоренных областей королевства Пруссии» был назначен главнокомандующий русской армией генерал-аншеф В. В. Фермор, который привел жителей провинции под государеву руку, добившись принесения ими присяги новому монарху [4].

Сам факт того, что местное население присягнуло на верность, не может свидетельствовать об окончательном вхождении Восточной Пруссии в состав Российской империи. Это утверждение легко доказуемо: приведенные к присяге финны в 1742 г. во время русско-шведской войны без каких-либо проблем смогли вернуть прежнее шведское подданство после ее окончания [1].

На смену отбывшему на фронт В. В. Фермору пришел опытный царедворец барон Н. А. Корф. Он активно налаживал контакты с местной аристократией, обеспечивал ей привилегии и лично ходатайствовал перед Елизаветой I о ее нуждах. Правление Фермора и Корфа оценивалось современниками как либеральное: их политика характеризовалась как дружественно-покровительственная по отношению к пруссакам [2].

Мягкого Н. А. Корфа заменил В. И. Суворов, проявивший себя на посту губернатора как крепкий хозяйственник, во всем последовательно и неуклонно отстаивавший национальные интересы. Его правление отмечено упорядочиванием системы управления, активной хозяйственной деятельностью и рачительностью при использовании средств из местного бюджета [3].

С приходом к власти Петра III В. И. Суворова отстраняют от должности как преданного елизаветинца. Новый губернатор граф П. И. Панин на своем посту по воле нового императора вел подготовительную работу по передаче Восточной Пруссии Фридриху II. Но из-за нехватки офицеров на фронте Панин был вынужден передать должность Ф. М. Воейкову и отбыть в действующую армию [4]. Деятельность последнего русского губернатора Восточной Пруссии целиком и полностью была связана с процессом передачи власти прусской администрации и организацией вывода русской армии обратно в Россию [4].

В целом деятельность российской администрации оценивается как «гуманная» [6]. Цивилизационное проникновение России в Пруссию завершилось не так удачно, однако территориальные потери были компенсированы имиджевым ростом в Европе.

1. Анисимов М. Ю. Восточная Пруссия в российских планах в годы Семилетней войны (1756–1763 гг.) // Известия Самарского науч. центра РАН. 2014. № 3. С. 150–161.
2. Гаузе Ф. Кенигсберг в Пруссии: История одного европейского города / пер с нем. В. Хердта и Н. Конрад. Реклингхаузен: Биттер, 1994. 317 с.
3. Кретинин Г. В. Российские губернаторы в Пруссии в Семилетнюю войну (1758–1762) // Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории / отв. ред. И. О. Дементьев. Калининград: Аксиос, 2018. С. 66–93.
4. Кретинин Г. В. Российское военное управление провинцией Пруссия в Семилетнюю войну // Калининградские архивы. 2007. № 7. С. 113–121.
5. Маджаров А. С. История России в теории цивилизаций. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 211 с.
6. Рамбо А. Русские и пруссаки : история Семилетней войны / пер. с нем. и коммент. Д. Соловьева. М.: Воениздат, 2004. 303 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. А. С. Маджаров

УДК 93/94

**Законодательные акты и экономическое положение
томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря
во второй половине XVIII века**

Н. Д. Никулин

Новосибирский государственный университет

Полное собрание законов Российской империи представляет собой важный исторический источник, так как в нем представлены в хронологическом порядке законодательные акты. Перспективность обращения к ним для изучения истории монастырей демонстрирует труд В. К. Андриевича «Исторический очерк Сибири по данным, представленным Полным собранием законов» [1]. Автор показал ценность информации, заключенной в такого рода источниках. Он отметил и акты, посвященные томскому монастырю. Попытаемся обратиться к анализу этих текстов, чтобы получить представление об их влиянии на экономическое положение томского Богородице-Алексеевского монастыря.

Во второй половине XVIII в. томский Богородице-Алексеевский монастырь стал упоминаться в законодательных актах, посвященных устройству монастырей и их материальному положению. Во время правления Екатерины II произошли кардинальные перемены в положении монастырей, и эти изменения связаны с указом императрицы о секуляризации монастырского землевладения. 26 февраля 1764 г. вышел именной указ Екатерины II «О разделении духовных имений и о сборе со всех архиерейских, монастырских и других церковных крестьян с каждой души по 1 рублю 50 копеек, с приложением манифеста о подведомстве всех архиерейских и монастырских крестьян Коллегии экономии и штатов по духовной части» [2]. Данный указ и Манифест радикально изменили экономическое положение монастырей в России, значительно ухудшив его.

В период правления Павла I была осуществлена попытка изменить имущественное положение монастырей. Об этом свидетельствует указ от 18 декабря 1787 г. «Об учреждении Духовных Академий в Санкт-Петербурге и Казани; об определении сумм на содержание духовных училищ, Архиерейских домов, соборов и служащих при них; об отводе при каждом Архиерейском доме земли с угодьями...» [3]. Обращение к анализу текстов двух законодательных актов позволяет уточнить направление государственной политики в отношении томского монастыря. Для выяснения, каким образом они повлияли на экономическое положение монастыря, привлекаются материалы фонда томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря Томской духовной консистории [4], опись церковного строения и имущества монастыря за 1773, 1789, 1803 гг. [5]. Обращение к законодательным актам и документальным материалам позволяет показать зависимость экономического положения монастыря во второй половине XVIII в. от политики правительства.

1. Андриевич В. К. Исторический очерк Сибири по данным, представляемым Полным Собранием Законов. 1-е изд. Том V. Екатерининский период. (Отделы: горное дело, духовенство, лихоимство и общий очерк). Красноярск: Тип. Кудрявцева, 1889.
2. ПСЗРИ. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XVI, № 12060. С. 549–569.
3. ПСЗРИ. Собрание первое. СПб. Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXIV, № 18273. С. 821–823.
4. ГАТО. Ф. 175.
5. ГАТО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 21.

Научный руководитель — д-р. ист. наук Н. С. Гурьянова

УДК 93/94

Процедуры судопроизводства в частях Сибирского корпуса во второй половине XVIII века

Д. А. Письмак

Новосибирский государственный университет

Армия является важнейшим институтом имперского государства. Но сильная армия невозможна без строгой дисциплины. За нарушением дисциплинарной или правовой нормы должно следовать наказание. Приговор о наказании за преступление выносится в ходе судебного процесса. Анализ этого процесса позволяет установить, на каких основаниях за определенное преступление выносился тот или иной приговор. Цель работы — изучение процедур судопроизводства в частях Сибирского корпуса во второй половине XVIII века.

Для этого нами были изучены судебно-следственные документы из фонда Генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии (ф. 8) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Из фонда были выбраны дела, в которых рассматривались воинские должностные преступления (нанесение материального ущерба государству, нарушения дисциплины и т. п.).

Следствие в отношении провинившихся проводил полковой суд (кригсрехт), в состав которого входили президент (презус), штаб-офицер, ассессоры (обер-офицеры) и полковой аудитор. Члены полкового суда должны были принести присягу [1], то же должны были сделать свидетели [2]. Задачей суда было опросить свидетелей, допросить обвиняемых и вынести решение по делу. Все допросы заносились в протокол, на основе которого составляли экстракт. В свою очередь на основе экстракта составлялась сентенция суда. Обжаловать решение полкового суда можно было в Генеральном кригсрехте. Однако все дела, по которым выносили приговор полковой или Генеральный суд, должны были отправляться на ревизию в Военную коллегию, которая могла существенно изменить приговор. Так, секунд-майор Александр Тарасов, употребивший в рабочие дни для поставки собственного сена до 70 солдат и казаков, напрасно наказавший плетью казака Устьянцева, державший для собственных поручений десять казаков и дававший отпуска солдатам без позволения командования, был приговорен кригсрехтом к разжалованию на год в солдаты и вычету жалования за полгода [3]. Затем сибирский губернатор Соймонов рассмотрел приговор и предложил другую меру наказания для Тарасова, а именно: понизить последнего на полгода в капитаны и вычесть жалование за полгода. По истечении этого срока он предлагал вернуть Тарасову прежний чин [4]. Военная коллегия смягчила наказание еще значительно, приговорив Тарасова к трем месяцам ареста без потери звания [5].

По какой причине разные инстанции так меняли приговор? Полковой суд вынес приговор согласно законам Российской империи, в частности, в соответствии с воинскими артикулами № 28, 33 и 54 [6]. Губернатор Соймонов предлагал смягчить наказание, так

как действия Тарасова не нанесли большого вреда интересам Ее Императорского Величества. Вдобавок Соймонов замечал, что на границе наблюдается постоянная нехватка офицерского состава, и было бы разумно сохранить офицера в строю [7]. Военная коллегия, по всей видимости, согласилась с мнением Соймонова и назначила минимальное наказание секунд-майору Тарасову.

Похожая ситуация наблюдается еще в одном деле. Секунд-майор 1-го Тобольского батальона Степан Шапошников брал взятки, за что сентенцией военного суда по силе 50-й главы Генерального регламента и указов от 22 июня 1713 года, от 15 декабря 1714 года, от 21 мая 1720 года и от 15 декабря 1763 года был приговорен к расстрелу [8]. Однако тобольский губернатор Алябьев предложил заменить смертную казнь на учинение «репреманда» (выговора) и отправку в Томский батальон, так как за 24 года службы Шапошников не совершал никаких преступлений и не имел штрафов [9]. Военная коллегия приговорила отобрать у Шапошникова патент на секунд-майорский чин и разжаловать на год в капитаны [10].

Эти два примера показывают, что окончательное решение Военной коллегии было значительно мягче первоначального приговора, который выносила низшая инстанция — полковой суд. Объясняется подобное явление, во-первых, особенностью процесса судопроизводства: у полкового суда не было возможности выносить мягкий приговор, который шел бы вразрез с нормами военного права. Задачей этого суда было вынести решение на основе существующих законов. Военная коллегия обладала большей свободой действий и могла выносить решения, не всегда следующие букве закона. Во-вторых, мягкие приговоры были вызваны необходимостью сохранить на службе офицерские кадры, нехватка которых постоянно ощущалась в частях Сибирского корпуса.

1. РГВИА. Ф. 8. Оп. 2. Д. 1274. Л. 45.
2. Там же. Л. 42.
3. РГВИА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 121. Л. 209.
4. Там же. Л. 210.
5. Там же. Л. 211–213 об.
6. Там же. Л. 209.
7. Там же. Л. 210.
8. РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2587. Л. 2 об.
9. Там же. Л. 3-3 об.
10. Там же. Л. 96.

Научный руководитель — д-р ист. наук, доцент А. В. Дмитриев

ИСТОРИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

УДК 93/94

Юмористические периодические издания в общественно-политической жизни г. Красноярска в начале XX в.

П. П. Вицинская

Новосибирский государственный университет

В начале XX в. в Красноярске, как и в целом по стране, увеличилось количество периодических изданий разной направленности. Среди них внимание привлекают юмористические издания. В рамках темы будут рассмотрены три из них, выходившие в разные годы: «Фонарь» (1906), «Куманек» (1908) и «Оглобля» (1911–1912). При анализе юмористических журналов следует учитывать их злободневность, в этом их особенность: не имея представлений о повседневном локальном (и не только) контексте, будет сложно понять автора.

Первое из рассматриваемых изданий, «Фонарь», выпускалось дважды в месяц (за некоторыми исключениями) в течение первых шести месяцев 1906 г. — в период политического возбуждения населения и последствий событий 1905 г. В издании, помимо непосредственно текстов, присутствуют карикатуры. Волнующие умы темы и события иногда передавались посредством религиозных, литературных и мифологических мотивов. Редактор-издатель — Ф. Ф. Филимонов, публиковавшийся под псевдонимом Дедушка Фаддей, причем не только в рассматриваемом издании. Номера журнала тиражировались в количестве 2 500–3 000 экземпляров.

По словам редакции, материалы журнала вызвали реакцию общества, от издания ждали выбора политического направления. Ответ на этот вопрос прямым текстом дан не был. Со страниц «Фонаря» критиковались и правые, и левые, хотя первые в большем количестве и более явно, а последние даже иногда поддерживались изданием. Тематика материалов была обширной. Значительное внимание уделялось местным политическим процессам, активным участникам, лидерам местных политических объединений, участию гимназистов в митингах, карательным экспедициям и др. Комментировались и политические процессы государственного уровня, например выборы в Государственную Думу, открытие которой воспринималось как начало новой эры в истории страны. Другая часть материала затрагивала социально-экономические и бытовые вопросы: коррупция, плохая работа жандармов, критика казаков и губернской администрации.

Другое периодическое издание — «Куманек», представленное единственным номером, который вышел в мае 1908 г. Редактором-издателем был П. Н. Сенилов. На страницах журнала освещена деятельность Государственной Думы (судя по материалу, скорее, бездеятельность), а также ее заметные депутаты. Часть номера была посвящена остросоциальным вопросам: сложному положению периодики, благоустройству города и коррупции. По сравнению с «Фонарем», здесь политические процессы отражались

менее тенденциозно, на местном уровне они практически не были затронуты.

Третий журнал «Оглобля» являлся официальным печатным изданием Красноярского отдела Союза русского народа. Оглоблей, по объяснению редакции, является орудие самообороны, которое они готовы применить против врагов. Первый номер журнала вышел в декабре 1911 г., а пятый — в конце марта 1912 г. Будучи изданием Союза, журнал продолжал основную линию газеты отдела «Сусанин», редактор-издатель которой (Н. С. Ковалев) занял соответствующую должность в «Оглобле». Основной темой на протяжении всех номеров был антисемитизм, продолжались обвинения евреев во всех проблемах города и страны с призывами к физической расправе. Критике также подвергались кадеты и их периодические «жидокадетствующие» издания, которые обвиняли в заговорах.

Своеобразным девизом стало использование в двух номерах издания на первой странице призыва «Антисемиты всех стран, всех народов, племен и религий — объединяйтесь!» [1]. Подобная трансформация лозунга социал-демократов особенно сильно привлекает внимание не только из-за использования партией правого толка, но и из-за более ранних подобных случаев. Так, в первом номере ранее упомянутого издания «Фонарь» на обложке лозунг эсеров «В борьбе обретешь ты право свое» был переформулирован в виде «В борьбе обретешь ты фонарь свой» [2]. А в журнале «Куманек», приглашая к сотрудничеству, редакция написала в объявлении: «Остряки, карикатуристы и юмористы всех стран, соединяйтесь» [3].

Рассмотренные юмористические издания отражают основные процессы общественно-политической жизни города начала XX в. и ярко дополняют представление о политической жизни населения. Сложно оценить, насколько юмор адаптировался в городской среде Красноярска. Ряд имен и псевдонимов авторов, встречающихся в рассмотренных журналах, можно встретить на страницах газет того периода. Можно предположить, что отдельно издающиеся юмористические журналы не всегда были столь интересны, более того, их узкая направленность не способствовала популяризации среди всего населения. Информации о роли реакции властей и цензуры на существование рассмотренных изданий пока не обнаружено.

1. Оглобля. 1912. № 4. С. 1.; № 5. С. 1.
2. Фонарь. 1906. № 1. С. 1.
3. Куманек. 1908. № 1. С. 8.

Научный руководитель — д-р. ист. наук, проф. М. В. Шиловский

УДК 94(47).083

**Цепочка исков с участием крестьянина А. Заставенко
в контексте изучения механизма работы Тулинского волостного суда
Барнаульского уезда Томской губернии в 1914 году**

А. А. Кононов

Новосибирский государственный университет

Цепочка исков — это ряд исков в волостной суд, касающихся одного конфликта. О цепочках исков можно узнать из «Книги на записку решений волостного и третейского судов». Одна из них связана с конфликтом крестьянин Алексея Заставенко и Ивана Башарина из Тулинской волости Барнаульского уезда Томской губернии.

Тулинская волость находилась рядом с селом Бердским и недалеко от города Новоиколаевска. Она интересна тем, что в здесь сохранилась книга решений волостного суда за 1914 год — одна из немногих в Томской губернии.

Изучаемая цепочка исков насчитывает четыре судебных дела за 1914 год. Нами проанализированы все четыре дела, в том числе дела № 30 и 131, которые ранее не изучались и благодаря которым можно по-новому взглянуть на уже изучавшиеся ранее дела № 19 и 58. На их основе можно сделать выводы, касающиеся способов борьбы крестьян за свои интересы и механизма работы волостного суда.

Алексей Заставенко — крестьянин деревни Бурнистовой Тулинской волости. В 1914 году он участвовал исках в качестве как истца, так и ответчика. В этой цепочке также участвуют братья Лука и Иван Башарины и их родственник Фёдор Харев.

Взаимодействие конфликтующих сторон с судом началось с подачи иска Алексеем Заставенко 3 января. В нем он хотел взыскать с Луки и Ивана Башариных 2 рубля 70 копеек за молотилку. Но затем 10 февраля уже на Алексея Заставенко был подан иск от Ивана Башарина, который хотел взыскать 3 рубля за корову. Иван Башарин при объяснении этого иска ссылался на Заставенко, утверждавшего, что он не платит Ивану деньги за купленную корову, потому что не получил с братьев деньги за деталь для молотилки. В итоге к началу судебных заседаний у суда было два встречных дела. Они разбирались в мартовскую сессию.

Первое заседание состоялось 22 марта, на нем разбирался февральский иск. На заседании присутствовали проситель Иван Башарин, ответчик Алексей Заставенко, а свидетелями выступали родственники просителя — брат Лука Башарин и племянник Фёдор Харев. Однако Лука Башарин показал против брата и против себя. Волостной суд посчитал это свидетельство ложным и отдал предпочтение свидетельским показаниям Фёдора Харева. В итоге решение по данному иску было в пользу Ивана Башарина.

24 марта вновь состоялось заседание, но теперь по январскому иску от Алексея Заставенко. На суд опять явились проситель Алексей Заставенко и ответчики братья Лука и Иван Башарины. Но заседание ограничилось слушанием претензий истца (Заставен-

ко); после чего суд решил, что это дело «уже было в разбирательстве» 22 марта и постановил оставить январский иск Алексея Заставенко без последствий.

Алексей Заставенко спустя полторы недели решил еще раз подать в волостной суд иск, теперь уже на Фёдора Харева, одного из свидетелей на прошлом заседании. Поводом для жалобы стало событие 1912 года. Алексей Заставенко просил взыскать 5 рублей с него за маховик от молотилки, за который все это время Харев деньги не платил, но ранее Заставенко не обращал на это внимания. Он выиграл этот суд и больше в 1914 году не участвовал в судебных делах.

Таким образом, цепочка исков Алексея Заставенко позволяет оценить тактику крестьян в отношении к обращений в суд. Так, Заставенко, не удовлетворенный решением суда, подал иск в отношении свидетеля, из-за которого проиграл дело и в результате добился своего хотя бы отчасти.

Что касается механизма работы волостного суда, мы видим, что он мог разбирать иски не по хронологии поступления: иск от 10 февраля был рассмотрен раньше, чем иск от 3 января. Вероятно, суд мог рассматривать дела именно в таком порядке, потому что судьи заранее изучали подробности жалобы и для упрощения собственной работы сначала разбирали более поздние дела одного конфликта.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. К. Кириллов

УДК 93/94

Палестина глазами сибирских паломников конца XIX – начала XX в.

Д. К. Потехина

Нижевартовский государственный университет

Палестина, как место, где создавалась священная история, всегда привлекала к себе не только исследователей, но и путешественников. Для многих христиан мечтой всей жизни было совершение паломничества на Святую Землю. На рубеже XIX–XX веков началась отлаженная работа по облегчению поездок русским паломникам, выражавшаяся в помощи по ее организации, передвижению и размещению на специальных подворьях. Данными вопросами занималось созданное в 1882 г. Императорское Православное Палестинское общество (ИППО). Одним из результатов стал рост количества паломнических мемуаров и дневников, которые чаще всего писались представителями провинциального духовенства и предпринимателями, а затем публиковались как на страницах «Епархиальных ведомостей» (семинариста из Красноярска [3], священников Тобольской епархии [1; 2; 4]), так и в виде отдельных очерков [5].

Описывая Палестину, паломники сходились во мнении, что природа там удивительна и полностью противоположна той, что они наблюдали на родине — в «дикой Сибири», где большую часть года была настоящая снежная зима с морозной погодой. В Палестине же стояла жара, стихавшая к вечеру; сибиряков впечатляли яркие краски, цветущие растения: пальмы, бананы, олеандры и др. Такое разнообразие им удавалось увидеть в первый и с большой долей вероятности последний раз. От этого у некоторых паломников порой «накатывались слезы».

Путешествие на Ближний Восток было длительным и по-прежнему непростым, поэтому вызывало у сибиряков опасения. Однако по прибытии паломников в Палестину страхи постепенно исчезали, ведь регулярно доводилось сталкиваться с элементами российского присутствия — больницами, гостиницами, столовыми, русскими лавками. Паломники обретали близких по духу людей, встречали своих земляков, которые трепетно, с особой любовью относились друг к другу. Даже вдали от родины возникало ощущение родного дома, что говорило об активной деятельности ИППО, старавшегося создать комфортные условия для русских путешественников.

Также паломники знакомились с непривычными для них традициями, были вынуждены сталкиваться с местным населением, состоявшим в основном из арабов, турок, греков и незначительной части евреев. В Палестине удавалось сосуществовать исламу, христианству, иудаизму, хотя и не всегда мирно.

Русские богомольцы наиболее часто посещали храм и пещеру Рождества Христова, храм Гроба Господня, пещеру с гробницей Богоматери. Жители Иерусалима, Назарета, Вифлеема и окрестностей занимались охраной библейских святынь, брали деньги за их посещение, а также продавали различные товары и сувениры. Паломники отмечали, что многие храмы содержались неопрятно и были в запустении, внутри сидели и кури-

ли мусульмане, продавцы толкали богомольцев, а бедуины пели и танцевали. Бывало, что после знакомства с христианскими святынями паломники сталкивались с вымогательством, попытками обмана со стороны турок, греков и евреев. Известны случаи, когда подростки в грубой форме просили дать им деньги, при отказе бросали вслед камни. Такое отношение портило общее впечатление от поездки и разрушало устоявшиеся представления о Святой Земле. Однако встречались и примеры дружбы, помощи (один турок даже спас сибирского паломника, когда тот упал с осла и т. п.).

Таким образом, мечта верующего человека совершить паломничество в Палестину стала исполнимой. Ему удавалось увидеть то, что ранее было доступно только на рисунках, фотографиях или в книгах. Из Святой Земли люди уезжали с другим восприятием жизни, многие переоценивали свое поведение, вера укреплялась и давала силы жить дальше. При этом сибирским паломникам Палестина представлялась страной контрастов. С одной стороны, она выглядела загрязненной, шумной, с толкотней на улицах, разрушенными, неухоженными памятниками прошлого, с другой, напоминала о священной истории, ценной для каждого паломника, радовала великолепной природой.

1. Ивский В. Русские паломники в Св. Земле // Тобольские епархиальные ведомости. 1898. № 6. С. 143–154.
2. Селихов И. О паломническом странствовании моём на Ближний Восток в Турцию // Тобольские епархиальные ведомости. 1906. № 20. С. 527–530.
3. Уставщиков Н. Из дневника семинариста // Енисейские епархиальные ведомости. 1909. № 8. С. 35–40.
4. Федюшин В. Из дневника священника-паломника // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 7. С. 69–72.
5. Чукмалдин Н. М. Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург, 1899. 80 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. П. Цысь

УДК 94(47).083

Составление базы данных для измерения неравенства в Барнауле в начале XX века на основе заявлений домовладельцев по квартирному налогу: проблемы методики работы с источником

М.Д. Сорокин

Новосибирский государственный университет

Темой нашего исследования является неравенство в России начала XX века. Для определения разницы в доходах высших и нижних слоев населения необходимо обратиться к математическим методам измерения неравенства, одним из которых является расчет децильного коэффициента. Этот коэффициент показывает, во сколько раз доход наименее зажиточного представителя 10 % самых зажиточных членов общества превосходит доход наименее бедного из 10 % самых бедных. Чем больше коэффициент, тем значительнее неравенство.

Источником, который был взят за основу изучения неравенства доходов населения, стали заявления домовладельцев по квартирному налогу за 1910 г. В этих документах содержатся сведения об арендаторах жилых помещений и о самих владельцах. В заявлениях не указывались суммы личного дохода, но указывалась арендная стоимость жилья, занимаемого человеком. Именно цена занимаемой «квартиры» (жилья) служит в данном случае признаком благосостояния квартиросъемщика. Достоинство этих документов состоит в том, что они содержат сведения не только о средних и высших слоях населения Барнаула, но и о бедняках.

Несмотря на однотипность бланков заявлений, составление базы данных потребовало ряда решений, вызванных индивидуальными особенностями источников. Были исключены из базы данных те случаи, когда в цене аренды невозможно было отделить стоимость жилья от стоимости помещений, используемых для профессиональной деятельности (склады, мастерские, конторы). Исключены были и те случаи, когда для нескольких проживающих в доме человек (не составляющих одной семьи) показывалась общая цена. Совокупное число исключенных по названным причинам заявлений составляет 17 шт., что несущественно в масштабах имеющейся базы данных (496 человек).

Децильный коэффициент, рассчитанный на основе полученной базы данных, составил 8,3. Этот показатель может быть сопоставлен с цифрами, полученными исследователями для других стран или на основании других источников. Возможен и анализ собственно барнаульского населения на основе нашей базы данных. Для этого уже при создании базы данных в нее закладывались дополнительные показатели.

Прежде всего все включенные в базу данных горожане были разбиты на группы: домовладельцы (156 чел.) и квартиросъемщики (356 чел.). Для домохозяев децильный коэффициент составил 7,25, для квартиросъемщиков — 7,5. Эта небольшая разница коэффициентов скрывает существенную разницу показателей арендной цены в рублях:

и высший, и низший порог цены на жилье у домохозяев существенно выше, чем те же показатели у квартиросъемщиков. Домохозяева, следовательно, оказываются более зажиточной группой населения.

В то же время это утверждение требует осторожности, так как необходимо учесть внутренний анализ группы домохозяев: есть ли у них обособленный дом для личных нужд. Для каждого горожанина этот показатель задавался одним из трех значений: «богатый хозяин» (живет в своем доме один), «рантье-предприниматель» (сдает весь дом), «бедный хозяин» (вынужден делить дом с арендаторами). Из 191 домохозяина подавляющее большинство (179) имело только по одному дому, из них многие (102) оказались «бедными хозяевами», только 29 попали в категорию «богатых хозяев», 48 — «рантье-предпринимателей».

Достаточно ценными оказались сведения о сословной и географической привязке квартиросъемщиков. Подсчитанный с учетом этих данных децильный коэффициент для барнаульцев (124 чел.) составил 11,1, что гораздо выше того же показателя для неместных (154 чел.) — 6,6.

Наконец, для каждого случая учитывалось, идет ли речь о действительной арендной цене (платеж арендатора домовладельцу — 329 чел.) или условной (для домовладельцев, живущих в собственном доме). В пяти случаях указание «приблизительной» цены квартиры сочеталось с оговоркой, что человек живет «бесплатно» (из любезности домохозяина или арендатора). В таких случаях цена показывалась как действительная, поскольку есть веское основание полагать, что эта сумма соответствует качеству жилья, а значит, и уровню благосостояния человека. Таким же образом в качестве действительных платежей обозначались в базе данных суммы квартирных денег, положенных чиновникам, живущим в казенных квартирах (поскольку размер квартирных денег соответствовал рангу чиновника и его жалованью).

Наличие условных показателей заставляло сомневаться насчет достоверности базы данных в целом. Однако диаграммы распределения жильцов по размерам ежемесячной стоимости аренды жилья, составленные для всех жильцов и отдельно для жильцов с действительным платежом, оказались весьма схожими, что подтверждает высокую достоверность нашего источника.

Таким образом, опыт работы с указанным источником при изучении расслоения населения в начале XX в. показывает ценность использования дополнительных показателей наряду с ключевым показателем (арендная цена жилья). Благодаря им мы можем приблизиться к более глубокому пониманию структуры городского населения начала XX века.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. К. Кириллов

УДК 930.1:[94(571.1)+316.334]

Направления изучения городского социума Западной Сибири пореформенного периода в постсоветских исследованиях

А. А. Сорочкина

Кемеровский государственный университет

Несмотря на многолетнее внимание исследователей к истории городов Западной Сибири [15, с. 5–16], в зависимости от выбора методологического подхода раскрываются новые тенденции в развитии городского населения пореформенного периода [1]. Современные исследователи отмечают, что городское сообщество того времени находилось в стадии интенсивной модернизации [7, с. 124; 15, с. 4].

В исследовательской среде получил развитие социокультурный подход («новая локальная история»), предусматривающий комплексное изучение объекта исследования, включение его в общий контекст исторического процесса [5; 16].

В постсоветских урбанистических исследованиях на фоне традиционного внимания к проблемам социально-демографических процессов [13; 16], получил анализ миграционный фактор роста численности городского населения [10; 11], усилилось внимание к проблемам городской семьи [9].

В рамках изучения социальной стратификации большое внимание уделяется представителям торгово-промышленных кругов городского сообщества [4] и служащим [2; 12].

Новым направлением в постсоветских исследованиях стало изучение этноконфессионального состава городского социума [8; 14; 17].

Не остались без внимания вопросы общественной активности и повседневности представителей городского сообщества Западной Сибири [3; 6].

Анализ историографических источников постсоветского периода по заявленной проблеме свидетельствует, что при изучении постреформенного города Западной Сибири в соответствии с новыми методологическими подходами большое внимание уделяется формированию городского социума, его этноконфессиональному составу, вопросам повседневности и общественной активности.

1. Агеев И. А. Методологический ресурс исторической урбанистики в современных исследованиях городских пространств // Вестн. Томского гос. ун-та. 2014. № 385. С. 79–84.
2. Блинов А. В. Профессиональный фактор в повседневной жизни чиновников Западно-Сибирского учебного округа (1885–1917) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 3. С. 79–89.
3. Блинов А. В., Гончаров Ю. М. Факторы повседневности штатных преподавателей мужских гимназий Западно-Сибирского учебного округа второй половины XIX — начала XX в. // *Bylye Gody*. 2021. 16(2). С. 908–916.
4. Бойко В. П. Томское купечество в конце XVIII — XIX вв. Томск: Водолей Publishing, 1996. 320 с.

5. Булыгина Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 82–95.
6. Войтеховская М. Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе // Науч. вестн. Белгородского гос. ун-та. 2011. № 7 (102). С. 158–167.
7. Гончаров Ю. М. Проблемы изучения социальной стратификации городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2013. № 4-1(80). С. 124–130.
8. Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири XIX — начала XX в.: моногр. Барнаул: АзБука, 2005. 108 с.
9. Гончаров Ю. М. Историография, источники и методы изучения городской семьи Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в.: моногр. Барнаул: АлтГУ, 2020. 167 с.
10. Гончаров Ю. М. Мигранты в составе населения городов Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2009. № 4-4 (64). С. 62–66.
11. Горелов Ю. П. Прием беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Сибирь: XX век. Кемерово: КемГУ, 2002. С. 65–70.
12. Емельянова Н. М. Специфика кадрового состава чиновников Западно-Сибирского генерал-губернаторства в XIX в. // Омский науч. вестн. 2013. № 2(116). С. 20–22.
13. Ивонина А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографических исследований): моногр. Барнаул: АГУ, 2000. 335 с.
14. Островский Л. К. Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80–83.
15. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство: моногр. 3-е изд. доп. Барнаул: АГУ, 2014. 252 с.
16. Тяпкина О. А. Локальный подход к изучению истории малых городов Западной Сибири второй половины XIX в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. 2003. № 4 (30). С. 17–21.
17. Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири в XIX — начале XX в.: моногр. СПб.: Невский институт языка и культуры, 2013. 260 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. А. В. Блинов

УДК 94 (57)

**Эпистолярное наследие коллекционеров как источник
для изучения художественной жизни Иркутской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.**

В. В. Ткачев

Иркутский государственный университет

Исследования по истории Сибири направлены на то, чтобы выявлять уникальные архивные документы, которые раскрывают с разных сторон жизнь и деятельность известных купцов, ученых, художников, педагогов и других представителей общественности. Особенностью развития Иркутской губернии второй половины XIX — начала XX в. является то, что в городах возникают свои собственные коллекционеры, которые создавали собрания предметов искусства. Чтобы восстановить историю передвижения произведений искусства, проследить динамику посещаемости художественных мероприятий, впечатления посетителей, необходимо использовать источники личного происхождения коллекционеров. Эпистолярное наследие известных представителей купеческого сословия (В. Н. Баснин, А. М. Сибиряков, В. П. Сукачев, М. Д. Бутин, М. Я. Лейбович) и деятелей культуры (Р. С. Пророков, А. Н. Турунов, А. П. Богословский) отвечает на важные вопросы: как предметы искусства попадали в собрания, как создавались выставочные пространства, с какими трудностями сталкивались организаторы и т. д. [1].

Эпистолярное наследие иркутских коллекционеров можно разделить на следующие группы: переписка о художественной жизни Иркутской губернии, письма об организации выставок и приглашение художников, переписка по изучению истории формирования собраний предметов искусства. Рассмотрим несколько источников личного происхождения, которые входят в состав архива Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева и Государственного архива Иркутской области.

Первый блок источников раскрывает особенности развития художественной жизни Иркутской губернии, где деятели культуры дают определенную оценку данному процессу. Так, были выявлены письма и переписка А. Н. Турунова и Н. С. Романова в 1920-е гг. (из Москвы в Иркутск) о написании книг по истории Сибири, обсуждение «Программы исторического и статистико-экономического описания города Иркутска» (1892 г.), художественных мероприятий в Иркутске и т. д. [2].

Второй блок показывает то, как общество проводило выставки и приглашало художников из разных городов. Переписка Р. С. Пророкова с М. Я. Лейбовичем в 1917 г. доказывает то, что иркутское общество стремилось провести выставку сибирских и западных мастеров на высоком уровне, так как у города были представлены такие возможности [3]. Также Р. С. Пророков осуществлял переписку с общественными организациями по привлечению талантливых художников. В качестве примера можно привести его письмо (как члена Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества) от 11 марта 1904 г.: «Несколько художников-любителей обратились ко

мне с просьбой возбудить ходатайство о разрешении им выставить в помещении музея масляные и акварельные картины. Имею честь внести этот вопрос на рассмотрение Распорядительного комитета». Продолжает раскрывать особенности проведения художественных мероприятий письмо от В. Д. Вучичевича-Сибирского: «Общество имеет честь почтительнее просить Ваше Высокопревосходительство разрешить устройство выставки картин художника Владимира Вучичевича-Сибирского в здании музея» [4].

Третий блок источников рассказывает о том, как формировались собрания предметов искусства в домах коллекционеров Иркутской губернии. В одном письме к сотрудникам Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева А. Н. Турунов сообщал интересные сведения о сибирских художниках и о работах, которые выставлялись коллекционерами в Иркутске в начале XX в.: «Ваш ответ на запрос о работах художника М. И. Пескова получил. Возможно, что в Иркутске можно найти и другие его работы. Я уже сообщал Вам, что на выставке “Старый Иркутск” (кажется, в 1914 г.) экспонировались два портрета его работы “Лаврентьевых” (из собрания Собакаре́ва). Возможно, что они и сейчас имеются в семье Собакаревых. Жена Собакарева урождённая Лаврентьева. Собакаревы жили где-то в районе улицы Желябова (б. Мало-Трапезниковая)» [5].

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. общество участвовало в важном процессе формирования художественной жизни Иркутской губернии, приобщении жителей к предметам изобразительного искусства. Эпистолярное наследие коллекционеров, которое сохранилось в архивах Иркутской области, дает возможность понять, как развивалась художественная жизнь в регионе.

1. Шахеров В. П. Роль купечества в становлении художественной жизни городов Байкальской Сибири в конце XVIII — XIX вв. // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения — 2020». Иркутск, 2020. С. 14–22.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 252. Л. 3.
3. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева (Архив ИОХМ). Личное дело М. Я. Лейбович. Л. 2.
4. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 10.
5. Архив ИОХМ. Личное дело А. Н. Турунова. Л. 5.

Научный руководитель — д-р ист. наук В. П. Шахеров

УДК 93/94

**Влияние М. М. Зензинова на революционную деятельность
В. М. Зензинова: взаимодействие отца и сына в контексте
становления личности революционера**

Ю. А. Цибулько

Новосибирский государственный университет

Формирование личности революционера — сложный процесс, обусловленный влиянием множества факторов. Принадлежность к революционной среде зачастую оборачивалась для революционера нелегальным положением. Но, несмотря на угрозу ареста и определенные трудности полуподпольного существования, множество людей в России начала XX века связало свою жизнь с революционной деятельностью. Таким человеком оказался и Владимир Михайлович Зензинов, видный представитель партии эсеров.

Становление В. М. Зензинова как революционера относится к периоду его обучения в университетах, с 1899 по 1904 гг. Именно тогда сложился круг его товарищей по будущей революционной деятельности, произошло его знакомство с представителями революционной среды, среди которых, согласно агентурным данным, Зензинов «пользовался значительным авторитетом» [1]. Безусловно, как окружение В. М. Зензинова, так и его пребывание в среде, близкой к революционной, сыграло значительную роль в его становлении на революционный путь. Однако не стоит забывать о влиянии на деятельность и взгляды В. М. Зензинова его отца — Михаила Михайловича Зензинова, коммерции советника и потомственного почетного гражданина. Было бы большим упрощением отрицать это влияние или сводить его только к воспитанию.

В гимназический и университетский периоды жизни В. М. Зензинова роль отца заключалась в создании и поддержании того психологического климата, в котором революционные задатки Зензинова смогли получить воплощение. В воспоминаниях 1953 года Владимир Михайлович пишет: «Я не скрывал от семьи своих политических убеждений, и мои родители знали, что я расту революционером. К этому они относились вполне терпимо, сами совершенно не интересуясь политикой» [2]. Поддержка сына-революционера отцом заметна и по действиям последнего в Охранном отделении, куда Зензиновы были вызваны зимой 1899 года. В. М. Зензинов вспоминал реакцию отца на слова жандарма о связях сына с заграничными революционерами: «Я не знаю, о чем вы говорите, но должен сказать, что я горжусь своим сыном!» [3].

Кроме того, влияние отца на В. М. Зензинова выразилось в практическом содействии революционной деятельности последнего. По сведениям жандармов, относящимся к 1910 году, «квартира Михаила Зензинова служит явкой для членов Центрального комитета партии соц.-рев.» [4]. Кроме того, в воспоминаниях В. М. Зензинов повествует о неоценимой помощи, оказанной отцом: накануне обыска в комнате сына отец помог ему спрятать собрание запрещенной литературы [5].

Влияние М. М. Зензинова на жизнь сына очень заметно в годы пребывания Владимира Михайловича в тюрьме и в ссылке. Согласно данным временно исполняющего обязанности коменданта Петропавловской крепости, Михаил Михайлович передавал находящемуся в заключении сыну деньги [6], а также интересовался его состоянием здоровья [7]. А в 1907 году после ареста В. М. Зензинова Михаил Михайлович обратился к П. А. Столыпину с ходатайством об освобождении сына из-под стражи [8], а затем — к С. В. Зубатову с ходатайством об отмене административной высылки сына в Якутию [9]. Эти обращения не дали результата. Но ходатайство на имя министра внутренних дел Н. А. Маклакова, поданное М. М. Зензиновым в 1914 году, позволило Владимиру Михайловичу покинуть Якутск на два с половиной месяца раньше срока окончания ссылки и избежать путешествия в суровых погодных условиях [10]. М. М. Зензинов, таким образом, оказывал поддержку В. М. Зензинову практически на протяжении всего его революционного пути.

С одной стороны, М. М. Зензинов повлиял на формирование В. М. Зензинова как революционера. С другой, он продолжил оказывать содействие В. М. Зензинову, когда тот уже состоялся как революционер. Существенная роль отца в жизни В. М. Зензинова позволяет дополнить представление о субкультуре российского революционера. Несмотря на то, что революционной среде была свойственна конспиративность и замкнутость, в жизни революционера оставалось место и связям с семьей.

1. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 50. Д. 52. Л. 14.
2. Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 60.
3. Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 61.
4. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 50. Д. 292. Л. 17 — 17 об.
5. Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 62.
6. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 207. Д. 1243. Л. 59.
7. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 207. Д. 1243. Л. 68 — 68 об.
8. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 146. Д. 591. Л. 2 — 3.
9. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 207. Д. 1243. Л. 4.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 207. Д. 1243. Л. 93.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. А. К. Кириллов

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

УДК 93/94

Административная высылка и ссылка в карательной политике Советского государства в первой половине 1920-х гг.

П. Е. Добрачев

Новосибирский государственный университет

Практика применения административной (политической) ссылки и высылки, имевшая дореволюционную традицию, оказалась востребованным репрессивным инструментом и в раннесоветском государстве, как испытанный способ внесудебной изоляции властью «социально опасных» (криминальных) и «антисоветских элементов» (политических) для себя и населения. Основное преимущество репрессии в административном порядке заключалось в ее упрощенном осуществлении, оперативности, надзорности и подотчетности карательных органов правительству [1, с. 206–208; 2, с. 28].

С 1918 г. организация политической ссылки и высылки находилась в ведении ВЧК. Изданная инструкция чрезвычайным комиссиям на местах предусматривала использование административных мер в «случае необходимости пресечения или прекращения незаконных действий...», поскольку ВЧК является «органом борьбы в острые моменты революции» [3, с. 172].

В связи с окончанием Гражданской войны ВЧК в феврале 1922 г. была преобразована в ГПУ при НКВД РСФСР. 10 августа 1922 г. Президиум ВЦИК утвердил положение «Об административной высылке», согласно которому была образована центральная специальная Комиссия при НКВД. Комиссия определяла место ссылки и закрепляла объект ссылки за местными отделами ГПУ [2, с. 29]. Стал вырисовываться статус ссыльного: он лишался избирательных прав, находился под надзором ГПУ, но имел право на совместное проживание со своей семьей. Максимальный срок ссылки равнялся трем годам [1, с. 213].

Последующий период стал временем расширения полномочий ОГПУ, получившего статус органа при союзном правительстве, в ходе которого ведомство получило возможность взять в свое ведение широкий круг «социально опасных» граждан. 28 марта 1924 г. ЦИК СССР было принято положение «О правах ОГПУ по части административных высылков, ссылок и заключения в концентрационный лагерь». Создавалось Особое совещание (ОСО) — внесудебный орган, устанавливающий ссылку, высылку и заключение в концлагерь в административном порядке под прокурорским надзором. ОСО состояло из трех членов Коллегии ОГПУ [1, с. 216]. Это положение очерчивало категории лиц, к которым должны применяться административные ссылка и высылка: причастные к государственным преступлениям; подозреваемые в контрабанде или в нелегальном переходе границы, а также их сообщники; спекулянты и те лица, которые связаны своей

деятельностью с иностранными организациями, не имеющими торгового характера; лица, подозреваемые в подделке денежных знаков и государственных бумаг [3, с. 179].

Также были созданы специальные органы в союзных республиках — особые совещания, в составе которых были члены ГПУ под председательством уполномоченного ОГПУ. Эти органы получали право на вынесение решений о ссылке и высылке в отношении следующих лиц в пределах союзной республики: подозреваемые в бандитизме и пособничестве бандитам; не занятые производственным трудом; рецидивисты [3, с. 179–180]. Положение ярко иллюстрирует признак «социальной опасности», согласно которому санкции могли применяться в «превентивном порядке» к подозреваемым, вина которых не доказана.

Летом 1924 г. в ЦИК было внесено предложение, устанавливающее районы административной ссылки. Всего в списке 10 субъектов СССР. Предложение закрепляло список мест, запрещенных для посещения высланным в административном порядке: приграничные губернии и губернские города в европейской части РСФСР. Летом 1924 г. вышел циркуляр, дополнявший положение ЦИК. Циркуляр устанавливал три категории высылки: с запретом на проживание в шести центральных городах и приграничной полосе; с запретом на проживание во всех 72 губернских городах; с указанием определенного пункта поселения по мнению обвиняемого [1, с. 217].

Таким образом, первая половина 1920-х гг. характеризовалась юридической регламентацией института административной ссылки и высылки. В результате законодательных мероприятий того времени административная ссылка и высылка поэтапно переходила в ведение ОГПУ. Первоначально закрепленные положением ВЦИК 1922 г. «Об административной высылке» принципы, предусматривавшие достаточно широкие функции контроля над чекистским ведомством со стороны органов юстиции, в дальнейшем фактически превращались в формальность. ОГПУ получило практически в свое полное распоряжение организацию и управление данным внесудебным репрессивным институтом.

1. Пинкин В. И. Ссылные. В кн.: Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск, 2004. С. 203–286.
2. Красильников С. А. Высылка и ссылка интеллигенции как элемент советской карательной политики (1920 — начало 1930-х гг.). В сб.: Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–1930-е гг.). Новосибирск, 1994. 210 с.
3. Лубянка. ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ 1917–1960. М., 1997.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 94(47)

Информационное сопровождение газетой «Известия» процесса Промпартии 1930 г.: аспекты пропаганды и контрпропаганды

А. Н. Конин

Новосибирский государственный университет

Процесс Промпартии, проходивший в Москве с 25 ноября по 7 декабря 1930 г., являлся вторым после Шахтинского, но в отличие от него носил полностью постановочный характер и представлял своего рода информационный конвейер, с которого стенограммы практически на следующий же день публиковались в «Известиях». На это «судилище» советское руководство возлагало большие надежды как на «острый инструмент» внешнеполитической пропаганды. За рубежом основную роль в распространении советской версии процесса играла леворадикальная, коммунистическая пресса, контролируемая структурами НКВД и Коминтерна. Центральной правительственной газете «Известия» в этой схеме отводилась двоякая функция. Издание выступало не только рупором внутривнутриполитической пропаганды, но и каналом контрпропаганды, публикуя на своих страницах краткие обзоры оценок зарубежных СМИ, освещавших ход процесса в своих странах.

Наше исследование материалов газеты «Известия» основано на логическом выделении двух рассматриваемых в издании фаз освещения процесса Промпартии: предпроцессная (июль — 24 ноября 1930 г.) и стадия проведения самого процесса (25 ноября — 7 декабря 1930 г.). Разработка газетной тематики предполагает выявление приоритетов, тенденций и динамики пропаганды, проводимой «Известиями». Среди специальных методов, использованных в работе, центральное место занимает широко распространенный в социологии метод контент-анализа, дающий возможность оперировать количественными данными при изучении массовых источников. Перевод качественной информации в количественные показатели позволяет системно (т. е. для каждой стадии) фиксировать, на какие благоприятные/неблагоприятные зарубежные публикации о процессе реагировала газета «Известия». Построение программы контент-анализа предполагает создание уникальной схемы символов. Благодаря их учету реконструируются приемы, с помощью которых газета лоббировала официальную версию процесса в полемике с иностранными журналистами. Для этого нами используется теория «языка власти» американского социолога политических коммуникаций Г. Лассуэлла.

В работе с материалами газеты предпочтение отдается сплошной выборке. В качестве единицы, позволяющей работать с выделяемыми категориями контент-анализа, рассматривается публикация. Для формирования параметров используется классификация политических символов, предложенная Г. Лассуэллом. Согласно его схеме, выделяются следующие символы: 1) «идентификация» (от кого — против кого), 2) «требования» (методы достижения целей), 3) «факты». Применительно к происхождению и содержанию публикаций зарубежных изданий о процессе в газете «Известия» схема

параметров выстроена следующим образом: 1) пресса, лоббирующая интересы политических сил (просоветская/профранцузская/прогерманская/англо-американская); 2) линии изоляции/консолидации вокруг СССР (от разрыва дипломатических отношений с СССР в одних изданиях до защиты «социалистического строительства в СССР» в других); 3) содержательная сторона процесса (процессуальные действия / справедливость суда / обоснованность фактов «вредительства» / подготовка интервенции против Советского Союза / советская милитаризация).

Данная программа позволяет реконструировать как идеологическую, так и техническую сторону информационного противоборства, которое вели «Известия», сделать вывод о тенденции к формированию стереотипа соединения врагов «внутренних и внешних». Осенью 1930 г. разгорелся демпинговый скандал, в котором был замешан СССР, что вело к росту антисоветских настроений за границей. Это создавало благоприятные условия для использования советской пропагандой военно-политического фактора (угрозы вероятной интервенции). Буржуазная пресса, напротив, руководствовалась мотивами, связанными главным образом с экономическими установками (ажитоаж западной печати против советского демпинга). При этом западная пресса акцентировала внимание и на росте милитаризации страны и на том, какую роль играли структуры Коминтерна в возникновении конфликтов и напряженности в западных странах. Процесс Промпартии в данном контексте важен как узловой в информационной и идеологической войне двух систем. Технически роль «Известий» в данной войне состояла в том, что газета использовалась в качестве платформы для «одобрения» просоветских действий или «нападок» на антисоветские издания. Одновременно газета расставляла для внутренней аудитории акценты в том, кто за границей выступает союзником страны, а кто — ее врагами.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 94(47).084.8-053.2

Школа в условиях нацистской оккупации

Г. В. Тихонов

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

Изначальный план нацистского вторжения не предполагал открытия школ на оккупированных территориях, однако после провала «Блицкрига» встала острая необходимость организации власти, способной обеспечить безопасность в тылу немецких войск в долгосрочной перспективе. Частью такого аппарата стала система образования, позволявшая взять под контроль несовершеннолетнее население оккупированных регионов [1]. На основе анализа личных дневников детей и подростков, прошедших оккупацию, был представлен взгляд на оккупационную школу «изнутри».

В условиях военного времени и главенства нацистской идеологии школьное образование было доступно не всем. Во-первых, образование не получали дети евреев [5; 8]. Во-вторых, обучение в школе предполагалось для несовершеннолетних в возрасте от 7 до 15 лет. В дневниках детей старше этого возраста упоминаний о школе не зафиксировано. В-третьих, школы либо закрывались или уничтожались в ходе бомбежек, либо не открывались вовсе [5; 9]. Посещение школ не всегда было желанным для самих детей и их родителей из-за преданности советской власти и ненависти к фашистскому режиму, из-за применения в школах телесных наказаний и из-за опасностей военного времени [2; 7]. Чтобы заставить население отправлять детей в школы, применяли систему штрафов, размер которых варьировался от 100 до 500 рублей [3].

Открытые школы сталкивались с тотальным дефицитом: не хватало учебников и канцелярских принадлежностей, учебных помещений, парт, стульев, письменных досок, специального оборудования [2; 3]. Все это уничтожалось в ходе боевых действий оккупантами и мирным населением. Перечисленные трудности варьировались от места к месту, например в крупных городах дела обстояли хорошо, занятия проводились регулярно и в полном объеме по сравнению с сельской местностью, где школы могли отсутствовать [5; 7]. Школы делились на начальные, обычные семиклассные и гимназии. В отдельных случаях открывались курсы среднего профессионального образования [2; 3; 5].

Учебный год начинался 1 сентября и предполагал каникулы с середины декабря до конца января. Школы разделяли по половому признаку для мальчиков и девочек, число учеников в классе доходило до 60–70 человек, учившихся в две или три смены [3; 9]. Вводилась шестидневная учебная неделя. В школе преподавали физику, химию, историю, естествознание, биологию, алгебру, геометрию, русский язык, рисование, пение, труд, физкультуру, географию, литературу, черчение, немецкий язык и Закон Божий. Оценка знаний производилась по пятибалльной системе [2; 3; 9]. Уроки проходили в очной форме, предполагалось домашнее задание. В конце года проводились итоговые испытания, к которым допускали всех, независимо от оценок, учитывая сложность об-

учения в сложившейся обстановке. Испытания включали в себя устные и письменные экзамены, тестовые задания, диктанты и изложения [3].

Власти привлекали школьников к принудительному труду для уборки улиц, строительства оборонительных сооружений, восстановления разрушенных коммуникаций и летних сельскохозяйственных работ [2; 3]. Также школа организовывала досуг: школьникам выдавались абонементы для посещения кино и театра, проводились новогодние елки [3; 9]. В репертуаре преобладали немецкие произведения. Важной особенностью оккупационной школы стала идеология, которую она продвигала. В школе висели портреты Гитлера, обучение ориентировалось на книгу Гитлера «Моя борьба»^{*} и на идеи других нацистских вождей. Детям преподавали Закон Божий и водили в храмы на молебны [2; 4].

Детские личные дневники свидетельствуют, что школа на оккупированной территории выполняла две функции: административную и идеологическую. С одной стороны, она ставила под контроль большое число детского нетрудоспособного населения (до 14 лет), не допуская бродяжничества и хулиганства, с другой, через нее велась активная идеологическая пропаганда [5]. Возможность заниматься была не у всех, а открытые школы испытывали различные трудности в организации учебного процесса. В своих дневниках дети часто сетовали на скуку и отсутствие возможности получения школьного образования [6; 8; 9].

1. Алексеев А. А. Социальная история великой Отечественной войны. Проблема «Дети войны». Особенности в условиях оккупации // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. № 6 (1). С. 16–20.
2. Анонимный дневник из Старого Оскола [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/927>
3. Борисенко В. Ф. Дневник [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/101>
4. Долженко В. И. Дневник [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/133>
5. Кринко Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2 (23). С. 40–50.
6. Кузнецова М. Г. Дневник [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/1249>
7. Листопадов А. Е. Дневник [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/1766>
8. Ржандзинский Л. Н. Дневники [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/2760>
9. Хабарова З. А. Дневник [Электронный ресурс]. <https://prozhito.org/person/73>

Научный руководитель — канд. ист. наук., доц. О. А. Лихарева

^{*} Входит в список материалов, признанных экстремистскими в РФ.

УДК 94

Использование дела «врангелевского офицера» в конструировании образов Л. Д. Троцкого осенью 1927 года

В. А. Фисюков

Новосибирский государственный университет

Осенью 1927 года разворачивается заключительная фаза противоборства объединенной оппозиции и фракции сталинского большинства. Это период максимальной мобилизации административного ресурса для идеологического и организационного подавления сторонников Троцкого и Зиновьева.

3 сентября тринадцать членов оппозиции представили «Платформу большевиков-ленинцев к XV съезду ВКП(б)» на рассмотрение в ЦК. После вполне закономерного запрета публикации этот документ начал распространяться нелегально, в первую очередь с помощью подпольной типографии. Уже в ночь с 12 на 13 сентября сотрудники ОГПУ ее раскрыли, организаторов обвинили в связях с контрреволюционными силами и подготовке вооруженного переворота. Центральными фигурами были объявлены некий Тверской и «врангелевский офицер», оказавшийся агентом ОГПУ, который дал сомнительные показания, что он из третьих уст «под большим секретом» узнал о готовящемся военном заговоре под руководством Л. Д. Троцкого и С. С. Каменева.

Цель работы — классификация методов, применяемых фракцией большинства для дискредитации фигуры Л. Д. Троцкого в восприятии рядовых партийцев. Для этого необходимо:

- 1) определить, какие образы Троцкого конструируются в ходе полемики;
- 2) рассмотреть семантический контекст упоминаний связи оппозиции с «врангелевским офицером»;
- 3) проанализировать риторику военного заговора как структурного элемента технологии репрессивного забвения фигуры Троцкого.

Источниковой основой исследования служат, во-первых, публикации журнала «Большевик» и газеты «Правда», весьма односторонне упоминающие эти резонансные события. Во-вторых, стенограмма Объединенного пленума ЦК и ЦКК 21–23 октября 1927 г., содержащая множество комментариев разных партийцев по поводу «врангелевского офицера» и пространный доклад председателя ОГПУ В. Р. Менжинского с подробностями этого дела. Наконец, привлечены публицистические произведения и официальные обращения как Л. Д. Троцкого, так и других оппозиционеров касательно обвинений их в связях с «белогвардейским подпольем».

Методология работы представлена в виде поэтапной смены теоретических оптик:

- Разбор текстов с использованием подходов критического дискурса-анализа Т. ван Дейка, применяемых им при изучении публикаций в СМИ и выступлений политиков:

- 1) анализ построения заголовков в «Правде» и «Большевике»;

2) выделение семантических уловок и закладываемых в слова и выражения ассоциаций;

3) учет политического контекста выступлений ораторов на заседаниях Объединенного пленума и паттернов доступа к дискурсу (кому посвящаются статьи и речи, степень представленности альтернативных позиций, кто и какой стиль может себе позволить и т. д.);

4) выявление способов репрезентации «нас» (фракции большинства) и «их» (объединенной оппозиции) с помощью расстановки положительных и негативных акцентов.

• Последующее рассмотрение источников при помощи элементов, выделенных после сравнительного анализа типологий забвения А. Ассман, П. Коннертона и Д. Шектера:

1) отрицание — акцентирование сугубо негативных свойств персоналии;

2) нейтрализация — понижение значимости личности в результате ее музеализации, маргинализации или же историзации;

3) действия агентов структурного насилия — учреждений, ограничивающих обращение к общественным и культурным ресурсам;

4) конструирование или же стирание исторического разрыва между прошлым и настоящим;

5) стереотипизация — упрощение социальной реальности путем навешивания ярлыков.

• Анализ Л. Д. Троцкого как «места памяти»: выделение доминирующих в дискурсе репрезентаций, определение конкретных случаев и целей использования его образов разными сторонами в ходе политической борьбы.

Комплексный анализ использования дела «врангелевского офицера» в качестве политического инструмента вкупе с постоянной артикуляцией возможности военного переворота под руководством Троцкого демонстрирует, с одной стороны, сохранение «бонапартистских» опасений в рядах фракции большинства и, с другой, предстает очередным звеном в цепи крупномасштабного перехода от селективного (вполне естественного «фильтра» воспоминаний, существующего в любом обществе) к репрессивному забвению — перманентному «очернению» той или иной личности с применением гибких интерпретаций событий прошлого.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 94(47).084.3

Рыбинское антибольшевистское восстание 1918 г.

С. Д. Цыплаков

Новосибирский государственный педагогический университет

В докладе рассматривается история Рыбинского антибольшевистского восстания. Тема актуальна для отечественной истории и недостаточно детально освещена в исторической науке. Организованное в июле 1918 г. отделением «Союза защиты Родины и свободы», данное восстание в миниатюре повторило будущую судьбу Белого движения в России. Доклад вносит дополнительный вклад в понимание важных событий гражданской войны. Знания о сопротивлении установлению власти большевиков востребованы для понимания многовекторных процессов новейшей истории нашей страны.

Обозначенное в теме восстание связано с выступлениями в городах, расположенных вокруг Москвы, к организации которых приложил усилия бывший боевик-эсер Борис Савинков. Для выступлений намечались города Ярославль, Муром и Рыбинск, они должны были стать очагами борьбы с новообразованной советской властью. Восстание в Рыбинске должно было выделяться в череде этих восстаний, так как здесь находились артиллерийские запасы, оставшиеся еще с царских времен и уже использующиеся для формирования шестой Красной армии. По плану Бориса Савинкова, начавшееся 6 июля 1918 года восстание в Ярославле должно было оттянуть силы Красной армии из Рыбинска и позволить захватить запасы, столь нужные легковооруженным восставшим. В те дни в городе находилось около четырехсот хорошо подготовленных офицеров, завербованных в «Союз защиты Родины и Свободы». Полковник А. П. Перхуров, руководитель ярославского восстания, в своих воспоминаниях отмечал, что «уверенность в успехе рыбинского выступления... была полная» [3, с. 46].

Однако ожидания руководителей восстания не оправдались. Старший следователь ЧК, Н. П. Кустов в докладной записке писал: «рыбинскому ЧК удалось раскрыть план готовящегося выступления. За несколько часов до восстания мы арестовали в селе Ивановском, близ Рыбинска, группу вооруженных заговорщиков. В ходе операции в наши руки попали секретные документы участников восстания. В документах определялась дата начала выступления — 8 июля (3 часа утра), и был составлен подробный план предполагаемых действий» [2, с. 29]. В документах значилось, что восставшие надеялись занять артиллерийские склады, караульное помещение, почту, телеграф, телефон, банк и железнодорожный вокзал, разгромить Совдеп и ЧК, арестовать руководителей большевистской организации и Союза молодежи «III Интернационал».

После раскрытия плана восстания все советские воинские части Рыбинска были подняты по тревоге и приведены в полную боевую готовность. Почти все отряды восставших оказались заблокированными в местах сбора. По этой причине они так и не смогли развернуться для наступления. Однако отряд, которым руководил лично Борис

Савинков, в 3 часа утра 8 июля все же начал действовать. Восставшим удалось захватить Мыркинские военные казармы, в которых находились пять пулеметов, винтовки и патроны к ним. Далее восставшие захватили здание бывшего коммерческого училища и двинулись к артиллерийским складам, латышские стрелки и рабочие отряды вступили в бой с повстанцами и остановили наступление восставших ружейным и пулеметным огнем. Понимая безнадежность своего положения, Борис Савинков вместе со своим отрядом отошел к железнодорожному вокзалу. Далее им удалось вырваться из окружения и отступить за Волгу.

10 июля из Рыбинска в Москву телеграфировали, что «в городе все спокойно». «Красная газета» сообщила, что «выступление белогвардейцев, не поддержанное населением, быстро подавлено, захваченных мятежников расстреливают. В городе наступает успокоение. После подавления восстания на буржуазию Рыбинска была наложена контрибуция в размере 5 миллионов рублей» [1, с. 46].

Таким образом, восстание было подавлено в зародыше. Анализ событий позволяет выделить основные причины поражения восстания: 1) слабая согласованность действий отделений савинковского «Союза», поднятые «Союзом» восстания возникали и гасли поодиночке; 2) отсутствие поддержки со стороны широких слоев населения; 3) недостаток вооружения у повстанцев, у которых до захвата Мыркинских казарм оружие отсутствовало почти полностью; 4) энергичные действия сторонников большевиков, которые сумели предотвратить крупное выступление.

1. Конец мятежа в Рыбинске // Красная газета. 1918. 13 июля. С. 6
2. Кидяров А. Е. Рыбинское восстание 1918 г. // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 5. С. 29–30.
3. Кидяров А. Е. Ярославский мятеж 1918 года в воспоминаниях очевидцев // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. 2009. № 5. С. 46–47.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. В. Г. Зеляк

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ В XX – НАЧАЛЕ XXI В.

УДК 93/94

Идеологические кампании КПСС как инструмент воздействия на сферу культуры г. Новосибирска в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Н.С. Андросова

Новосибирский государственный университет

К концу 1960-х гг. в области культурной политики партийное государство усиливает контроль за идеологическим уровнем художественных произведений. Следует выделить в данном ряду две крупные кампании, одна из которых ставила целью повышение персональной ответственности руководителей учреждений культуры за идейно-политический уровень публикуемых материалов (1969 г.) и другая, направленная на наращивание критики художественных произведений на партийных собраниях учреждений культуры и в печатных изданиях (1972 г.).

7 января 1969 года ЦК КПСС издал постановление, согласно которому роль органов печати, радио, телевидения, учреждений культуры и искусства признавалась ЦК КПСС важнейшей «в условиях обострения идеологической борьбы капитализма и социализма», и руководителям всех этих организаций вменялось в вину невнимание к выходу слабых в идейном отношении произведений искусства.

В план мероприятий Новосибирского обкома партии по выполнению постановления входило проведение в коллективе работы по повышению идейно-политического уровня, поднятие уровня воспитательной работы, повышение ответственности худсовета при оценке произведений и пр. Значительная часть мер касалась отделения Союза художников, что связано, вероятно, с часто отмечавшейся инструкторами обкома слабой дисциплиной ее членов и в целом недостаточно организованной партийной работой.

В рамках кампании «достойной встречи столетия со дня рождения В.И. Ленина» парторганы поощряли активное сотрудничество учреждений культуры с заводами Новосибирска, инициированное обращением ленинградских рабочих к творческой интеллигенции. Рабочих начали включать в составы худсоветов театров, увеличилось количество выступлений артистов на предприятиях. Утверждалось, что посещение артистами заводов послужит лучшему проникновению творческой интеллигенции в жизнь рабочего класса, о котором ставятся спектакли.

В справке о ходе выполнения январского постановления ЦК 1969 г. Западносибирской студией кинохроники отмечалось, что теперь в практику работы вошло согласование тем и сценариев с местными партийными организациями, а также озвучивание фильмов только после показа комиссии [1]. В апреле 1969 г. Новосибирское отделение Союза писателей просило обком КПСС поддержать ходатайство главного редактора

журнала «Сибирские Огни» А. Смердова, в котором он, опираясь на необходимость выполнения постановления ЦК и сетуя на возросшую ответственность редакции, просил решить вопрос о расширении ее штата [2].

Вторая идеологическая кампания берет свое начало из первой. Уже в плане мероприятий Новосибирского обкома по выполнению вышеупомянутого постановления содержался пункт о необходимости усилить критику недостатков в работе Союза художников и отделения художественного фонда. В июне 1969 года на отчетном собрании Сибирского отделения Союза композиторов РСФСР музыковед А. М. Айзенштадт и художественный руководитель филармонии Т. Л. Поляков высказывались о необходимости написания критических статей в газетах для действительной оценки работы музыкантов и повышения интереса к музыкальной жизни.

В 1972 году после постановления ЦК от 21 января «О литературно-художественной критике» данная кампания охватила все учреждения культуры Новосибирска. Она была направлена на усиление критики художественных произведений писателей, художников, композиторов, а также спектаклей театров, концертных программ и фильмов, как на партийных собраниях учреждений культуры, так и на страницах местных газет.

В справке о работе Центрального райкома партии Новосибирска с творческой интеллигенцией в 1971–1972 гг. отмечалось, что воспитательная работа в ряде организаций (в частности, ВТО) не налажена, критиковались руководители парторганизаций филармонии и ТЮЗа, угасающим назван интерес к сотрудничеству творческих коллективов с коллективами заводов, нетерпимыми к критике и грубыми названы директора театрального училища и филармонии [3].

Результативность названных идеологических кампаний была невелика, о чем свидетельствовали изложенные в справках инструкторов обкома проблемы, считавшиеся «хроническими». Наибольшие затруднения для творческой интеллигенции вызывал, как правило, директивный надзор над идейной стороной художественных произведений, отчасти перелавившийся на плечи партийных структур самих организаций.

1. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 69. Д. 139. Л. 93–94.
2. Там же. Д. 121. Л. 10–13.
3. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 75. Д. 209. Л. 34–49.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 94(47)

Эволюция избирательного статуса торговцев в период проведения кампании лишения (1918–1936 гг.)

А. А. Кожаева

Новосибирский государственный университет

Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., стала отправной точкой для проведения кампании лишения, ставшей самой массовой дискриминационной кампанией в истории СССР. Реальной целью кампании лишения являлось стремление советской власти исключить самостоятельные слои населения (кулачество, священнослужители, буржуазные спецы, торговцы, предприниматели и пр.) из жизни постреволюционного общества. Дискриминация в виде лишения избирательных прав ставила лишенцев на грань выживания, поскольку сопровождалась ограничениями в различных сферах жизни (исключение из различных кооперативов, запреты в сфере образования, службы в Красной армии, потеря работы и др.).

В данной работе рассматривается эволюция избирательного статуса одной из самых массовых категорий лишенцев — частных торговцев — на протяжении 1918–1936 гг. По мнению автора, на положение указанной категории влияли приоритеты государственной политики, формировавшиеся на основе действия различных факторов: обстановки внутри страны и за ее пределами, позиции руководителей партии в определении ближайших и перспективных политических, экономических и других задач.

Лишение избирательных прав частных торговцев наряду с некоторыми другими категориями, закрепленное в пункте «в» 65 статьи Конституции РСФСР 1918 г. и действовавшее в последующих конституционных законах вплоть до своей отмены в Конституции СССР 1936 г., занимало важное место в советском электоральном процессе. Для этого потребовалось конкретизировать нормы и практику применения лишения, которые фиксировались в регулярно обновлявшихся инструкциях о выборах/перевыборах городских и сельских советов.

Анализ инструкций позволяет выделить несколько важных проблем, касающихся положения торговцев. В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие характеристики границ самой категории «частный торговец», т. е. фактически не был оговорен размер допустимой торговли, что трактовалось местными властями расширительно как запрет любой торговли. Таким образом, избирательных прав лишались как торговавшие по патентам четвертого и пятого разрядов (крупные торговцы, оптовики), так и лица, ведущие торговлю по первым трем разрядам (торговавшие с рук, мелкие лавочники), а также беспатентные торговцы, различий между торговцами и торговавшими в силу различных причин гражданами не ставилось.

Наряду с этим избирательные инструкции отражали и трансформацию проводимой властью политики в отношении торговцев в различные периоды. Так, смягчение экономической политики в годы НЭПа повлияло и на правовые возможности торговцев.

В частности, в циркулярном разъяснении к Инструкции 1922 г. о выборах в Советы у торговцев появилась возможность не только обжаловать постановление о собственном «лишении» (что было доступно и в прежних инструкциях), но и добиться восстановления в избирательных правах (кроме них такая возможность была только у категории эксплуататоров и предпринимателей). Для правового восстановления требовалось предоставить удостоверение от фабрично-заводских комитетов о прекращении занятий торговлей.

Инструкция 1925 г. предоставила избирательные права торговцам первого разряда (торговля вразнос). Однако уже в 1926 г. либерализация была свернута, что выразилось в лишении вновь избирательных прав всех торговцев вне зависимости от разряда, а также в усложнении процедуры восстановления в избирательных правах. Так, согласно Инструкции 1926 г., торговцам, желавшим добиться восстановления, недостаточно было прекратить свою деятельность и доказать лояльность власти, теперь необходимым условием снятия дискриминации становилось наличие пятилетнего трудового стажа. Последнее затруднялось тем, что право на иные формы труда для большинства торговцев на практике либо затруднялось, либо полностью блокировалось.

Данные обстоятельства отразились в ходатайствах о восстановлении в избирательных правах лишенцев-торговцев, где те описывали характер собственной торговой деятельности. Лишенцы, особенно сельские, ссылались либо на вынужденный характер торговли (из-за неурожая, многодетности, невозможности найти другую работу и т. д.), либо на собственное незнание законодательства о торговле, которому были свойственны некоторые колебания.

Конституция СССР 1936 г., провозгласившая победу социализма, стала окончанием кампании лишенчества, исключив упоминания почти обо всех категориях лишенцев (кроме умалишенных и душевнобольных), в том числе и торговцах. Однако укоренившаяся за почти два десятилетия боязнь быть наказанными за самостоятельную торговлю позволяет говорить о том, что данная кампания достигла своей главной цели — обеспечение контроля над социально и экономическими группами граждан через дисциплинирование страхом.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 93/94

Интерпретация советского изобразительного искусства авторами и «рядовым зрителем» периода «оттепели» в Сибири

С. А. Кононова

Новосибирский государственный университет

Период «оттепели» представляет особый интерес с точки зрения трансформации советского изобразительного искусства, вступившего в неоднозначное взаимодействие с западным. На годы «хрущевского десятилетия» приходится проявление разнонаправленных тенденций, первая из которых представлена официальной реакцией на возникшее новаторство в форме кампаний по борьбе с абстракционизмом и «формализмом». Вторая выражалась в потеснении «сурового стиля», отходоу от канонов соцреализма.

Региональная специфика проявлялась в том, что расширение художественного кругозора зрительской и читательской аудитории происходило здесь более опосредованно и с опозданием в сравнении со столичной. Молодежь получала информацию из выходящих с середины 1950-х гг. журналов «Иностранная литература», «Юность» и из художественных изданий Восточной Европы. В самом искусстве региона наблюдались поиски способов преодоления стереотипного официоза, а в дальнейшем и переход от открытой декларативности и публицистичности «сурового стиля» к стилю более неформальному. Подъем изобразительного искусства здесь происходил за счет обновления творческих коллективов, так как для региона характерны миграционные процессы: в 1950-х гг. в Сибирь устремилась активная творческая молодежь, окончившая столичные вузы. Этому способствовало создание Союза художников РСФСР и территориальных зон в республике, что сыграло исключительную роль в оживлении работы на периферии. В середине 1960-х гг. в Сибири существовало восемь отделений СХ РСФСР. [1]. Таким образом, обозначается подъем в коммуникации советского мира искусств с аудиторией. В повседневной жизни изобразительное искусство стало более доступным для рядового зрителя по сравнению с другими видами искусств.

Неофициальное искусство художников на периферии не противопоставлялось официальному столь же выражено, как в центре. Однако новаторство также встречало сопротивление властей и подвергалось наиболее строгой эстетической и политической цензуре [2]. В то же время на восприятии картин рядовым зрителем не могли не отразиться изменения в молодежном менталитете, происходившие под влиянием западной культуры. После фестиваля 1957 г. и событий в Манеже в 1962 г. для значительной части молодежи враждебные представления о Западе ушли на второй план, наряду с подражанием западным образцам появились прозападнические ценности, такие как индивидуализм и нонконформизм. Таким образом, ситуация вокруг творческих поисков молодых авторов стала более напряженной, идеологически насыщенной. На них посыпались обвинения в подражании «незрелому искусству Запада», а в новаторских поис-

ках молодежи постоянно выискивали «происки абстракционизма». Однако поисковую тенденцию в отечественном искусстве прервать было невозможно: нонконформисты 1950–1960-х гг. шли в русле абстрактного, сюрреалистического и экспрессионистического направлений.

Проходивший в 1960 г. Съезд Союза художников РСФСР продолжал декларировать верность принципам партийности, народности и реализма отечественного искусства, призывал вести борьбу против любых проявлений буржуазной идеологии в искусстве, настойчивее выступать против формализма и т. д., что отразилось не только на взаимоотношениях региональных отделений Союза художников — в том числе и новосибирского — с властью, но и сказалось на отношениях между художниками [3]. Фактически же само официальное искусство уже не являлось сплоченным, в нем уживались разные образы [4].

Таким образом, и в Сибири периода «оттепели» наблюдается сложный период становления нового направления художественной культуры со своей спецификой. Происходит дифференциация не только между официальными и неформальными авторскими интерпретациями художественных произведений, но и внутри зрительской аудитории, где все более активным оценщиком выступала такая группа населения, как молодежь, восприимчивая к мировым культурным ценностям.

1. Бабилова Т. В. Становление новой культуры Сибири 1960-х гг. и художественное образование // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. С. 132.
2. Бабилова Т. В. «Неофициальное» советское искусство Сибири. Екатеринбург, 2015. С. 138.
3. Муратов П. Д. Союз художников РСФСР. Новосибирск, 2012. С. 178.
4. Круглова Т. А. Структура поля советской художественной культуры в период с 1945 г. до конца 1960-х гг.: к вопросу об условности границ между официальным и неофициальным искусством. Екатеринбург, 2015. С. 105.

Научный руководитель — д-р. ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 93/94

Женский вопрос в доктринальных представлениях большевизма 1920-х годов

Я. Р. Корникова

Новосибирский государственный университет

Двадцатые годы XX века в СССР характеризуются временем государственного эксперимента в сфере поло-ролевых и брачно-семейных отношений. Задача партийного государства состояла в формировании системы социальных взаимодействий между полами, организованной по формальным и неформальным правилам, способной служить политическим и социально-экономическим интересам институтов власти. Данная система формировалась «сверху» и в обществе складывалась на разных уровнях: от институционального и идеологического до повседневного. При этом существовало понимание того, что работа с женской частью населения требовала больших усилий. Женщины в своей массе воспринимались властью основным носителем традиционных патриархальных установок, «отсталым элементом». Как большевистские лидеры предполагали решить проблему социализации женщин и их встраивания в структуру нового раннесоветского общества?

Данный вопрос лежит в области гендерной истории, где рассматривается формирование и функционирование системы отношений, стратифицирующих общество по половому признаку, когда личностные характеристики и поведенческие стратегии, характеризующиеся как «мужские» и «женские», являются социальным конструктом. Нами отмечается особая роль государственной власти в процессе формирования гендерных стереотипов. Согласно применяемому подходу, гендер конструируется в рамках определенных властных дискурсов, что сочетается со взглядами Мишеля Фуко, рассматривавшего власть как дисциплинирующую силу, управляющую своими гражданами с помощью идеологии и организации системы знаний в различных сферах, в том числе гендерной.

В дискурсе власти выделены два основных структурных элемента: нормативные и нормализующие суждения. Адаптируя данный подход к цели нашего исследования, под нормативными суждениями мы понимаем официальные директивные документы партии, правовые акты разного уровня и работы теоретиков большевизма. Нормализующие суждения носят разъясняющий характер и находят свое выражение в официальных СМИ, в агитации и пропаганде и т. д. В центре работы находятся именно нормативные суждения, анализ теоретических положений партийно-советской политики в отношении женского населения страны в 1920-х годах. Соответственно, при работе с подобными источниками необходимо применять метод дискурс-анализа, позволяющий достоверно интерпретировать тексты с учетом общественно-политических и культурно-исторических условий 1920-х годов.

Главными отечественными теоретиками, работавшими с проблемой эмансипации женского населения, выступали Н. К. Крупская и А. М. Коллонтай. Надежда Констан-

тиновна еще в 1899 году написала брошюру «Женщина-работница», которая в дальнейшем множество раз переиздавалась. До выхода журнала «Работница» в 1914 г. брошюра являлась единственным изданием большевиков, адресованным женщинам. Не менее важны теоретические положения, разработанные Александрой Коллонтай, в которых она обосновывает необходимость идеологической и пропагандистской работы среди женщин. В своих основополагающих работах («Социальные основы женского вопроса» 1909 г. и «Общество и материнство» 1916 г.) Коллонтай не просто рассматривает решение женского вопроса как набор формальных мероприятий, а стремится разобраться в психологических особенностях данной проблемы. Важно уточнить, что изложенные в перечисленных работах идеи заняли доминирующее положение в дискурсе власти в раннесоветском обществе, несмотря на то, что они были написаны еще в конце XIX — начале XX в.

Двадцатые годы стали начальным этапом формирования советского гендерного порядка: это время поисков и противоречий, объясняющихся дискуссией внутри партии вокруг путей решения женского вопроса. Следует отметить, что женский вопрос, осознанный как политическая, социальная и культурная проблема еще в дореволюционное время, был значительно переформулирован новой властью в контексте своих нужд. В дискурсе отмечались как репродуктивно-биологические, так и социально-политические отличия между мужчинами и женщинами.

В ходе проведенного анализа доктринальных источников нами сделаны следующие предварительные заключения: находившаяся в стадии своего становления советская гендерная доктрина 1920-х годов определяла женщин как особую категорию граждан, которая, с одной стороны, являлась «отсталым элементом», а с другой — потенциально активной силой, союзником нового строя. Делался вывод о необходимости направленного и разнообразного государственного воздействия на данную категорию населения. Наиболее эффективными инструментами работы, согласно доктрине, являлись политическая мобилизация женского населения, прежде всего молодежной возрастной когорты, и дефамилиализация, результаты которых оказались весьма неоднозначными.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 271.22

Взаимодействие старообрядческого сообщества и государственных институтов в Туве в 1970–1980 гг.

К. С. Пастухов

Томский государственный университет

Старообрядческие поселения в Туве во второй половине XX века представляли собой сложное социокультурное сообщество, в непростых условиях стремящееся сохранить и поддержать свое конфессиональное ядро. Они преимущественно находились в труднодоступных районах или в верховьях горных рек, и их жители старались не смешиваться с прочим населением, как русским, так и коренным.

Хозяйственная деятельность носителей старой веры была основана на сочетании традиционных промыслов — охоты, рыболовства, пчеловодства — с разведением скота, земледелием и огородничеством. Освоив эти территории еще в конце XIX века, старообрядцы стремились сохранить традиционные индивидуальные формы хозяйственной жизни и после начала коллективизации [2, с. 76].

Советская власть стремилась контролировать даже отдаленные районы, что диктовалось прежде всего особенностями плановой экономической политики. Контроль был необходим как в экономическом, так и идейно-политическом смысле. Старообрядцы зачастую не желали встраиваться в государственные хозяйственные институты. В тех случаях, когда они были вынуждены становиться частью советского экономического пространства, это происходило без явного энтузиазма и присущей им трудовой активности [1].

Основным источником информации для рассмотрения этих вопросов стали полевые материалы, полученные автором в ходе экспедиции 2021 года в села Эржей и Сизим Каа-Хемского района Республики Тыва, в том числе беседы с Савелием Зиновеевичем Бахаревым, проработавшим начальником Коопзверопромхоза 18 лет. В совокупности эти данные позволяют охарактеризовать особенности социокультурной ситуации, сложившейся в Туве в 1970–1980-х гг., когда староверы сел Эржей и Сизим стали относительно добровольно вступать в разные «союзы» — зверопромхоз, лесхоз, находящиеся под управлением советских институтов.

Духовный лидер староверов часовенного согласия о. Симеон (Лаптев) тщательно обосновал пагубность для старовера «любезного приема артелей союзных». Он писал: «Мы должны с ней бороться и, как можно, ее разрушать. А мы, напротив, даем ей денег, чрез которые она более возрастает. Ведь ясно, что артели устроены через умышление дьявола и служат в его пользу» [3, с. 167]. Необходимость работать в праздничные и воскресные дни, состоять на учете, то есть «в записи», неизбежное общение с еретиками — вот те веские причины, которые должны были останавливать староверов от вступления в любые кооперативные объединения. И эта система запретов работала порой лучше, чем давление и угрозы со стороны государственных институтов.

По словам С.З. Бахарева, образованный в 1968 году Коопзверопромхоз первоначально испытывал немалые организационные трудности из-за нежелания старообрядцев вступать в него: «Мужики собирают орехи, а сдавать никто не хочет. А что, сидят пару человек у костра, спят. Чтобы работали люди, нужно создать условия, чтобы человек пришел туда, где было ночевать, было оборудование». Пришлось повысить цены на сдаваемую продукцию, создавать минимальную инфраструктуру. В случае взаимовыгодных условий между старообрядцами и официальными органами могла быть достигнута негласная договоренность.

В результате сложилась неофициальная система, в которой соблюдение духовных запретов для старообрядцев сочеталось с необходимостью принимать условия и требования государственных институтов. Это приводило к усилению обмирщения, расшатыванию крепких конфессиональных основ. Но в то же время сохранность старообрядческих общин как центров конфессиональной жизни в Туве до наших дней является свидетельством высокой адаптивности старообрядческой социокультурной системы в длительной временной перспективе.

1. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.) / под ред. В. В. Керова. Томск : Изд-во Томского университета, 2007. 414 с.
2. Любимова Г. В., Стороженко А. А. Траектория жизненного пути в этнокультурном ландшафте енисейских старообрядцев (материалы к биографии К. И. Юрковой) // Новые исследования Тувы, 2021. № 3. С. 75–89.
3. О. Симеон. На союзы // Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / подг. Н. Н. Покровским, Н. С. Гурьяновой, Н. Д. Зольниковой и др. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. С. 159–169.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. Е. Е. Дутчак

УДК 93/94

Трансформация партийной политики в отношении технической интеллигенции в конце 1920-х гг.

А. Р. Силантьева

Новосибирский государственный университет

Центральной задачей партийной власти являлось укрепление своей гегемонии под знаком «диктатуры пролетариата» в стране с преимущественно непролетарским, аграрным населением, что предполагало завоевание доверия и расширения поддержки со стороны групп рабочих. Решение ее предусматривало учет запросов и интересов самих рабочих, наделение их преференциями политического, экономического и социального характера — не только реальными, но и иллюзорными. К концу 1920-х гг. недовольство рабочих масс своим реальным положением вызвало у власти потребность в том, чтобы канализировать социальную напряженность в относительно безопасное русло, инициировав совместную с рабочими выявление и борьбу с «вредительством старой интеллигенции».

Проведение в Москве ряда открытых судебных процессов (Шахтинского (1928), Промпартии (1930), Меншевистского (1931)) [1] означало не только наличие кризисных явлений внутри государства, но и стремление власти использовать их для укрепления своей легитимности, доверия рабочих. Сами корни конфликтов лежали в противоречиях между социалистической идеологией и пропагандой и реальностью социально-трудовых отношений, мало изменившихся по сравнению с дореволюционными, между рабочей массой и управленцами, в число которых функционально входила техническая интеллигенция. Ситуацию усугубляло пополнение рядов управленцев из числа «бывших», в том числе ранее входивших в состав владельцев, управлявших производством. Все это приводило к сохранению ролевых отношений «подчиненный — рабочий» на производстве и появлению ассоциаций в сознании рабочих инженеров с эксплуататорскими слоями, что не могло не вызывать социального протеста со стороны рабочего класса. [2, с. 127] Все эти явления и стали причинами воспроизводства дореволюционного феномена «спецеества» и наполнения его новыми смыслами.

В то же время данные явления были спровоцированы не только внутренними проблемами рабочей среды, но и тем, что сама «новая» власть формировалась в основных своих звеньях в большинстве своем из выходцев из в прошлом маргинальной среды, с недоверием относившихся к «буржуазным спецам». Прибегая к лозунгам «дальнейшего обострения классовой борьбы», партийная номенклатура стремилась к повышению уровня массовой социальной мобилизации, участия населения в реализации грандиозных проектов власти, создавая образ внутреннего врага, который действует скрытно, и тем самым опаснее врага внешнего, «сравливая» определенные группы населения между собой. [2, с. 139–140]

Вышеупомянутые рассуждения касаются только «естественных» причин воспроизводства в советское время феноменов «спецеинства» и «интеллигентофобии». Однако, по мнению ряда авторов, упомянутые явления имели дуалистический характер, то есть сочетали в себе естественные и искусственные причины. В научной литературе довольно подробно описан механизм перерастания рядового следственного дела ОГПУ 1927 г. в громкий политический Шахтинский процесс, то есть его инициирование и направление в «нужную» сторону было организовано именно властными структурами. Но в чем причина этой резкой заинтересованности номенклатуры рядовым на тот момент делом? Существует мнение, что сообщение о «крупном заговоре», который выходил за рамки регионального масштаба и касался членов ВСНХ, спровоцировало конфликт внутри большевистского руководства. То есть Шахтинский процесс, первое дело в триаде «вредительских» процессов, стал инструментом в политической номенклатурной борьбе, в которой и рабочие и «спецы» оказывались «расходными» материалами [1, с. 77–82].

Таким образом, партийная политика, проводимая в отношении технической интеллигенции, имела различную природу: как естественную, так и искусственно созданную. Формами проявления выступали не только политически мотивированные заказные процессы против определенных лиц или групп специалистов, но и негласное санкционирование и поощрение антиинтеллигентских настроений и действий не только внутри производственной сферы, но и в целом в раннесоветском обществе.

1. Красильников С. А. Советские судебные политические процессы в 1920 — 1930-е гг.: причины, организация, последствия. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. 300 с.
2. Пыстина Л. И. Спецеинство в Сибири в 20-е годы // Дискриминация интеллигенции в послереволюционной Сибири (1920–30-е гг.). Новосибирск, 1994. С. 122–150.

Научный руководитель — д-р. ист. наук, проф. С. А. Красильников

УДК 929.52

Некоторые аспекты методологии изучения истории семьи в современной исторической науке

О. В. Черкасова

Кузбасский гуманитарно-педагогический институт КемГУ,
Новокузнецк

Исследования, посвященные изучению истории своей семьи, в современном обществе имеют огромную популярность как в системе образования, так и в научной среде. Несмотря на это, в генеалогических изысканиях все еще приходится сталкиваться с проблемой отсутствия четко проработанной методологии. Это создает дополнительные трудности в сфере образования, связанные с отсутствием методики написания проектно-исследовательских работ учащихся по истории семьи.

В науке существует два подхода к определению истории семьи: социологический, в рамках которого это понятие трактуется как взаимодействие семьи и общества в разных поколениях, и генеалогический, к которому мы и обратимся.

Анализируя работы зарубежных и отечественных исследователей, мы пришли к выводу, что «история семьи» — это совокупность знаний о членах семьи старших поколений, их личностных особенностях, судьбе, характере отношений между членами рода в тех или иных исторических условиях.

Изучение истории семьи связано с развитием историко-антропологического подхода, популярного среди представителей школы «Анналов». Появление данного научного направления переориентировало внимание исследователей с политической истории на изучение истории повседневности, образа жизни, стереотипов, ментальности, психологии людей в разные исторические периоды. Современные российские исследователи пришли к выводу о необходимости синтеза микро- и макроподходов исторического исследования, таким образом, изучение истории повседневности должно включать в себя историю быта, событийную историю и историю ментальностей. Подобное соединение подходов отражено в методологии изучения истории семьи.

С конца XX века генеалогические исследования обретают популярность в России, поскольку стала как никогда актуальна проблема исторической памяти в рамках патриотического воспитания. Нами было проведено анкетирование среди школьников, результаты которого показали, что более 70 % школьников пытались изучать историю своей семьи, причем делали они это из личного интереса. Кроме того, большинство респондентов считают, что важно знать историю семьи, поскольку это позволяет решить несколько задач — от поиска дальних родственников до передачи семейного опыта, традиций и ценностей.

Для проведения генеалогического исследования требуются определенные научные методы работы с информацией, именно поэтому важно наличие четко проработанной методологии. Отметим, что исследование семейной истории предполагает сочетание

методов исторической биографии, истории повседневности, устной истории и специальных исторических методов.

Биографический метод «охватывает способы измерения и оценки жизненно-исторических свидетельств, рассказанных или сообщенных сведениях о жизни с точки зрения тех, кто эту жизнь прожил» [1].

Применение методов устной истории «может привнести не только больше пластов информации, но и совсем новые перспективы — свидетельства, а также интерпретации с точки зрения обычного человека, того, что, по его мнению, больше всего повлияло на жизнь» [2]. Исходя из результатов нашего опроса, мы можем сделать вывод, что рассказы членов семьи являются наиболее популярным источником при изучении истории семьи. Важно отметить, что работа с семейными историями имеет некоторые особенности и сложности, связанные прежде всего с недостоверностью устных источников.

Связь событийной истории и истории семьи проявляется во влиянии тех или иных исторических событий на быт семьи, место ее проживания, род занятий и т. д. Из результатов проведенного нами анкетирования следует, что только треть респондентов знают о влиянии истории страны на семейную историю. Обозначенная нами связь побуждает исследователя использовать специальные исторические методы: хронологический, историко-сравнительный и ретроспективный. Использование архивных материалов в изучении истории семьи предполагает также использование источниковедческих методов для проведения грамотного анализа того или иного источника.

Таким образом, методология исследования истории семьи представляет собой синтез различных методов: исторической биографии, устной истории и иных специальных исторических методов.

1. Фукс-Хайнриц В. Биографический метод (перевод Е. Ю. Мещеркиной) // Биографический метод в социологии / под ред. Е. Ю. Мещеркиной и В. В. Семеновы. М, 1994. С. 11–41.
2. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учебн. пособие для вузов. М.: Nota Bene, 1998. 360 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. Н. Заводская

УДК 93/94

**Социология конфликта Л. Козера как подход
в изучении взаимодействия отечественного крестьянства
и властных структур в первой половине 1930-х гг.**

А. В. Чублова

Новосибирский государственный университет

В 1956 году вышла в свет книга «Функции социального конфликта» [1] американского социолога Льюиса Козера, в которой на основе анализа различных теорий социального конфликта он предложил собственную, ныне широко обсуждаемую, концепцию данного феномена. Цель данного доклада — выявление возможностей предложенного Л. Козером подхода к конкретно историческому изучению особенностей поведения различных групп крестьянского социума в экстремальных условиях репрессивной политики партийного государства на начальном этапе «сплошной коллективизации». В рамках заданной цели были поставлены следующие задачи: 1) выяснить основные характеристики социального конфликта в деревне первой половины 1930-х г.; 2) установить применимость методов Л. Козера при изучении данного конфликта; 3) получить на этой основе новую информацию о механизмах разрешения конфликта и его последствиях.

Центральное понятие своей концепции — «социальный конфликт» — Л. Козер определяет как борьбу за ценности и претензию на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппозиционные стороны наносят ущерб или ликвидируют своих соперников. Традиционно конфликт рассматривается с его дисфункциональной стороны, однако автор не склонен видеть в нем только негативное явление, смещая акценты на возможные конструктивные аспекты данного взаимодействия: ту функцию и те последствия конфликтов, которые способствуют адаптации и приспособляемости групповых социальных отношений в новых условиях.

Конфликтная ситуация, развернувшаяся в советской деревне изучаемого периода, выявляет преимущественно разрушительные ее последствия для значительной части крестьянства: налицо очевидная дезинтеграция внутри групп крестьянского сообщества. Государство целенаправленно через конфликт трансформировало социум, навязывая раскол внутри крестьянства, карая и экспроприируя собственность одних (кулаков и несогласных с политикой) и поощряя других (лояльных власти). При этом формировались новые условия жизнедеятельности, менялась структура деревенского общества, осуществлялся переход на новый этап в трансформации советской деревни.

Л. Козер выделяет реалистический (средство достижения неудовлетворенных требований) и нереалистический (в ходе которого субъекты действия не стремятся достичь результата, а снять напряжение) типы конфликта. В нашем случае речь идет именно о реалистическом со стороны крестьянства конфликте, направленном на достижение определенной цели (самосохранение и адаптация) и выбор разнообразных средств (формы поведения), как об осознанной стратегии поведения.

Крестьянство как субъект протеста. Так как при конфликте требуются союзники, то становится возможным объединение индивидов и групп. Перед лицом общей угрозы создается инструментальная ассоциация крестьянских групп — непрочное временное объединение без четких границ и выработки идеологии, но преследующее насущные цели (в частности, не дать выселить односельчан и т. д.). И хотя такие ассоциации быстро ликвидировались местными властями, иногда стороны приходили к консенсусу и локальные требования крестьянства учитывались (выход из колхозов весной 1930 г.). Таким образом стимулировалась социальная активность и расширялся круг деревенских взаимодействий.

Поиск врагов как инструмент власти. Государство сознательно запустило процесс поиска «внутреннего врага», которым стали кулаки, для тесного сплочения тех слоев крестьянства, которые рассматривались как агенты и союзники власти. Главная цель состояла в интегрирующей функции конфликта —необходимой консолидации, а также создании «защитных клапанов» для перенаправления негативных эмоций от власти на деревенских «врагов».

Враждебное отношение и конфликт. Чувства враждебности не всегда могут перерасти в столкновение, так как они больше демонстрируют предрасположенность к конфликтному поведению. Конфликт обязательно возникает из взаимоотношений двух и более сторон, когда группа придет к осознанию того, что она чего-то лишена, а распределение прав и ресурсов несправедливо. В нашем случае субъектов конфликта оказывалось несколько: власть и расколотые конфликтом слои внутри крестьянства.

В предварительных выводах, которые планируется в дальнейшем расширить, можно отметить, что конфликт имел следующие функции: переходный этап, стимулирование социальных взаимоотношений, социальные клапаны снятия напряжения. Однако в такой жесткой системе, которую создавало государство, конфликт по большей части оказывался дисфункционален, так как чаще конфликты с представителями власти подавлялись, а положение протестовавших крестьян усугублялось.

1. Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. 208 с.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. С. А. Красильников

ЭТНОГРАФИЯ

Председатель секции — проф., д-р ист. наук *И. В. Октябрьская*

Ответственный секретарь секции — канд. ист. наук *В. В. Николаев*

Экспертный совет секции

д-р ист. наук *И. В. Октябрьская*

д-р ист. наук *А. А. Бадмаев*

канд. ист. наук *В. А. Бурнаков*

канд. ист. наук *Г. В. Любимова*

канд. ист. наук *О. В. Мальцева*

канд. ист. наук *В. В. Николаев*

канд. ист. наук *Е. В. Самушкина*

ETHNOGRAPHY

Section head — Dr Sci. (History), Prof. *I. V. Oktyabrskaya*

Section secretary — Cand Sci. (History) *V. V. Nikolaev*

Section scientific committee

Dr Sci. (History) *I. V. Oktyabrskaya*

Dr Sci. (History) *A. A. Badmaev*

Cand Sci. (History) *V. A. Burnakov*

Cand Sci. (History) *G. V. Lyubimova*

Cand Sci. (History) *O. V. Maltseva*

Cand Sci. (History) *V. V. Nikolaev*

Cand Sci. (History) *E. V. Samushkina*

НАРОДЫ ЕВРАЗИИ: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 39.685.1

Конструирование изделий из кожи у тувинцев (на примере *сыдым* 'кожаный аркан')

А.С. Балган

Тувинский государственный университет, Кызыл

Характеризуя традиционную культуру тувинцев, нужно отметить, что у них до недавнего времени сохранялся тот же хозяйственный комплекс, что и у кочевых народов Южной и Центральной Азии. Основой хозяйства народонаселения Тувы, было кочевое скотоводство. Именно лошадь занимала у тувинцев-кочевников особое место не только как транспортное средство, но и как животное, на использование которого была ориентирована почти вся культура тувинцев. Каждому виду животных, изучив и испытав в различных условиях его способности, человек нашел оптимальное применение.

Для работы с лошадьми требовались обладающие разными свойствами ремни и веревки, имевшие общее тувинское название *аргамчы*.

Сыдым — это кожаный аркан, одно из наиболее эффективных и доступных средств индивидуального пользования, созданных кочевниками для ловли животных на открытых пастбищах. Ловля коня с помощью *сыдыма* называется *шалбалаары* — 'заарканить', 'закинуть аркан (на голову лошади)'.

Длина аркана обычно составляет 7–9 кулаш / маховую сажень (около 12 м) и варьируется в зависимости от длины рук. Традиционный *сыдым* представляет собой ремень: достаточно эластичную кожаную веревку, округлую на ощупь, толщиной примерно 1 см, с плетеной петлей на конце.

Наиболее распространены два вида кожаного аркана, которые условно можно обозначить как однослойный и двухслойный. Изготавливаются они несколькими способами. Точнее, существует несколько видов пригодной для аркана кожи и несколько способов ее подготовки. Пользуются также арканами, сплетенными из конских волос или волос яка, но наиболее удобен, прочен и эффективен в применении кожаный аркан.

В разных районах Тувы предпочитают разные кожаные арканы, при этом о материале для изготовления аркана бытуют противоположные мнения: первое — лучшие арканы получаются из шкур диких животных; второе — лучшие арканы выходят из шкур домашних животных. В практике более удобен однослойный аркан из кожи, полученной из шейной части шкуры быка или марала, но прочнее аркан двухслойный из шкуры домашнего животного.

Кожаные арканы для метания и ловли животных броском называются сыдым или сыдым аргамчы. Общее, собирательное в тувинском языке название для обозначения веревок и ремней аргамчы часто используется в сочетании со вторым словом, означающим функцию или вид материала: *сыдым аргамчы* — ‘аркан из кожи’, *баг аргамчы* — ‘аркан из веревки’, *чеп аргамчы* — ‘волосяной аркан’ и т. д.

Научный руководитель — канд. экон. наук, доц. В. Т. Ликтан

УДК 903.082

**Состав красок на орудиях и украшениях из коллекции
верхнепалеолитической стоянки Ушки V (п-ов Камчатка):
палеоэтнографическая оценка**

Ю. С. Губар, Л. С. Лебедева

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Начиная с эпохи верхнего палеолита, народы Северной Евразии использовали пигменты различных составов.

На многослойной верхнепалеолитической стоянке Ушки V (п-ов Камчатка) в древнейшем культурном слое, датированном около 13–12 тысяч лет назад, обнаружены следы пигментов на предметах персональной орнаментации (бусины, подвески и их заготовки) и каменных орудиях, используемых, вероятно, для татуажа [1].

Цель исследования — интерпретация составов и химических элементов, маркирующих искусственные добавки, входящие в состав древних красок. Для этого проанализированы данные о рецептах красок, использовавшихся народами Северо-Восточной Азии в этнографическое время. Для определения элементного состава красящих веществ использовался метод сканирующей электронной микроскопии (SEM-EDX).

Химический анализ показал, что основу исследуемых пигментов составлял оксид железа (гематит). В древности оксиды и гидроокислы железа часто использовались для изготовления пигментов. Дополнительным подтверждением этому стали находки гематита в культурном слое стоянки. Для окрашивания использовались как природные, так и искусственные (с многокомпонентным составом) пигменты [2]. В их составе обнаружены алюминий, кремний, кальций, калий, натрий, мышьяк, фосфор, цинк, хлор [1].

На артефактах зафиксированы следы красного пигмента на основе гематита. У народов Северо-Восточной Азии такие пигменты получали из охры, ольховой коры и ягод шикши. Охра использовалась как в сухом виде, так и разведенной в воде [1]. Алеуты использовали для раскраски лица пигмент, добываемый из красной глины [3].

Во всех изученных составах пигментов фиксируется высокое содержание алюминия и кремния, что указывает на наличие алюмосиликатных добавок, которые обычно применяются как связующее вещество. Присутствие кальция, калия и натрия свидетельствует об использовании органических добавок.

В химических составах краски, обнаруженной на поверхности бусин, подвесок и их заготовок обнаружен мышьяк. Данного элемента нет в составах пигмента с поверхности орудий. Обнаружение мышьяка свидетельствует, что для изготовления пигмента использовалась икра или кровь морских рыб или животных. На это указывают факты использования икры рыб северными народами [4]. Так, для получения черной краски коряки смешивали отвар болотного мха с толченым углем и рыбьим клеем. А ительмены для придания стойкости добавляли в нее толченую печень оленя или снежного барана [1].

В составах пигментов с поверхности предметов персональной орнаментации выявлены хлор и фосфор. Это объясняется тем, что для приготовления красок использовали мочу. В описаниях эта добавка регулярно упоминается в связи с окрашиванием одежды. Так, коряки изготавливали краску для окрашивания или размягчения оленьих шкур из коры ольхи, замоченной в моче [1]. Окраска таким пигментом была необходима для защиты кожаных изделий от сырости [5]. Кора ольхи — распространенный материал для окрашивания в красный или рыжевато-бурый цвет. Для изготовления пигмента требовалось определенное умение. Кору ольхи не только вымачивали в моче, но и вываривали в воде. Если ее выварили недостаточно, то в дальнейшем шкуры животных прокрашивались неравномерно. При соблюдении технологии предметы окрашивались в яркий ровный коричневый цвет [4].

Таким образом, на основе анализа археологических артефактов выделены две группы пигментов. 1. С красящими веществами с поверхности предметов персональной орнаментации. В их основе минеральное (гематит) и органическое сырье (субпродукты рыб, животных, моча). Такая рецептура делала пигменты более стойкими. 2. Красящие вещества с поверхности орудий, которые, вероятно, использовались для татуажа. Их состав более простой: с гематитом в качестве основы, алюмосиликатной связующей добавкой и неопределенной простой органической примесью. Для этого рецепта найдены этнографические параллели. Так, для нанесения татуировок у чукчей использовалась нитка, вымазанная сажей или угольным порошком, смешанным с жиром [5].

Исследование проведено за счет гранта РНФ (проект № 22-28-01112).

1. Понкротова И. Ю., Губар Ю. С., Лбова Л. В. Спектральный анализ окрашенных артефактов слоя VII стоянки Ушки V (полуостров Камчатка / *Universum Humanitarium*. 2019. № 1. С. 56–71.
2. Лбова Л. В., Губар Ю. С. Пигменты в палеолитических культурах Евразии (методические подходы и гипотезы) // *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда*. Т. I. Барнаул, 2017. С. 610–611.
3. Мерк К. Г. Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске // *Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 гг.* Магадан, 1978. С. 59–97.
4. Иохельсон В. И. *Коряки. Материальная культура и социальная организация*. СПб.: Наука, 1997. 238 с.
5. Богораз В. Г. *Материальная культура чукчей*. М., 1991. 224 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. Ю. Понкротова

УДК 39:061.2(571.54)(=19)

Традиция усыновления в культуре бурят

Л. Б. Дондокова

Восточно-Сибирский государственный
институт культуры, Улан-Удэ

Продолжение рода в традиционном мировоззрении бурят рассматривалось как абсолютная ценность, поэтому обычай усыновления *ургэжэ абаха* был весьма распространен. В их культуре практика открытого усыновления/удочерения детей из семей родственников была важной частью внутрисемейных отношений, а также одним из основных способов восполнения дефицита заботы в рамках «расширенного родства».

Оставшихся без попечения родителей детей обычно отдавали кровным родственникам: бабушкам или бездетным сестрам, братьям и т. д., и очень редко — чужим людям. Одним из самых распространенных поводов для усыновления являлась бездетность вследствие бесплодия или иных причин. Бездетность рассматривалась не только как беда супругов, но и беда всей семьи, всего родственного коллектива, поэтому у бурят существовали различные поверья, магические обряды и приемы, к которым прибегали для избавления от несчастья. В случае неудачи бездетные супруги старались брать детей из семьи *нагасанар* (родного брата по линии супруги). Как правило, детей в таких случаях старались брать в возрасте от 3 до 10 лет, но были и исключения, когда забирали младенцев. Считалось, что отдав ребенка, семья совершает благое деяние *буян*, направленное на благополучие всего рода и народа.

Помимо явных причин, таких как смерть родителей или бездетность, существовали условия, которые объяснялись верой во влияние злых духов. «Для защиты применялись обереги — нож или кнут, которые клали под ребенка, когда его оставляли одного, а также привешивали к колыбели или кровати специальные предметы: бедренную кость, миниатюрный молоток, нож и стрелы. Оберегами также служили шкурка и крылья филина или его голова, которые вешали на стену около колыбели ребенка или над входной дверью» [1].

Для сохранения здоровья и жизни ребенка буряты проводили разные обряды, из которых самым действенным считалось умилоствление или изгнание злых духов с помощью шаманов и лам и различные жертвоприношения. В случае повторяющейся смерти детей в младенчестве, родители предпочитали отдавать новорожденных здоровых детей в другие семьи, чтоб уберечь их от злых духов. Этнографические источники отмечают и другую причину для усыновления детей из других семей, а именно материальное положение родителей — в послевоенное время практика усыновления становилась достаточно обыденной.

Таким образом, практика усыновления в культуре бурят представляет достаточно перспективную тему для исследований. Традиционные представления, противореча-

щие доминирующей в современном обществе идеологии интенсивного материнства, являлись эффективным механизмом воспроизводства, продолжения рода и сохранения института брака.

1. Басаева К. Д. Буряты. Народы и культуры. М., 2004. С. 186.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э. А. Неманова

УДК 74.745

Технология изготовления *тос-карак* у тувинцев

Ч. Ч. Дувен-Бады

Тувинский государственный университет, Кызыл

Ритуальный предмет *тос-карак* ('девятиглазка') является важным элементом тувинской культуры [2]. Это длинная деревянная ложка с девятью отверстиями, из которой разбрызгивают приносимое в жертву духам молоко, молочный чай или священную воду аржаан. Каждое углубление предназначено для определенных жертвоприношений: первая — солнцу, вторая — земле, третья — воде, четвертая — дереву, пятая — стреле, шестая — огню, седьмая — орлу, восьмая — маралу, девятая — медведю. Единство девяти элементов дает уверенность в достижении желаемого результата. Разбрызгивая белую пищу и вознося хвалебные речи своим покровителям, люди, совершающие обряд кропления, поклоняются своей родине, земле.

В работах ведущих ученых Тувы и России (Л. П. Потапова, С. И. Вайнштейна, М. Б. Кенин-Лопсана, Е. В. Айыжы), чьи исследования очень важны при изучении этой темы, *тос-карак* оценивается как предмет материальной и духовной культуры [2].

Далее мы рассмотрим технологию изготовления *тос-карак*.

1. Распилить материал по размеру. Снять шероховатость.
2. Нанести рисунок по шаблону.
3. Убрать лишние участки заготовки по контуру рисунка, высверлить сквозные отверстия, вырезать по форме изделия.
4. Разметить границы узора.
5. Нанести рисунок узора и образа.
6. Вырезать орнамент, скульптурный образ и углубления. Обработать шлифовальной бумагой.
7. Покрыть лаком.

Тос-карак изготавливали из березы. Так как береза относится к твердым породам дерева, то начинающим резчикам рекомендовано изготавливать изделия из мягкой породы. Самый подходящий материал — кедр, поскольку его легко обрабатывать.

Чтобы изделие выглядело красивым, девятиглазку вырезали различными способами: геометрической, контурной, рельефной и скульптурной резьбой.

К готовому изделию привязывали разноцветные ленты *чалама*, которые представляли элементы религиозной культуры тувинцев. Они должны были быть закреплены на кончике ручки *тос-карака*.

1. Донгак С. Ч. Сакральные аспекты «белой пищи» у тувинских кочевников // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9. № 2–1. С. 233–239.

2. Дыртык-оол А. О. Ритуальный предмет тос-карак как артефакт музейной культуры // Ермолаевские чтения: Материалы IV научно-практической конференции. Кызыл, 2020. С. 38–43.
3. Майны Б. С. Древние традиционные формы и украшения деревянной утвари у кочевников Тувы // Ермолаевские чтения: Материалы III науч.-практ. конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Кызыл, 2019. С. 243–249.
4. Монгуш С. В. Знаково-символическая природа традиционного предмета быта тувинцев тос-карак // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. Т. 2. № 3. С. 207–210.
5. Ооржак М.-Х. Ш. Сакральная ложка тос-карак в традиционной культуре тувинцев // Конкурс молодых ученых: сб. ст. VI Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2020. С. 388–390.

Научный руководитель — канд. культ., доц. Ш. Б. Майны

УДК 74.745

Особенности детской обуви тувинцев

Н. Б. Дульба

Тувинский государственный университет, Кызыл

Одним из самобытных народов России, активно развивающим свою уникальную культуру, являются тувинцы. В рамках возрождения национальных традиций большое внимание уделяется национальному костюму [1–4].

Важной деталью детской традиционной одежды является обувь. Первую обувь для детей *бопуктар* шили из войлока, когда ребенок начинал ползать и ходить в юрте. *Бопуктар* имели вид чулок, сшитых из одного или двух кусков войлока (голенище с головкой целиком). Такую обувь шьют детям и в наше время, раскраивая голенище, головку и подошву отдельно. Голенища *бопуктар* по высоте доходит ребенку до колен. У девочек и мальчиков обувь была одинаковой. Кроме *бопуктар* сейчас детям на швейной машинке или на руках шьют стеганые чулочки на вате, обшитые тканью сверху и изнутри. После *бопуктар* дети носили *бичии идик*. Их шили из выделанной кожи или шкуры мехом вовнутрь. *Бичии идик* уже кроили по стандарту обуви для взрослых, т. е. делали голенище, головку, подошву [5].

Традиционно для изготовления детской обуви *биче идик* применяли выделанную овечью шкуру мехом внутрь или тонкий войлок. Обувь орнаментировалась геометрическими и витыми фигурами: «рога архара» — *мыйызы*, «нить счастья» — *өлчей удазын*. Вверх чулка обшивали матерчатой полоской *хаиш* шириной в три *илиг* (три пальца).

Детская тувинская обувь представляет собой богатейший историко-этнографический источник, исследование которого может существенно уточнить и углубить знания о культуре прошлого [2–3].

1. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Сакральная семантика тувинского традиционного костюма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 242–249.
2. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Концептуальный дизайн одежды по традиционным этническим мотивам // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 61–70.
3. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Тувинский костюм: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 241–253.
4. Kukhta M. S. The Earthly and Sacred in the Semantics of the Tuvinians' Traditional Costume. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No 12. Pp. 2209–2216.
5. Ховалыг Р. Б. Тувинская традиционная одежда. Новосибирск, 2018. 336 с.

Научный руководитель — канд. культ., доц. Ш. Б. Майны

Курительные трубки эвенов

И. В. Казимиров

Северо-Восточный государственный университет, Магадан

Предмет нашего исследования — курительные трубки эвенов Магаданской области Российской Федерации как часть их материальной культуры. Знание о них позволит выявить особенности культуры, взаимодействия и межэтнические связи эвенов с другими народами.

Цель исследования — введение в научный оборот данных о способах изготовления, применения и украшения эвенских курительных трубок. Источники исследования — фонды музеев [9; 10], этнографические описания [1–8].

Считается, что начало употребления табака среди эвенов было связано с торговыми и ясачными отношениями с русскими, которые пришли на север Дальнего Востока России в начале XVII в. Эвены называли курительную трубку *ганса* [5]. Термин происходит от китайского названия «ганьцза» [4], поэтому не исключено, что и употребление табака эвенами началось еще до появления на их территории русских людей и было связано с торговлей с южными соседями. Известно, что у русских эвены приобретали и табак, и трубки. Очень быстро появилась «сильная зависимость от курения табака» — курили мужчины, женщины и дети [5].

Изучаемые нами курительные трубки схожи по форме, способу изготовления, но различаются по количеству составных частей и материалу, из которого они изготавливались.

В краеведческом музее п. Сеймчан (Магаданская обл.) хранится трубка, изготовленная из дерева, предположительно лиственницы, в начале XX в. Ее размеры: 5,5 × 9,6 × 2,5 см [9]. Трубка цельная; ее основные элементы — чубук и табачная чаша. Изделие имеет S-образную форму. Чубук сверху накрыт металлическим корпусом (типа насадки), который по всей поверхности орнаментирован в рельефной технике геометрическими фигурами (точки, полосы, полукруги). На корпусе у чбука имеется износ в виде коррозии, вероятно, ставший результатом ее частого использования. Возможно, металлический корпус не только являлся украшением трубки, но и делал ее более удобной в обращении и способствовал сохранности.

В краеведческом музее п. Ола (Магаданская обл.) хранятся два экземпляра эвенских курительных трубок, изготовленных также в начале XX в. [10]. Они состоят из трех частей: мундштука, чбука и чаши. Их размер в собранном комплекте: 9,3 × 1,8 × 0,9 см. Мундштук соединяется с чбуком путем насадки. На одной из трубок, изготовленной из латуни, на табачной чаше имеются следы патины голубовато-зеленого цвета. Трубка не орнаментирована. Другая трубка изготовлена из меди. На чбуке есть металлический ободок для крепления ровдужных тесемок для подвешивания или украшения.

Все металлические элементы описанных трубок выполнены методом холоднойковки. Известно, что эвены мастерски владели технологиейковки металла [8], который

покупали у русских в виде медных или латунных изделий, ножей, серебряных монет и делали из них различные предметы, в том числе курительные трубки [9].

Курительные трубки эвенов похожи на якутские [6], однако они менее разнообразны по форме и орнаменту. Отличались они также от трубок чукчей и коряков и использовались преимущественно при погребальных обрядах [2].

С начала 1960-х гг. трубки вышли из употребления, их заменили сигареты и папиросы; трубки для курения использовали только пожилые мужчины [3]. В настоящее время курительные трубки эвенами не используются (ПМА, опрос в г. Магадане, п. Северо-Эвенске, 2020–2022 гг.).

1. Иванова-Унарова З. И. Традиционное искусство народов Северо-Востока Сибири (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи, коряки). Л., 2005. 192 с.
2. История и культура коряков. СПб., 1993. 235 с.
3. История и культура эвенов: Истор.-этногр. очерки. СПб., 1997. 179 с.
4. Купина Ю. А. Потребление табака у народов Северо-Восточной Сибири и Аляски: Этнокультурный аспект традиции // Системные исследования взаимосвязи древних культур Сибири и Северной Америки: Духовная культура. СПб., 1995. Вып. 2. С. 85–115.
5. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. 176 с.
6. Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX в.). Т. 2. Музеи Германии. Кн. 1. Якутск, 2018. 782 с.
7. Орлова Е. П. Ламуты полуострова Камчатка // Советский Север. 1930. 147 с.
8. Попова У. Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. 305 с.
9. Предметы прикладного искусства, быта и этнографии [Электронный ресурс] / Магаданское областное государственное бюджетное учреждение культуры Сеймчанский краеведческий музей URL: https://s-museum.mag.muzkult.ru/media/2021/12/17/1308434117/5._Trubka_kuritel_naya_s_metal.chubukom.jpg (дата обращения: 12.01.2022)
10. Этнография (экспозиция) / Муниципальное казенное учреждение культуры «Ольский краеведческий музей» (дата обращения: 14.01.2022)

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. Ю. Понкратова

Тайкомоти как феномен японской культуры

И. В. Локтев

Новосибирский военный институт
им. генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ

Одним из уникальных и малоизвестных феноменов средневековой японской культуры являются тайкомоти — мужчины-гейши. Именно они были первыми японскими гейшами. Тайкомоти ведут свое начало от воинов-самураев. В переводе с японского *гейша* (芸者) означает ‘человек искусства’, а *тайкомоти* (太鼓持ち) — ‘подносящий барабан’. Мужчины-гейши появились в XIII в. Они служили при дворе влиятельных военных феодалов-самураев даймё (大名). Вместе с ними тайкомоти участвовали в военных действиях, были советниками и помощниками феодалов, специалистами по военным хитростям. Нередко им приходилось развлекать своего господина. Они могли умело поддержать беседу, рассказать интересную историю, спеть и сыграть на музыкальном инструменте и др. Феодалы относились к ним как к собратьям или товарищам [3].

По мере прекращения междоусобных войн и наступления мирного времени тайкомоти уходят с военной службы и становятся организаторами праздников и распорядителями вечеринок. В их обязанности входит быть интересными компаньонами, вести с гостями разговоры, забавлять их шутками, анекдотами, театральными сценками, играми, танцевать и петь, давать советы по заключению сделок и ведению торговли. Теперь их называют *ханасию* (話衆), ‘рассказчики’, или *хоканы* (辯問), ‘помощники в отношениях’ или ‘посредники’.

Кроме этого, тайкомоти были мастерами чайных церемоний, владели искусством составления благоволий, искусством аранжировки букетов (икебана) [2, с. 43], обладали хорошими манерами и знали этикет. Несмотря на то, что тайкомоти не имели специального образования, они были высокообразованны и разносторонне развиты.

Их часто приглашали на приемы к аристократам и состоятельным людям в высшее общество, они дружили с поэтами, музыкантами и литераторами.

Тайкомоти во время работы носили черную куртку (хаори) с нарисованными в определенных местах пятью гербами и кимоно из ткани другого цвета, самурайские широкие длинные штаны (хакама), напоминающие юбку. Непременным атрибутом был небольшой деревянный меч (камиирэдомэ), который служил футляром для бумаг и счетов клиентов. Они делали себе прическу мамэхонда или коитё. Выбрасывали волосы на темени, а сзади, на затылке, оставшиеся волосы скручивали жгутом и пропускали через специальный футляр, сделанный из парчи или бамбуковых палочек, и завязывали узлом [1, с. 69].

Женщины гейши появляются только XVIII в. Они постепенно вытеснили гейш-мужчин.

Сегодня в Японии осталось всего пять тайкомоти, среди них Сёдзо Араи (род. 1946) Он продолжает работать как тамада, выступает сольно как артист, популяризирует свою профессию, делает все возможное, чтобы она не исчезла. Он написал несколько книг, создал сайт и выступает с лекциями.

Таким образом, тайкомоти, мужчины-гейши, — это уникальное явление средневековой Японии, сохранившееся до наших дней. Они до сих пор остаются примером высокообразованных, разносторонне развитых и культурных людей.

1. Де Бекер Дж. Гейши. История, традиции, тайны. М., 2010. 318 с.
2. Завьялова А. Н. Особенности взаимодействия японского искусства и стиля модерн // Наука в современном информационном обществе: Материалы IV межд. научно-практ. конференции. North Charleston USA, 2014. С. 41–44.
3. Seawright C. Taikomochi or Houkan, the Male Counterpart to the Geisha [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thekeep.org/~kunoichi/kunoichi/themestream/taikomochi.html> (дата обращения: 20.02.2022).

Научный руководитель — канд. культ. А. Н. Завьялова

Классификация методов профилактики и лечения в народной медицине якутов

С.М. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, Якутск

Народная медицина является основным компонентом традиционно-бытовой культуры каждой этнической общности. Она формируется на основе опыта и знаний народа, которые передаются из поколения в поколение.

До установления советской власти на территории Якутии система здравоохранения страдала из-за нехватки медицинских учреждений, финансового обеспечения и профессиональных кадров. Население не получало общедоступной и качественной помощи. Поэтому народная медицина у якутов пользовалась огромной популярностью и порой была единственным средством для укрепления иммунитета и восстановления здоровья человека.

Изучением опыта и знаний народа, в том числе в области народной медицины, у якутов занимались такие исследователи, как В.Л. Серошевский [5], Р.К. Маак [3], А.А. Макарова [4], А.И. Гоголева [1], А.М. Григорьева [2], К.М. Яковлева [6; 7]. При этом специальных работ, посвященных народным способам лечения болезней у якутов, очень мало.

Известно, что тномедицина якутов представлена широким спектром методов и средств поддержания жизни и здоровья человека. Поэтому нами была сделана попытка классифицировать народные методы профилактики и лечения болезней. Исходя из имеющихся знаний и опыта народа в области медицины, нами была разработана следующая классификация:

- 1) препараты животного происхождения: жидкие, твердые, сушеные;
- 2) препараты растительного происхождения: настои, отвары;
- 3) особый режим и диета;
- 4) механические воздействия.

Препараты животного происхождения могли быть жидкими, твердыми, сушеными. К жидким можно отнести «муравьиное масло», молоко девяти черных коров (его использовали при легочных заболеваниях, в том числе туберкулезе); кумыс как профилактическое и общеукрепляющее средство от последствий болезней [1]. К твердым относятся медвежья желчь, жир и сало, масло первородящей коровы, струя кабарги, рог изюбра [1]. К сушеным — сушеная желчь караса при ангине и болях в горле, сушеный мочевого пузыря осетра при заболеваниях ЖКТ [8].

Препараты растительного происхождения делились на два подвида: настои и отвары. В первый входят настойка из сосновых шишек для укрепления иммунитета после болезни [4; 8], настойка полыни обыкновенной, настойка черныбыльника (обезболи-

вающее, дезинфицирующее средство при проказе) [4]; во второй — отвар из волчьей ягоды и волчьего языка и отвар из семи растений (осина, ольха, лиственница, береза, сусака, сосна и т. д.), которые можно было употреблять при туберкулезе [1], отвар из щавеля, действующий как противогрибковое, желчегонное, кровоостанавливающее средство [4].

Помимо лекарственных средств существовали особые режимы и диеты, которые больными должны были соблюдать. Среди них «черная диета» (употребление в течение 40 дней черного чая без молока и мяса без жира) и особый режим (больному неделю не давали выпасться, но при этом усиленно кормили, преимущественно молоком, мясом и жирами) [2].

К механическим воздействиям можно отнести деятельность костоправов — *иль-бистэр* ‘массажисты’, кровопускателей — *хаанныһыттар*, *түөннүһүүттэр* ‘лечащих мушками’ [1].

Таким образом, народная медицина якутов богата разнообразными методами профилактики и лечения различного рода заболеваний, которые необходимо систематизировать. В авторской классификации выделено четыре вида и пять подвидов средств профилактики и лечения болезней в народной медицине якутов. Данная классификация — начальный этап изучения опыта и знаний якутов в области этномедицины, кроме того, возможно дополнить данную классификацию другими способами лечения по мере изучения данного вопроса.

1. Гоголев А. И. Народные знания якутов в XVII — начале XX в. (календарь, метрология, медицина). Якутск, 2015. 104 с.
2. Григорьева А. М. О народной медицине якутов. Якутск, 1991. 72 с.
3. Маак Р. К. Вилуйский округ. М., 1994. 592 с.
4. Макаров А. А. Лекарственные растения Якутии. Новосибирск, 2002. 264 с.
5. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. М., 1993. 736 с.
6. Яковлева К. М. Бытовая народная медицина якутов // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11. С. 77–80.
7. Яковлева К. М. К вопросу изучения лекарственных трав Якутии // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 12. С. 67–70.
8. ПМА — полевой материал автора (Вилуйский улус, 2020–2021).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. К. М. Яковлева

Огонь в пространстве национального праздника Ысыах

Е. Т. Никифоров

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Культ огня у якутов неразрывно связан с национальным праздником Ысыах. В нем отражены космогонические представления народа. Ысыах — модель мироздания якутов.

Цель данной работы — изучить место огня в пространстве национального праздника Ысыах.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть истоки праздника Ысыах; описать традиционное пространство праздника Ысыах, его семантику; определить место огня в пространстве праздника и всего мировоззрения якутов.

Истоки традиции и представления о празднике Ысыах широко отражены в фольклоре. В легендах о первопредках якутов Эллэйе и Омогой баайе значимую роль играет сюжет об организации Ысыаха. В легендах Эллэй выступает культурным героем: именно его руками создаются «новые блага» [3]. Омогой баай в свою очередь выступает символом всего отжившего и старого. Главной заслугой Эллэя, по мнению Е. Н. Романовой, является то, что он организует миропорядок и дает начало народу саха [3]. Исследовательница пишет, что Ысыах — это момент упорядочивания природного хаоса. Таким образом, он отождествляется с процессом сотворения мира, в котором, по мнению А. И. Гоголева, участвуют три стихии: земля, вода и огонь (свет) [1]. Эллэй, проводя Ысыах, упорядочивает хаос, помещает в центр огонь. Именно в момент кормления огня происходили знамения: «Когда он так молился и просил, Омогою Бааю показалось, что из налитого в чороон кумыса вылетают белые лошадки и, словно наяву, улетают ввысь». В другом варианте легенды говорится, что «в это время над священным жертвенным столбом высоко в небе послышался шум, подобный треску мерзлой бересты, и вдруг оно раскрылось и посветлело, сверху спустились три белые птицы» [4].

Таким образом, огонь «организует» природный хаос. Эллэй ставит его в центр мироздания и всей жизни. Это отражается в пространстве праздника Ысыах. По сведениям А. И. Гоголева, на восточной стороне устанавливалась коновязь-сэргэ — Аар Багах, символ Мирового древа. Позади этой коновязи устанавливалась тюсюлгэ — две коновязи, соединенные перекладной, на которой устанавливалась кожаная посуда симиир для заготовки кумыса. Завершало эти культовые сооружения так называемая Могол Ураса — берестяная ураса, или же три коновязи-сэргэ. Перед тюсюлгэ устанавливался очаг «горло богов», перед которым священнодействовал белый шаман Айбы ойууна [1; 2].

Если мы рассмотрим план этих сооружений, то увидим, что они представляют собой равнобедренный треугольник, который в свою очередь является символом плодородия; в центре его помещался огонь. Таким образом он становился не только центром праздника Ысыах, но и сакральным центром всего мироздания в представлении якутов.

1. Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов: научно-популярное издание. Якутск, 2002. 104 с.
2. Гоголев А. И. Традиционные воззрения якутов в XVIII–XIX вв. // Наука и образование. 2014. № 3. С. 24–29.
3. Романова Е. Н. Якутский праздник Ысыах: истоки и представление: монография. Новосибирск, 1994. 160 с.
4. Предание, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск, 1995. 400 с.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. К. М. Яковлева

УДК 391

Изучение традиционной национальной одежды как способ эстетического воспитания школьников

Т. А. Оолак

Тувинский государственный университет, Кызыл

Национальная одежда любого народа является частью его истории и культуры. Знания о ней должны бережно сохраняться для последующих поколений, оставаясь визитной карточкой этноса в мировой культуре.

Сегодня подлинные образцы национальной одежды сохранились лишь в музеях. Так, Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва обладает замечательным этнографическим собранием, отражающим духовную и материальную культуру тувинского народа.

В настоящее время в некоторой степени утрачены традиции; народом забыты каноны тувинской национальной одежды; среди населения в силу ряда причин стала преобладать монгольская одежда, которая искажает тувинскую самобытность и ведет к утрате национальной идентичности. Спасают положение описания забытых видов одежды в трудах ученых-исследователей и фотографии первого директора Тувинского музея В. П. Ермолаева.

Изучению и описанию национальной одежды тувинцев посвятили свои труды такие ученые-исследователи, как В. П. Дьяконова, А. П. Потапов, С. И. Вайнштейн и др. [1].

Традиционный костюм — это прекрасный памятник самобытной культуры. Он может помочь тувинцам возродить наиболее важную часть культуры — духовную, которая неизбежно выражается через материальный мир, обретая форму.

В последнее время стало популярным изготовление одежды в национальном стиле. Наиболее полный комплект национальной одежды можно наблюдать сегодня на сцене во время театральных спектаклей, фольклорных выступлений, конкурсов и фестивалей. Здесь важно отметить, что сценический костюм имеет два направления развития:

- 1) сценический костюм этнографически традиционный;
- 2) сценический костюм в национальном стиле.

В работе молодого ученого О. Х. Ноозун раскрывается понятие орнамента как узора, основанного на повторе и чередовании составляющих его элементов; он предназначен для украшения различных предметов, а также включает в себя разработку одежды, интерьера и других форм дизайна [3]. Орнамент традиционно используется в одежде тувинцев.

На сегодняшний день проектирование и изучение традиционной одежды повышает интерес учащихся к технологическому образованию; знакомит их с национальной материальной культурой; формирует эстетический вкус, развивает творческие способности, воспитывает личные качества учащихся.

Значение эстетического воспитания в системе дополнительного образования подростков состоит в решении социально значимых вопросов организации досуга, создает условия для творческой самореализации [2].

Обращаясь к традиционной одежде, человек эстетически и художественно развивается. Процесс творческого труда позволяет решать задачи развития личности, формирования творческого отношения к труду и проблеме выбора профессии.

1. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974. 224 с.
2. Микляева Н. В. Интеграция образовательного процесса на основе художественно-эстетического воспитания. М., 2013. 379 с.
3. Ноозун О. Х. Тувинское декоративно-прикладное искусство: вехи историко-культурного развития. Кызыл, 2016. 153 с.

Научный руководитель — канд. экон. наук, доц. В. Т. Ликтан

Технология изготовления костюма для национальной борьбы тувинцев *хуреш*

М.-Х.Ш. Ооржак

Тувинский государственный университет, Кызыл

В культуре тувинского народа особое место занимает самобытный традиционный праздник *Наадым*, имеющий ряд аналогов среди традиционных игр других тюрко-монгольских народов.

В основе тувинского традиционного праздника *Наадым* лежат мужские народные игры: конные скачки — *аът чарыштырары*, стрельба из лука в ремень — *баг адары*, стрельба из лука в мишень — *кара адары*, национальная борьба — *хуреш* [2–4]. Для тувинского народа одним из основных видов спорта с давних времен является *хуреш*.

Объект исследования — национальная борьба тувинцев *хуреш*.

Предмет — технология изготовления костюма борцов *хуреш*.

Цель исследования — анализ технологии изготовления тувинского костюма борцов *хуреш*.

Задачи: выявить характерные особенности тувинской национальной борьбы *хуреш*; рассмотреть знаково-символическую природу костюма; разработать и описать технологию изготовления *содак* и *шудак*.

Костюм борцов *хуреш* у тувинцев состоит из прочных холщовых трусов-плавок (*шудак*) и пояса, края которых часто обшиваются сыромятной кожей. Кроме трусов надевается специальная куртка — *содак*, состоящая только из спинки и рукавов. Ноги обуты в мягкую национальную обувь. Костюм не должна шить женщина, только мужчина-борец, чтобы оставить силу и дух борца.

Таким образом, национальная борьба *хуреш* является яркой зрелищной игрой в праздничной культуре тувинского народа, а специальный костюм имеет символическое значение.

1. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Тувинский костюм: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 241–253.
2. Майны Ш. Б. Народные игры в традиционной праздничной культуре тувинцев: историко-культурологический анализ: диссертация на соискание ученой степени канд. культурологии. Кемерово, 2014. 171 с.
3. Майны Ш. Б. Народные игры в традиционной праздничной культуре Тувы // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 4. С. 87–92.
4. Майны Ш. Б. Традиционная праздничная культура: понятие и сущность // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2. С. 56–61.

Научный руководитель — канд. культ., доц. Ш. Б. Майны

УДК 394.2

Сакральная география Бурятии: традиции и инновации

В. И. Разуваев

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

В настоящее время в социокультурной сфере Бурятии, как и во множестве регионов России, происходят значимые события, связанные с сакральной географией и развитием практики паломничества. Сакральная география отражает современное состояние национальных культур, становится частью массовой культуры и включается в социально-экономические отношения между различными субъектами как внутри регионов, так и по всей стране.

Термины «культурное урочище», «место силы» формируют образ национальной культуры, воплощаясь в традиционных и современных объектах сакрального ландшафта. Карта таких мест и объектов в Бурятии за последнее десятилетие значительно расширилась. На территории Республики Бурятия одним из них является комплекс, посвященный богине Янжиме (бурятское произношение тибетского имени богини Янченмы (тиб. དབྱངས་ཅན་མ, Вайли *dbuangs can ma*), образ которой восходит к индийской богине Сарасвати), находящийся в Баргузинском районе у подножия горы Улзы-хаан в 340 км от г. Улан-Удэ. По буддийским представлениям, Янжима — покровительница искусств, наук, ремесел, мудрости, поэтому буддисты обращаются к Янжиме с просьбой даровать им красноречие, успех в творческих профессиях и эстетические знания.

Основным объектом почитания этого сакрального места является большой камень с самопроявленным образом богини — изображением женщины, которая танцует. Он был обнаружен 2 мая 2005 г. Пандито Хамбо-ламой (главой буддийской общины России) Дамбой Аюшеевым. За 10 лет вокруг природного объекта вырос храмовый комплекс, состоящий из дуганов (буддийских храмов), отдельных домов для лам (священнослужителей), сувенирного магазина. Ежегодно 24 числа месяца дракона по лунному календарю в Баргузинском дацане в Бурятии проводится праздник проявления богини Янжимы.

В последние три года для паломников доступен гостиничный комплекс. Несмотря на недолгую историю существования сакрального объекта, на сегодняшний день поездка к Янжиме является одной из самых востребованных как среди жителей Бурятии, так и для туристов со всей России и зарубежья. Тысячи людей ежегодно посещают это место, преследуя самые разные цели. С каждым годом Лик богини Янжимы набирает все большую известность и привлекает самых разных людей. Об этом священном месте сформировались устойчивые нарративы, содержащие свидетельства проявления благосклонности богини к страждущим. Считается, что Богиня Янжима обладает чудотворной способностью дарить детей тем, кто давно ждет и уже отчаялся их иметь. Поэтому неподалеку от камня всегда лежат игрушки, женские украшения.

Изучение рукотворных объектов и устных нарративов, связанных с новыми сакральными местами, позволяет проанализировать процесс воспроизводства сакральных смыслов, характеризующийся компромиссом традиционного религиозного сознания и рационального подхода современного обывателя.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э.А. Неманова

УДК 74.745

Женские накосные украшения народов Саяно-Алтая в современных условиях (на примере Тувы, Хакасии и Алтая)

О. С. Сат

Тувинский государственный университет, Кызыл

Украшения — это универсалии, которые относятся к атрибутам личной культуры. Украшениям народы Саяно-Алтая придавали большое значение. Они использовались не только по прямому назначению, но и наделялись большим символическим смыслом — играли роль амулетов-оберегов, маркировали возраст и социальное положение индивида, утверждали переход личности из одного статуса в другой.

Объект исследования — женские украшения народов Саяно-Алтая; предмет исследования — разработка и технология изготовления женских накосных украшений народов Саяно-Алтая.

Цель работы — провести анализ технологии изготовления тувинских, алтайских, хакасских украшений в современных условиях.

В рамках данной работы нами были выделены следующие задачи: определить генезис женских украшений народов Саяно-Алтая; установить функции женских накосных украшений Тувы, Хакасии и Алтая; охарактеризовать символику украшений; проанализировать особенности технического и декоративного исполнения накосных украшений по современным технологиям; описать технологическую последовательность изготовления украшений.

Особенности тувинских украшений изучили А. О. Дыртык-оол, Р. Б. Ховалыг, С. В. Зайцева, А. Б. Ондар, Ш. Б. Майны, М. С. Кухта и др. [2–5; 7; 8]. Женские накосные украшения в праздничных практиках коренного населения Алтая рассмотрела М. В. Москвина [6]. Хакасские традиционные украшения и особенности их номинации представлены в работах В. Я. Бутанаева, Р. П. Абдиной [1].

Национальные женские накосные украшения отмечаются сложностью и своеобразием выполнения. Традиции их изготовления передавались из поколения в поколение. В настоящее время традиционные накосные украшения используются во время народных праздников, также их можно увидеть в музеях. В повседневной жизни они используются редко. Анализ символики женских украшений показал, что в современной культуре украшения выполняют эстетические, утилитарные, этно-знаковые, социально-знаковые и магическо-религиозные функции.

Сегодня накосные украшения практически исчезли из повседневной жизни народов Саяно-Алтая, их носят лишь в период помолвки, сватовства и на национальных праздниках.

1. Абдина Р. П. Хакасские традиционные украшения и особенности их номинации // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 113–118.

2. Ондар А. Б. Традиционный костюм тюркоязычных народов Сибири в собраниях музеев: история изучения и актуализация // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 2. С. 25–27.
3. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Концептуальный дизайн одежды по традиционным этническим мотивам // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 61–70.
4. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Сакральная семантика тувинского традиционного костюма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 242–249.
5. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Тувинский костюм: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 241–253.
6. Москвина М. В. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 83–86.
7. Ховалыг Р. Б. Тувинская традиционная одежда. Новосибирск, 2018. 336 с.
8. Kukhta M. S. The Earthly and Sacred in the Semantics of the Tuvinians' Traditional Costume. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No 12. Pp. 2209–2216.

Научный руководитель — канд. культ., доц. Ш. Б. Майны

УДК 39

Воздушное погребение коня у якутов в XX веке

А. А. Семенов

Новосибирский государственный университет

Как и у многих скотоводческих народов, у якутов коневодство было традиционным занятием. Конь сопровождал своего хозяина везде: с хозяйственной деятельности до религиозных и культовых обрядов. Особое отношение к коню прослеживается в погребальном обряде: коня якуты хоронили воздушным (арангасным) способом.

Арангасный способ погребения коня был распространен на всей территории современной Якутии и по большей части связан с шаманским ритуалом. Как правило, хоронили священного коня (якут. *ытык сылгы*). По этнографическим данным, на арангасах помещали тело коня, в которого шаман вселял дух какой-либо болезни *ытык дабатыы*. Таких коней якуты никогда не били, хвост и гриву не стригли, а когда приходилось убивать, то звали шамана, чтобы он умилил того духа, которому было посвящено животное [1]. Однако чаще всего их не убивали, а отпускали на волю. Пожертвованное духу животное не продавали, не доили, не использовали под седло. Когда священный конь умирал, звали шамана, который посвящал этого коня какому-либо духу в рамках обряда *ытык дабатыы*. Он совершал отдельный обряд *ытык котогуу* — погребение *ытыка* (священного коня) в арангасе (воздушном погребении) [2].

Сохранились сведения о ритуальном погребении коня, связанном с какой-либо болезнью человека. В 1928 г. в местности Тоногостох Сунтарского района был сооружен арангас для коня богатого якута Быркыйа, у которого дочь заболела эпилепсией. Шаман Дъегекке провел ритуал *ытык дабатыы* и вселил дух болезни в лошадь, а затем отпустил ее на волю. После естественной смерти лошади ее останки нашли и возложили на арангас [1].

Арангасный способ погребения и обряд посвящения коня были запрещены в 1917 г. Тойбохоскими церковными служителями. Несмотря на это, местное население продолжало тайно проводить обряды посвящения коней, и их погребение продолжалось вплоть до середины прошлого века. Проведенные этнографические исследования в Сунтарском улусе (районе) в 1970–80-х гг. Республиканским краеведческим музеем им. Ем. Ярославского под руководством краеведа, этнографа В. Ф. Яковлева подтверждают существование данного погребального обряда в начале XX в. В ходе экспедиций были найдены 14 надземных (арангасных) погребальных сооружений посвященных лошадей *ытык сылгы аранастара*, сооруженных в 1920–1930-х гг. [3].

Самым примечательным из всех находок воздушных захоронений, посвященных коню, можно считать групповое погребение в местности Кюр Кюрюо, состоящее из трех арангасов. При исследовании объектов из трех срубов в 1971 г. В. Ф. Яковлев нашел хорошо сохранившееся погребение на помосте. Внутри сруба лежала шкура коня белой масти с черепом, голова направлена на запад. К каждому из трех арангасов

на западной стороне были прислонены коновязи, использовавшиеся при обряде посвящения. По некоторым данным, все три посвященные лошади были живы до 1930 г., но по требованию властей местные жители были вынуждены насильно умертвить их и тайно провести обряд погребения [3].

В 2018 г. воздушное погребение коня было найдено в Сунтарском районе в Кутанинском наслеге в месте Дюкян. Со слов информатора, данное захоронение можно предварительно датировать второй половиной прошлого века, что делает его самым поздним на сегодняшний момент. Погребение находилось глубоко в лесу, судя по останкам конструкции, имело небольшой размер и было частично обрушено [4].

Можно сделать вывод, что древний обряд посвящения коня духам с дальнейшим его арангасным погребением сохранялся у якутов Сунтарского района вплоть до середины XX в. Обряды посвящения коня в 1920–1930-х гг. были не единичные и поддерживались местным населением. Возможно, это связано с тем, что Сунтарский район достаточно отдален от центральных районов, где велась активная атеистическая пропаганда и многие шаманы были репрессированы.

1. Бравина Р. И., Попов В. В. Ритуальные комплексы с конем в Якутии (XV–XX вв.). Якутск, 2009. С. 32
2. Бравина Р. И., Попов В. В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск, 2008. 296 с.
3. Яковлев В. Ф. Туһулгэн. Атлас памятников историко-культурного наследия. Сунтарский улус. Якутск, 2018. 180 с.
4. Полевые материалы автора, Виллюйская группа улусов Республика Саха (Якутия), 2018 г. Информатор: Н. Н. Семенов (1962 г. р.)

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. О. А. Митько

УДК 902

Трансформация архетипа Великой Матери в мифологии тюркоязычных народов Саяно-Алтая

К. П. Хиску

Братский государственный университет
Студенческая научно-исследовательская лаборатория
«Археология Приангарья», Братск

Наиболее почитаемым и значимым женским божеством в религиозной системе народов Саяно-Алтая, начиная с раннего средневековья, являлась богиня Умай, соответствующая архетипу Великой Матери.

Известный советский этнограф Л. П. Потапов, исследуя письменные, археологические и этнографические материалы, пришел к выводу о связи культа Умай XX в. и древнетюркской богини Умай, упомянутой в орхонских надписях [3]. Исследователь отнес Умай к божествам, занимавшим верховные места в пантеоне тюрков.

Мы предполагаем, что в пантеоне древних тюрков Умай выступала покровительницей всего тюркского народа вместе с Тенгри и Йер-суб; даровала победу над врагами. Проследив трансформацию культа Умай, можно предположить его связь с общественным устройством у древних тюрков и тюркоязычных народов Саяно-Алтая.

Автор исходит из убеждения, что мифология является отражением картины мира общества, и раскрывает сущность общественных отношений. О довольно высоком положении женщины в обществе древних тюрков сообщалось А. Н. Бернштамом, Л. Н. Гумилёвым. Исследователи В. В. Тишин, Н. Н. Серегин приводят ряд свидетельств того, что женщины у кочевников не уступали мужчинам в верховой езде, в стрельбе из лука и иногда принимали участие в боевых действиях [4].

У тюрков Саяно-Алтая ценность женщины принималась не только в семье, но и во всем обществе [2]. Интересно отсутствие изображения богини Умай у шаманистов. Имелись только обереги, являвшиеся ее символическим воплощением/вместительством. Исследователями выделяются следующие атрибуты: лук, стрела и колыбель [1].

Образ Умай в мифологии тюркоязычных народов Саяно-Алтая имеет древние корни и неоднократно подвергался изменению в соответствии с общественным запросом. При отслеживании трансформации культа Умай от древности до современности необходимо соотносить религиозные воззрения и социальные практики.

1. Дьяконова В. П. Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 30-49.
2. Макина А. И. Женщина как объект помощи у хакасов // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2014. № 2. С. 168-177.
3. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 319 с.

4. Тишин В. В., Серегин Н. Н. Положение женщины в древнетюркском обществе // Историческая психология и социология истории. 2015. Т. 8. № 1. С. 109–127.

Научный руководитель — доц. М. В. Панюхин

УДК 911.52

К вопросу происхождения родовых и общественных мест поклонения в традиционной культуре бурят

С. Г. Цыреторова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

В отрогах горной системы Хамар-Дабана в северо-восточной части Закаменского района Республики Бурятии, в 370 км от столицы, г. Улан-Удэ, находится небольшое сельское поселение Бургуй. Происхождение топонима Бургуй имеет несколько версий:

- первая версия отталкивается от специфики окружающего горного ландшафта: на вершинах гор гнездятся орлы — *бургэд*, что впоследствии трансформировалось в Бургэ (уй);

- вторая версия связана с названием луки седла — *буурзэ*; по одному из преданий, воины Чингисхана, «охотясь на черную лису в наших местах, сломали луку седла и назвали в сердцах памятное место Буургэ, которое затем утратило долготу корневого гласного и стало Бургэ» [1];

- третья версия объединяет представление о ландшафте и названии части седла *буурзэ* — горы, расположенные на западе от села, имеют форму седла [2].

По историческим данным, Бургуйская община (улус) образовалась еще до заключения Буринского договора 1723 г. Принято считать, что это село в Закаменском районе является самым старым [3]. «Дореволюционный Бургуй представлял небольшой улус, где одинокие пяти-шестистенные деревянные юрты местных жителей были разбросаны в значительном отдалении друг от друга по падам и распадкам» [3].

В целом история с. Бургуй изучена слабо. Существуют многочисленные рассказы, легенды и родовые предания местных старожилов. По их рассказам, до прихода бурят на территории долины обитали малочисленные племена киргизов и уйгуров, которые позднее ушли на юго-запад. О высоком уровне развития их поселений свидетельствуют остатки каменных фундаментов жилищ, которые были расположены в местности Самсал.

В настоящее время, в селе в основном проживают буряты рода хойхо — *хойхо*, другие варианты: хойго, хойбот, сейгот. С бурятского *хойхо* переводится как 'ловец, перехватчик'. Род имеет уйгурское происхождение, его тотемом является волк [1]. Основные занятия населения — скотоводство и охота.

Местные буряты в основном занимаются кочевым скотоводством. Основоположниками считаются три семейства: Минаахай, Ухин и Алтай из рода хойхо. Алтай и его сыновья Онтон, Октон, Баяа, Гэлэн и Башали расселились по реке Хамней в местности Бургуй [3]. Они занимали верхнюю часть долины реки, где потом обосновался род Самсал. В дальнейшем к ним откочевал род *хобоонтон*, потомки которого в настоящее время составляют большую часть населения села Бургуй. Каждый род имел особенные священные территории, места поклонения духам местности и предкам — родовые

обоо, обычно расположенные в горах и предгорьях, где совершались жертвоприношения духу — хозяину местности, эджену. В настоящее время место под названием Хурмастын обоо, изначально имевшее узкородовое происхождение, стало общепоселенческим.

Общеродовые обоо, связанные с актуализацией родства через поклонение духам местности проживания родителей или предков (*отог*, *бууса*, *тоонто*, *хуури*), сохраняют традиционную культуру. Ведь традиция выступает в качестве постоянно воспроизводимой знаковой системы, посредством которой осуществляется этническая самоидентификация.

1. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ, 1970. Ч. 1: Булагаты и эхириты. 366 с.
2. Краеведческий портал. История села [Электронный ресурс]. URL: <http://selorodnoe.ru/history/show/id3629726> (дата обращения: 20.02.2022).
3. Культурно-историческое наследие села [Электронный ресурс]. URL: <https://nasledie-sela.ru/places/BUR/1116/4071> (дата обращения: 06.02.2022).

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э. А. Неманова

УДК 394

Рыболовство северобайкальских эвенков

Я. В. Чиркова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ

Эвенки в настоящее время расселены на обширной территории Севера, Сибири и Дальнего Востока. Они занимаются такими традиционными видами деятельности, как охота, оленеводство, скотоводство. И в той или иной мере знакомы с рыболовством, так как в местах кочевания расселяются по берегам озер, рек, морей. Рыболовство у большинства эвенков было и остается подсобным занятием и только у прибайкальских эвенков оно является основным видом хозяйствования. Эвенков, проживающих на северном Байкале, называют *ламучены* — ‘приморские жители’ (от эвенк. *ламу* ‘море’).

Промысловое значение в хозяйстве ламученов имеют омуль, хариус, таймень, ленок, язь, сиг, окунь, налим. В озерах добывают карася, щуку. Рыбу варят, сушат, вялят (юкола), жарят на рожне (силавун), также употребляют в сыром виде (талака). Это неотъемлемая часть рациона эвенка. Представить себе стол северобайкальского эвенка без рыбы так же немыслимо, как русский стол без хлеба и каши.

Из мелкой рыбы вытапливают жир. Из рыбьей чешуи раньше варили клей (камнун). Из сушеной рыбы получали рыбную муку. Эвенки рыбу использовали не только как источник питания, но и в некоторых случаях как лекарство. До сих пор от сухого грудного кашля прибайкальские эвенки готовят водный раствор из желчи нескольких карасей; при воспалении и боли в горле используют водный раствор желчи. Людям, страдающим болезнями желудка и кишечника, рекомендуют пить бульон из отваренных непотрошенных карасей и гольянов — *мундукан*.

Используя различные способы лова рыбы, эвенки могут обеспечивать себя рыбой круглый год при этом не нарушая экологического равновесия. Повседневная жизнь эвенка-рыболова регламентируется сезонным календарем. Выделяют: сезон, когда хариус идет на нерест; сезон, когда омуль идет на нерест и т. д. Поведение человека также определяется этим календарем. Существует строгий запрет на ловлю идущей на нерест рыбы. Эвенк соблюдает заветы предков: «Из озера не вылавливай всю рыбу, а оставь своим потомкам», «Кости рыб после еды не бросай и не давай по ним потоптаться оленям» и т. д.

Особым уважением у байкальских эвенков пользуется нерпа, *кума*. Место ее обитания — Ушканьи острова — считаются местом обитания царя всех нерп. Люди верят, что у нерп есть свой язык и чувства: когда им хорошо, нерпы молчат, а когда им плохо — подплывают к берегам и стонут.

На сегодняшний день на всей акватории Байкала идет незаконная добыча рыбных ресурсов; особенно это касается нерестового омуля. В Бурятии с 1 октября 2017 г. действует мораторий на вылов омуля. Но для эвенков (ориентированных на традиционный

вылов) этот вопрос очень болезненный. Эвенки стремятся сохранить те традиции, которые помогают выжить им и обеспечивать сохранение окружающей среды, поскольку от этого зависит благополучие самого священного моря *Ламу* — Байкала.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Е. Ф. Афанасьева

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЕВРАЗИИ

УДК 394.1

Грузинская, турецкая, азербайджанская кухня в Алма-Ате: предпочтения потребителей

А. Б. Аблаева, А. Д. Кушекбаева, А. К. Паванова

Университет «Туран», Алма-Ата, Казахстан

В настоящее время в Алма-Ате особую популярность получили заведения с национальной кухней. В городе почти на каждой улице можно увидеть вывеску ресторана или кафе с грузинской или узбекской кухней. В этом случае возникает вопрос — есть ли какая-то закономерность в появлении того или иного заведения с национальной кухней, какие особенности кухни или ситуация с потреблением влияют на выбор владельца. В данном исследовании мы выделили рестораны, включающие такие кухни, как турецкая (Mado), грузинская (Shavlego) и азербайджанская (Narsharab).

Турецкая кухня: в концепцию ресторана Mado заложена история древнего рецепта мороженого, одним из главных ингредиентов которого является снег с горы Ахир Даг. В настоящее время это заведение является четвертым подобным в Казахстане.

Грузинский ресторан Shavlego: особенность этого предприятия заключается в том, что там работают три шеф-повара из Мегрелии, Тбилиси и Кахетии, которые могут воссоздавать вкусы блюд из их родных регионов.

Ресторан Narsharab передает самобытность традиций и размах азербайджанского гостеприимства.

Далее необходимо дифференцировать рестораны на основе предпочтений потребителей. Для этого было проведен опрос, в котором приняли участие 150 человек, из них 117 женщин (78 %) и 33 мужчины (22 %).

Возраст большинства посетителей составляет 18–25 лет (68,7 % — 103 респондента), 26–35 лет (16 % — 24 респондента) и 36–50 лет (10,7 % — 16 респондентов); меньше всего среди опрошенных было людей в возрасте 50–70 лет (4,7 % — 7 респондентов). При этом можно отметить, что опрошенные примерно равными долями распределились по размеру дохода: 60–90 тыс. тенге (22,8 % — 34 чел.), 100–150 тыс. тенге (38,9 % — 58 чел.), 160–200 тыс. тенге (38,3 % — 57 чел.). Из чего можно сделать вывод, что этот фактор является незначительным или непоказательным при выборе ресторана.

Алма-Ата — город-миллионник с неравномерно развитой инфраструктурой и плотностью населения. Мы объединили ответы опрошенных по принципу пограничного расположения районов. В результате почти половина опрошенных относилась к Ауэзовскому и Наурызбайскому районам (35,3 % — 53 чел.). Остальные районы показали следующую статистику: Жетысуский и Турксибский — 14 % (21 чел.); Бо-

стандыкский и Медеуский — 26,7 % (40 чел.), Алатауский и Алмалинский — 24 % (36 чел.).

На вопрос «Какую кухню предпочитаете?» участники опроса дали следующие ответы: турецкую — 44,7 % (67 чел.), грузинскую — 48,7 % (73 чел.), азербайджанскую — 6,7 % (10 чел.). Таким образом, грузинскую кухню выбирает большая часть опрошиваемых людей, турецкая кухня идет практически наравне с грузинской, но намного меньше людей склонны выбирать азербайджанскую.

Далее процентное соотношение по вопросам анкетирования распределилось следующим образом.

«Как часто посещаете перечисленные кухни?»: каждый день — 10,7 % (16 чел.), раз в неделю — 43,3 % (65 чел.), раз в месяц — 31,3 % (47 чел.), раз в полгода — 14, % (22 чел.). Среди опрошенных алматинцев больше оказалось тех, кто посещает рестораны раз в неделю.

«Какие рестораны турецкой кухни вы посещаете?»: Mado — 30,7 % (46 чел.), Marmaris — 36,7 % (55 чел.), OZUYRT — 22 % (33 чел.), другое — 10,6 % (15 чел.). Самым популярным заведением турецкой кухни оказался Marmaris. Выбранное нами заведение Mado не сильно уступает Marmaris.

«Какие рестораны грузинской кухни вы посещаете?»: «Дареджани» — 32,7 % (49 чел.), «Хачапури Хинкальевич» — 44 % (66 чел.), Shavlego — 15,3 % (23 чел.), другое — 8 % (12 чел.). Здесь лидирует «Хачапури Хинкальевич», так как о нем знает и посещает практически весь город, а ценовая категория ниже, чем в Shavlego (его респонденты предпочитают реже остальных).

«Какие азербайджанские рестораны вы посещаете?»: Narsharab — 31,3 % (47 чел.), «Хан Сарай» — 35,3 % (53 чел.), «Пугасов» — 17,3 % (26 чел.), другое — 16,1 % (18 чел.). Здесь доминирующей организацией общественного питания, по мнению респондентов, является «Хан Сарай», но и предприятие Narsharab не сильно уступает благодаря удобному расположению.

«Знакомы ли вам рестораны Shavlego, Narsharab и Mado?»: да — 65,3 % (98 чел.), нет — 34,7 % (52 чел.).

«Какие блюда турецкой кухни предпочитаете?»: донер-кебаб — 51,3 % (77 чел.), гозлеме — 16,7 % (25 чел.), пиде — 29,3 % (44 чел.), другое — 2,7 % (4 чел.). Самым популярным блюдом оказался донер-кебаб, так как о нем знают большое количество людей — заведений, подающих это блюдо, очень много, и многие знают, что оно пришло к нам из Турции.

«Какие блюда грузинской кухни предпочитаете?»: хачапури — 56,7 % (85 чел.), хинкали — 36 % (54 чел.), чурчхела — 6,7 % (10 чел.), другое — 0,7 % (1 чел.). Наибольшее количество ответов пришлось на вариант «хачапури», из чего можно сделать вывод, что это популярное блюдо Алма-Ате.

«Какие блюда азербайджанской кухни предпочитаете?»: лаванги — 26 % (39 чел.), довга — 24,7 % (37 чел.), дюшпара — 39,3 % (59 чел.), другое — 10 % (12 чел.). Так, наибольшей популярностью среди предложенных блюд пользуется дюшпара.

На вопрос «Достаточно ли в Алма-Ате ресторанов с национальными кухнями?» были получены ответы: да — 80,5 % (120 чел.), нет — 19,5 % (30 чел.). Полученные

результаты опросов подтвердили рабочую гипотезу авторов исследования: в Алма-Ате достаточное для потребителей количество предприятий общественного питания с национальной кухней. Однако это не исключает открытие других заведений с правильно выбранным позиционированием на рынке.

Научный руководитель — канд. ист. наук Г. Ш. Файзуллина

Корпоративная социальная ответственность нефтяных компаний перед коренными малочисленными народами российской Арктики

Ан На

Новосибирский государственный университет

Большинство месторождений нефти и газа в России расположено в арктических и субарктических регионах, населенных коренными народами. Разработка нефти влечет за собой уменьшение площади оленеводческих хозяйств, загрязнение рек и изменение путей миграции животных. По этой причине местные жители рассматривают появление нефтяной промышленности как вторжение в их жизнь. Однако нефтегазовая промышленность вносит вклад в бюджет, что позволяет развивать необходимую инфраструктуру. Таким образом, добывающая промышленность в Арктике, с одной стороны, открывает возможности для развития, с другой — влечет за собой серьезные издержки для местных общин. Соответственно, одной из основных проблем является баланс интересов коренного населения и нефтяных компаний [1].

По мере того как российские нефтяные компании превращаются в компании мирового уровня, в соответствии с международными тенденциями все больше внимания уделяется корпоративной социальной ответственности (КСО). Несмотря на то, что деятельность нефтяных компаний схожа, как отмечают многие ученые, понятие «корпоративная социальная ответственность» понимается по-разному. На КСО и методы ее реализации неизбежно влияют различные факторы, такие как: исторический фон, политическая и экономическая система страны, к которой принадлежит компания, культура конкретной области, в которой работает компания и менталитет ее жителей.

В данной работе рассматриваются характеристики КСО российских нефтяных компаний, а также политика КСО и ее влияние на коренные народы Арктики.

1. Tulaeva S., Tysiachniouk M. Benefit-sharing arrangements between oil companies and indigenous people in Russian Northern regions // Sustainability. 2017. No 9(8). P. 1326.

Научный руководитель — д-р ист. наук, проф. И. В. Октябрьская

УДК 379.8

Кросс-культурные аспекты экскурсионной деятельности

А. В. Величко

Казахский национальный университет
им. аль-Фараби, Алма-Ата, Казахстан

Туризм — одна из форм коммуникации, в рамках которой представители разных стран и народов могут познакомиться с историей и культурой других регионов. Особенно актуально это стало в наше время, когда во всем мире наблюдаются процессы глобализации. Знакомясь с особенностями жизни в новых странах, мы можем глубже понять самобытность своей культуры. Большую роль в знакомстве с традициями и особенностями народов того или иного государства играет экскурсовод. Это человек, который является представителем и «лицом» целой страны. Именно его действия влияют на общее впечатление туриста. Ведь от того, как была преподнесена информация, может меняться ее восприятие.

Работая с иностранными посетителями, экскурсовод должен учитывать множество факторов. Во-первых, необходимо найти точки соприкосновения двух культур. Что есть общего у нашей страны и той территории, откуда прибыл турист. Так, находясь у памятника великому поэту и просветителю казахского народа Абаю Кунанбаеву с представителями Германии или Российской Федерации, мы можем прочесть одно из его стихотворений: «Қараңғы түнде тау қалғып...»

Эти строки — перевод известного стихотворения М. Ю. Лермонтова «Горные вершины...», которое тот в свою очередь перевел с немецкого языка, взяв за основу лирику И. Гете. Таким образом, несколько строк могут объединить три народа и в корне поменять отношение к личности человека, перед памятником которого они стоят. Теперь это не неизвестный поэт, а тот, кто знакомил свой народ с культурой их страны.

Следующий фактор, на который стоит обращать внимание при работе с представителями зарубежной культуры, — владение иностранным языком. Недостаточно обладать навыками технического перевода, нужно знать особенности речи. В некоторых странах одно и то же слово может иметь разные переводы, которые будут отличаться. Так, например, в арабском языке есть более десятка слов, которые обозначают разные этапы любви. Неправильно подобранный вариант может исказить значение текста. Не говоря уже про устойчивые выражения и специальную терминологию, а также правила произношения. Поэтому экскурсоводу необходимо быть очень внимательным и тщательно готовиться к работе и коммуникации с туристами.

Однако проблемы и недопонимание могут возникнуть не только в результате языкового барьера, но и в случае, если гид мало знаком с особенностями культуры, типичной для регионов, откуда приезжают туристы. Для азиатского региона нехарактерен тактильный контакт во время коммуникации. Здесь во многих странах даже приветствия

представляют собой различные формы поклона. И лишь в деловой среде приемлемыми считаются рукопожатия.

Казахстан находится на стыке Запада и Востока. В нашей культуре присутствуют элементы, характерные для разных традиций. Однако даже это не гарантирует, что вы не совершите ошибку при коммуникации с представителями других стран.

Конечно же здесь возникает очень много вопросов. Кто должен следовать правилам кросс-культурного поведения? Гости, которые приехали в чужую для них страну, или принимающая сторона? Приходится искать компромисс.

Турист, прибывший из другого региона, мало знаком с традициями местных народов. В данном случае экскурсовод выступает в качестве проводника, связующего звена между двумя культурами. С одной стороны, он должен познакомить туриста с традициями и правилами страны, где они сейчас находятся. С другой стороны, его задача — помочь туристу адаптироваться в чужой культурной среде. Проще всего это сделать в том случае, когда гид-экскурсовод придерживается правил и культурных особенностей региона, откуда прибыл посетитель.

Алгоритм работы экскурсовода может зависеть не только от культурных различий, но и от вида экскурсии. Набор его действий будет отличаться в зависимости от того, где и на какую тему он проводит экскурсию. Так, специфика экскурсии в историческом музее будет разительно отличаться от поездки на природу.

В советское время Казахстан был площадкой для депортированных народов. Среди них были корейцы, поляки, немцы, чеченцы, татары и др. Также в послевоенное время сюда отправляли военнопленных немцев, японцев и пр. В настоящее время эти страницы истории породили новую категорию туристов: потомков тех людей, выбирающих ностальгический туризм или мемориальные туры. Как вести экскурсию для данной категории туристов?

Поездки подобного рода связаны с посещением объектов, относящихся к категории «мрачного туризма». Часто они включают выполнение определенных ритуалов. Для таких туристов важно наше отношение к этой истории. Экскурсовод должен передать те чувства, которые показывают, что это печальные страницы нашей общей истории; что эта история не должна повториться в будущем; но в то же время не стоит искажать реальную историю, стараясь угодить туристу.

Как мы видим, в работе экскурсовода присутствует множество аспектов кросс-культурного взаимодействия с туристами. Его главная задача — подобрать ключ к их сердцу и сделать так, чтобы у них остались положительные впечатления, чтобы они увидели не только разницу культур, но и их значимость в современном мире.

Научный руководитель — д-р геогр. наук, доц. Р. В. Плохих

УДК 81`27

Этнокультурная обусловленность функционирования эвенкийского языка в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия)

И. А. Данилов

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

Этнические, и в том числе этноязыковые, процессы в современной Евразии происходят в основном под влиянием социально-политических и — зачастую — экономических факторов.

В Республике Саха (Якутия) насчитывается около 70 населенных пунктов, где компактно проживают коренные малочисленные народы Севера (эвены, эвенки, чукчи, долганы, юкагиры). Исторически и географически сложилось так, что Садынский национальный эвенкийский наслег (с. Сюльдюкар) расположен на территории Мирнинского района, в котором активно развивается промышленность (добыча алмаза, нефти, газа), происходят миграционные и урбанизационные процессы.

В середине прошлого столетия коренное население Садынского наслега принимало активное участие в промышленном освоении Западной Якутии в качестве каюров-проводников, разнорабочих. В ходе становления алмазной промышленности происходило экономическое развитие республики, но при этом шло разрушение исконных угодий и утрата традиционных видов хозяйственной деятельности эвенков, населявших садынские земли. При этом, как известно, именно хозяйственный уклад являлся важнейшим фактором сохранения эвенкийского языка.

Сейчас Сюльдюкар представляет собой село компактного проживания этнических эвенков, языком общения которых выступает якутский язык. Оно характеризуется моноязычностью (якутский язык), но в последнее время наблюдается тенденция к ревитализации языка предков местных жителей — эвенкийского. Кроме того, эвенкийская культура пропагандируется в детском саду, эвенкийский язык преподается в начальной школе и активно употребляется на культурно-массовых мероприятиях села.

В связи с этим в рамках данного исследования предпринимается попытка выявления этнокультурной обусловленности функционирования эвенкийского языка в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия). Возрождение языка рассматривается как позитивный экстралингвистический фактор, влияющий не только на ревитализацию языка, но также посредством нее обуславливающий благополучие коренного общества и его устойчивое развитие путем формирования этнокультурной идентичности.

Для исследования был использован междисциплинарный комплекс, включающий в себя как социолингвистические (анкетирование), психолингвистические (ассоциативный эксперимент), так и этнографические (наблюдение), антропологические (углубленное интервьюирование) методы исследования.

Научный руководитель — канд. филол. наук Н. В. Малышева

Этнодизайн в тувинском современном костюме

Ч. О. Донгак

Тувинский государственный университет, Кызыл

На современном этапе общественного развития произошли кардинальные изменения, повлиявшие на культуру различных этносов. В современном мире традиционные культуры стали восприниматься как фундаментальные опоры, способные противостоять нивелированию культурных ценностей. Одной из основных форм этнической культуры, помогающей сохранить национальную самобытность и развить духовную связь между поколениями, является традиционный костюм [3]. Тенденция использовать традиции тувинского костюма в дизайнерской практике стремительно набирает обороты [2].

Цель нашего исследования — рассмотреть этнодизайн одежды, представляющий особый элемент культурного материального наследия. Объектом исследования служит традиционный костюмный комплекс тувинцев, предметом — процесс развития этнической моды в современном костюме тувинцев (на примере коллекций дизайнера Ай-Даша Сат).

Становление этнической моды в Республике Тыва непосредственным образом связано с традиционной тувинской культурой. Основоположником этого стал Театр танца и костюма «Эдегей» под руководством Заслуженного деятеля искусств Республики Тыва, Президента Международной академии Моды мировых монголов Вячеслава Донгака [3].

В настоящее время в Туве пошивом этнических костюмов активно занимается модельер, член Союза дизайнеров Республики Тыва Ай-Даш Сат, обладатель призовых мест конкурсов дизайнеров «Арт-Стиль-2017», г. Кызыл; «Узорчатое наследие — 2018», г. Кызыл; конкурса этномоды «Этно-Эрато-2018», г. Москва, Международного фестиваля «Этноподиум на Байкале», г. Иркутск, Международного конкурса дизайнеров NEO-FOLKLORE, который проходил в рамках недели моды Aspara Fashion week в казахстанском Таразе, Всероссийского фестиваля молодых дизайнеров «Этномода-2019», г. Майкоп; Республиканского фэшн-фестиваля «Сердце Тувы — 2019», г. Шагонар.

Талантливый дизайнер является студентом кафедры технологии и предпринимательства Тувинского государственного университета. Он создал творческие работы, в которых интерпретируются формы костюма, комбинируются с другими видами одежды и т. д. Представляют интерес следующие авторские коллекции дизайнера: «Гламур в стиле Бохо», «Отражение скифского золота», «Золотая подкова», «Сияние узора», «Хөөннер», «Узорчатая линия».

Национальные костюмы — это один из основных этнокультурных источников для современных дизайнеров. Богатство и разнообразие этнических костюмных форм,

их глубинные связи с историей народа, мифологией и искусством обуславливают особый интерес модельеров и дают все новые варианты освоения национальной одежды [2].

1. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Сакральная семантика тувинского традиционного костюма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 242–249.
2. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Концептуальный дизайн одежды по традиционным этническим мотивам // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 61–70.
3. Майны Ш. Б., Кухта М. С. Тувинский костюм: традиции и современность // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 36. С. 241–253.
4. Kukhta M. S. The Earthly and Sacred in the Semantics of the Tuvinians' Traditional Costume. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2019. Vol. 12. No. 12. Pp. 2209–2216.

Научный руководитель — канд. культ., доц. Ш. Б. Майны

Технологии выполнения изделий из войлока в школьных мастерских

Ш. С. Кертик-оол

Тувинский государственный университет, Кызыл

В современном мире люди уделяют больше внимания необычным и особенным вещам. Именно по этой причине возросла ценность изделий ручной работы, изготовленных в единственном экземпляре. К ним относятся и вещи, выполненные в технике валяния.

Войлок — это натуральный нетканый материал, шероховатый на ощупь, поверхность которого покрыта мелкими ворсинками. У шерстяных волокон есть верхний чешуйчатый слой — кутикула, благодаря ему волокна могут сцепляться друг с другом под воздействием горячей воды и пара. На этом основан принцип войлокования [2].

Существуют несколько способов валяния. Традиционный способ очень трудоемкий, он включает в себя несколько последовательно совершаемых операций: сбивание шерсти специальными палками; обрызгивание взбитой шерсти водой или молочной сывороткой; свертывание шерсти в рулон с помощью веревки; обертывание рулона кожей, тканью или циновкой; прокатывание (валяние) рулона по земле.

В настоящее время выделяют два основных вида валяния. Сухое (фальцевание) осуществляется посредством специальных игл с заческами. При обработке шерсти такими иглами волокна спутываются и уплотняются. Это получается благодаря наличию чешуек на их поверхности. При мокром валянии используют мыльный раствор. В теплую воду добавляется мыло и получается щелочная смесь, которую наносят на шерсть.

Современное рукоделие не стоит на месте, недавно появился новый подвид техники сухого валяния — «шерстяная акварель». При работе в данной технике необходимо предварительно разработать эскиз. Цвета и сюжет связаны друг с другом. Далее идет подготовка основы. Работа начинается с фона — шерсть выкладывается маленькими кусочками. Основу необходимо смочить водой, тем самым давая шерсти усесть. Для изготовления картины небольшие кусочки шерсти отрываются от основной массы, и начинается выкладывание рисунка. По окончании работы для декорирования можно использовать бисер. Неоднозначная техника шерстяной акварели не имеет ограничений по возрасту и отлично подходит для развития мелкой моторики у школьников. [1].

В декоративном оформлении любого вида войлочных изделий существует несколько техник. Центральное место занимает техника аппликации. Такие узоры вырезаются из цветного войлока и кожи.

Другой способ украшения войлока — мозаичная техника или, как ее иначе называют, инкрустация. Она предполагает состыковку вырезанных по одному трафарету из двойных цветных пластин узоров.

Декорирование войлочных изделий — древнее искусство тувинцев. Среди их традиционных войлочных изделий матрасы (*кидис*), потники (*чонак*), навесные пологи юрт (*кидис эжик*), войлочные чулки (*ук*). Из войлока тувинские кочевники изготавливали множество изделий для обустройства юрты: покрытие (*өг шывыы*); дверцы, подстилочные ковры и коврики (*ширтек*, *олбук*); седельные потники.

Ширтек — это войлочные коврики, которые стелились вокруг очага, имели П-образную форму *ыргак ширтек* или *ээр кара* (трапециевидные или же округлые).

Небольшие четырехугольные, круглые и трапециевидные коврики *олбуки* делались из нескольких слоев войлока и предназначались для почетных гостей.

В войлочном ковроделии для простегивания (*сырыыр*) войлока пользуются белой прочной ниткой. Самый распространенный узор простежки — *кечимнеп сырыыры* — квадратики, заполненные горизонтальными швами и в общем напоминающие плетеную корзину. Такой узор в большинстве случаев, наносился на верхнюю поверхность *кидис эжик*, войлочной подвесной двери.

Таким образом, шерсть в тувинской культуре — многофункциональный материал; он широко применяется как в быту, так и в декоративно-прикладном творчестве. Использование перечисленных техник в школьных мастерских способствует развитию мелкой моторики и познавательной способности у учащихся.

1. Нанзатов Б. З. Пространство в традиционной культуре монгольских народов. М., 2019. 341 с.
2. Сиянбиль А. А. Традиционный тувинский костюм. Кызыл, 2016. 72 с.

Научный руководитель — канд. экон. наук, доц. В. Т. Ликтан

Семантика обряда гадания в первый день рождения в культуре российских корейцев

Е. В. Ким

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

Русские корейцы, *корё сарам* (самоназвание на корейском языке), во многом сохранили свою национально-культурную самобытность. Отсутствие постоянной связи с малой родиной — Корейским полуостровом — несомненно сказалось на многих аспектах бытования национальной культуры. На сегодняшний день, подавляющее большинство корейцев, проживающих в России и на постсоветском пространстве, владеет русским языком, а для рожденных после 1990-х гг. он зачастую является родным. Несмотря на это, семейные праздники, обряды и обычаи по сей день опираются на традиции национальной культуры.

На сегодняшний день одним из самых ярких событий в жизни любой российской корейской семьи является празднование первого дня рождения ребенка. Среди российских корейцев он называется *асянди* (досл. *а* 'ребенок', *сянди* 'день рождения'). В самой Корее первый день рождения называется *доль*, а праздник — *доль чжончжи* (кор. 'первый день рождения').

В день празднования вся семья, в том числе дети, наряжается в традиционные костюмы *ханбок*. Наряды отличаются в зависимости от пола ребенка: костюм девочек состоит из юбочки (*чхима*), жилетки (*чогори*) и расшитой узорами шапочки (*хогон*); мальчикам надевают штанишки (*паджи*).

Традиционно в день празднования асянди на отдельном столике, который называется *тток*, выставляется угощение. Раньше это были рис, сваренный на пару, суп из морской капусты, колодезная вода, вычерпанная на рассвете. Рядом со столиком ставили рисовый хлебец *сирутток*, символизирующий сохранение счастья ребенка. Считалось, что если угощение съедят сто человек, то ребенок будет жить долго и благополучно: «Этот тток нельзя выносить из дома, а съесть его могут только члены семьи, иначе вместе с блюдом дом может покинуть счастье именинника» [1].

Сейчас же традиционный стол немного изменился: обычно ставят рисовое тесто, заменяющее рисовый хлебец сирутток, сваренный на пару рис и фасоль. Основное назначение ттока — предсказание судьбы ребенка через толкование его действий. Для этого на него ставят предметы для гадания: деньги, рис, фасоль, книги, тетради, нитки с иглой и др.; каждый предмет является символом.

Если ребенок берет в руки книгу, значит, он будет хорошо читать, тетрадь и ручку — будет хорошо учиться, счеты — будет хорошо считать, ножницы — будет портным, катушка с нитками — будет долгая счастливая жизнь. В настоящее время родители ребенка часто заменяют традиционные предметы атрибутами современной жизни, такими как микрофоны (станет популярным певцом или артистом), телефоны и пр.

На этом обряде присутствуют все родственники. Как только ребенок взял в руки предметы, каждый из гостей кладет на стол деньги, и ребенок обязательно должен взять деньги, так как это символизирует богатство. Кроме этого, во время асянди принято одаривать всех пришедших на празднование, особенно старшее поколение родственников: как правило, им дарят полезные мелочи и приятные сувениры.

Традиционно празднование проходило в первой половине дня, так как существовало поверье, что чем раньше состоится празднование, тем раньше ребенок женится, что считалось хорошим знаком. Сейчас это представление уже не так актуально, поэтому выбор времени празднования зависит от других обстоятельств.

В заключение можно сделать вывод, что асянди действительно является самым значимым праздником для русских корейцев. За вековую историю тесного сосуществования с другими этносами их традиционная обрядность обогатилась заимствованиями, которые отличают культуру корё сарам от культуры современной Кореи. Основные изменения коснулись обрядов и их атрибутов, которые изначально были привязаны к трудовой деятельности народа — аграрным и природным культурам.

1. Лим Э. Х. Традиционная культура корейцев в обрядах жизненного цикла. Южно-Сахалинск, 2015. С. 6.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э.А. Неманова

История сохранения культурного наследия Республики Корея

К. В. Лазарева

Новосибирский государственный университет

Концепция культурного наследия формировалась в 1940–1970-х гг., в том числе усилиями ЮНЕСКО — организации, созданной с целью содействия международной безопасности путем развития сотрудничества в области просвещения, науки и культуры, обеспечения законности прав человека, а также основных свобод для всех народов без различия расы, пола, языка или религии. В 1954 г. появилась Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. В рамках Конвенции категория «культурные ценности», позднее приравненная к «культурному наследию», получила развернутую характеристику, прежде всего, в связи с проблемами реституции.

Проблема сохранения культурного наследия в Республике Корея была отчетливо обозначена уже в 1960-е гг. в связи с преодолением сложностей в передаче национальной культуры, которые возникли во времена японского колониального правления, а также из-за стремительного экономического развития страны.

Становление культурного наследия, как значимого для общества института в Корее, берет начало в период японской оккупации (1910–1945 гг.). Закон «О храмах и кумирнях», принятый в 1911 г., предписывал инвентаризацию всех движимых и недвижимых буддийских объектов; регламентировал обязанности настоятелей монастырей по сохранению религиозного наследия.

В период 1910–1919 гг. были приняты законы, посвященные охране культурного наследия, построенные на основе статусного права: «Об утраченных и разрушенных древностях» (1909); «Об охране храмов и гробниц» (1911); «О сохранении памятников эпиграфики» (1916). Основные положения законов были заимствованы из законодательства позднего Мэйдзи и Тайсё и изменены в соответствии с целями колониальной администрации.

По окончании периода оккупации и раскола Кореи на два государства в Республике Корея в 1945 г. было создано Управление по делам бывшего королевского дома для решения вопросов, касающихся культурного наследия страны. В 1955 г. Управление было реорганизовано и «Список объектов культурного наследия» был переименован в «Список объектов национального достояния».

В 1961 г. указом президента было создано Управление по делам культурного достояния, главной целью которого стало создание законодательной базы и регистрация памятников культурного наследия, а также установление и развитие сотрудничества с партнерами ЮНЕСКО в других странах в интересах интеграции программ изучения, сохранения и популяризации культурного (в том числе нематериального) наследия Республики Корея. Позже при Управлении были созданы Институт культурного наследия и Национальный этнографический музей.

В 1962 г. вышел закон «Об охране культурного наследия». В законе было выделено четыре категории культурного наследия: «материальное культурное наследие — архитектурные сооружения, рукописи, древние документы, картины, скульптуры; нематериальное культурное наследие — объекты культуры, обладающие высокой исторической или художественной ценностью (театральные постановки, музыкальные произведения, искусство танца, игровые практики, ремесленное искусство и др.); этническое культурное наследие — традиции, сезонные обряды, ежегодные празднества; памятные места — места, представляющие археологический интерес (храмы, древние погребения, раковинные кучи, крепости, дворцы)».

Становление законодательной базы охраны объектов культурного наследия в Республике Корея корнями уходит в практики XVIII–XIX вв. В XX в. ее развитие было связано с законами «О сохранении культурных ценностей Республики Корея» (1982); «Об охране традиционных буддийских храмов» (1987), согласно которым, наследие корейского народа было взято под особое попечительство со стороны государства.

Большое влияние на практики сохранения и популяризации культурного наследия оказали законы: «О защите древних городов» (2004); «О защите культурного наследия и природных ресурсов» (2006); «О восстановлении культурных ценностей» (2010); «О защите захороненных культурных ценностей» (2010); «О защите и продвижении нематериальных культурных ценностей» (2015).

Таким образом, концепция культурного наследия в Республике Корея обрела системный характер; при этом нематериальное культурное наследие соотносилось с соционормативной, гуманитарной культурой; а популяризация наследия была неотделима от актуализации этнонациональной идентичности. Эта тенденция продолжает усиливаться. В настоящее время культурное наследие рассматривается как фактор, объединяющий Корейский полуостров в едином историко-культурном пространстве и способствующий консолидации корейского сообщества.

Научные руководители — д-р ист. наук, проф. И. В. Октябрьская

Трансформация религиозно-мифологических представлений якутов в постсоветский период

С. А. Михайлова

Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск

В конце XX в. традиционная культура демонстрировала высокую адаптивность и огромную вариативность. Данное явление получило название «ренессанс традиционализма», характерной чертой которого стал высокий рост национального самосознания [1].

В постсоветский период возник огромный интерес к традиционному миропониманию. Мифология якутов наиболее полно была отражена в эпосах олонхо. В них представлены пантеон божеств *Айыы* и низшая мифология — духи среднего мира и *абааһы* (*абаасы*), населяющие все три мира. Основополагающим мотивом является борьба добра (в лице людей) и зла (сил абааһы).

Активно трансформируются в настоящее время образы божеств *Айыыһым* (*Айыысыт*) и *Иэйэхсит*. В старину их представляли пожилыми женщинами, что было отражено в обрядах жизненного цикла; сегодня в массовой и элитарной культуре они представлены как молодые женщины, олицетворяющие материнство: это собирательный образ якутской женщины. В то же время антагонистические образы низшей мифологии остаются неизменными. Абааһы (злые духи) — как правило, жители нижнего мира — предстают в виде зоо- и антропоморфных чудищ и богатырей-абааһы (уродливых, одноглазых, одноногих). С. Ю. Неклюдов говорит о низшей мифологии как о демонологии и ее устойчивости в мифологической традиции [2].

Мифология якутов тесно взаимосвязана с религией. Так, в XXI в. появляются религиозные направления. «Айыы үөрэбэ» Л. А. Афанасьева-Тэриса основана на том, что у главного божества *Үрун Айыы Тойона* есть в общей сложности девять ипостасей, которые могут давать до 63 образов (божества культа Айыы рассматриваются как дети и помощники); также есть девять небес, символизирующие морально-нравственные пути развития человека. В «Аар Айыы итэбэлэ» В. А. Кондакова присутствует вера в *Үрун Аар Тойона*. Это учение отличается тем, что в нем имеются свои святые (23 *Айыы Ботура* 'богатыря Айыы'), храм, уважение к белым шаманам. По В. А. Кондакову, они охраняют народ своим священным «алгысом» и распространяют народную медицину. «Айыы танара итэбэлэ (Тэнгри)» Л. В. Федоровой является первой тенгрианской организацией. В данном направлении главное божество — *Тэнгри (Танара)* — *Үрун Аар Айыы Тойон* является создателем всего на свете (в том числе основных *аруахов* — добрых духов айыы и абааһы). Основные традиционные религиозные верования якутов Л. В. Федорова связывает с тенгрианскими истоками (это уважение к священным местам — рощам, озерам, холмам), а также с главным якутским праздником *ысыах*.

Отражением мифологии является орнамент. Он представляет собой сложную художественную структуру и состоит из упорядоченного сочетания элементов-мотивов. Антропоморфный мотив женской фигуры в якутском народном искусстве отражает расцвет культа женских духов-ладычиц *Айыыһыт* и *Иэйэхсит* — покровительниц человеческого рода и скота. Он трансформировался в лировидный орнамент (центральный мотив с функциями оберега). Наиболее распространенными орнаментальными мотивами сегодня являются трансформированные композиционные орнаменты. Своими работами известен народный мастер республики Мандар Уус. Он выделяет 17 видов орнаментальных мотивов и приводит 603 примера. Сегодня орнаментальные мотивы активно используются в сочетании со знаками, предложенными Л. А. Афанасьевым-Тэрисом. Знаки «ус кут» ('три души'), знак «Айыысыт» (в виде пересекающихся ножниц и стрелы) в качестве *харысхал* (оберегов) в ювелирных изделиях, изделиях из дерева, повседневной одежде.

Таким образом, в ходе «ренессанса традиционализма» в Якутии происходило активное обращение народа к своим истокам, обращению к традициям, возрождению и развитию народных мастерских. Созданные религиозные направления дали новый виток развития традиционной культуры народа, а также позволили традиционной орнаментике трансформироваться и расширяться путем синтеза с религиозными знаками в предметах современной повседневности.

1. Брагина Д. Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX — начало XXI в.). Новосибирск, 2016. 120 с.
2. Неклюдов С. Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности [Электронный ресурс] // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov8.htm> (дата обращения: 07.02.2022).

Научный руководитель — канд. истор. наук, доц. К. М. Яковлева

Тувинский обряд хам-дыт дагылгазы в современных условиях

А. А. Ондар

Тувинский государственный университет, Кызыл

В современной социокультурной жизни Тувы одним из наиболее известных тувинских праздников является *дагылга* (обряд освящения местности, объектов природы). Этот обряд — локальный вариант хорошо изученного общего традиционного культа природы народов Южной Сибири и Центральной Азии [1].

Участники хам дыт дагылгазы называют себя потомками аймака Кара-Сал Барун-Хемчикского района Тувы и отсчитывают родство от Кара-Сала Мандат-оола Биче-ооловича (20.10.1938 — 15.03.2000), сына шамана Кара-Сал Биче-оола Чаячыевича.

Мандат-оол Биче-оолович работал председателем администрации с. Эрги-Барлык Барун-Хемчикского района, а супруга Кара-Сал Александра Хопуй-ооловна (10.03.1938 — 01.06.2014) — бухгалтером администрации. У них также было свое животноводческое хозяйство в местечке Шолук хову вблизи с. Бижиктиг-Хая Барун-Хемчикского района. С 1994 г. супруги Кара-Сал Мандат-оол и Кара-Сал Александра и их десять детей (пятеро сыновей и пять дочерей) начали проводить ежегодное освящение родовых мест хам-дыт дагылгазы.

Отец Кара-Сал Мандат-оола Биче-ооловича Кара-Сал Биче-оол Чаячыевич был шаманом. В советские времена шаманам нельзя было практиковать, но он тайно занимался этим, лечил детей (*сылдаңнаан бичии уруглар эмнеп-домнап турган*). Название обряда хам-дыт дагылгазы восходит к его практике, так как дедушка-шаман именно на этом родовом месте, где растёт *дыт* ('лиственница'), «питался энергией», просил силы для камлания у своих предков, молился. Именно Кара-Сал Биче-оол Чаячыевич назвал лиственницу хам-дыт. Когда отменили все запреты на религиозную деятельность, его сын решил в 1994 г. продолжить дело отца и начал проводить родовой сбор. Данный обряд проводится именно в этом месте Хам-дыт вблизи с. Эрги-Барлык Барун-Хемчикского района. Место проведения обряда ни разу не менялось. В 1994 г. обряд провел приглашенный шаман, а в последующие годы родовой сбор проводился старейшинами рода Кара-Сал.

Приехав на родовое место, молодые аймака привели его в порядок, приступили к разделке барана. А старейшина и другие пожилые родственники подготовились к зажиганию костра, к обряду саң салыры. Каждая семья «кормила огонь» — *ак аъш-чемниң бажын саңче салыр*.

Дагылга для рода нужна для того, чтобы молодые продолжили славные традиции, историю своего рода, знали свои корни. Молодые должны поддерживать память о своих предках, знать кто они и чем они занимались, чтоб между родственниками были тесная, прочная, кровная связь, чтобы все друг друга знали и поддерживали.

Все участники просят у своих предков рода здоровья, счастья, благополучия и т. д. Далее три раза кругом по часовой стрелке обходят родовое дерево дыт. После обряда

на специальном месте, где установлены *ийи ыяш* ('две палки'), участники мероприятия развешивают кадаки и шелковые буддийские флаги. Далее все родственники начинают трапезу, общение, знакомятся с новыми членами аймака. Затем проводятся различные соревнования и конкурсы: *хуреш*, *аскак-кадай* ('хромая баба'), соревнования по бегу, эстафета и т. д. Некоторые родственники были одеты в тувинские национальные *кандаазын* (безрукавка), *тон* (халат). После проведения обряда молодые родственники в обязательном порядке убирают за собой мусор. Затем все участники сбора отправляются в с. Кызыл-Мажалык, где отдыхают, ночуют у родственников. Утром кызыльчане уезжают в Кызыл.

1. Дагылга: тувинские обряды освящения в XXI веке. Кызыл, 2021. 188 с.

Научный руководитель — канд. культ., доц. Ш. Б. Майны

Хурал как основная форма религиозной практики современных буддистов г. Улан-Удэ

А. Т. Чернинова

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

В буддийских храмах молебен называется *хурал*. Хуралы, по мнению верующих, обладают огромной силой, способной помочь человеку в решении различных жизненных проблем. Во время хуралов *дацан* (буддийский храм) наполняется благотворной, духовной силой, способной очищать все вокруг и всех находящихся там.

Хуралы бывают малые и большие; читаются они каждый день (в основном на тибетском языке) и длятся в среднем 1–2 часа. В настоящее время в дацанах проводится пять больших хуралов: *Гандан шунсэрмэ*, *Лхабаб Дуйсэн*, *Майдари*, *Дуйнхор* и *Зула*. Малые хуралы, как правило, специализированные, они посвящены конкретному божеству и связаны с определенной жизненной ситуацией или просьбой. Так, *Цэдо* посвящен долголетию; *Табан харюулга* — от плохих снов, дурных помыслов; *Барчад Ламсэл* — для устранения препятствий; *Бардо Солдэб* — для ушедших, для успешного перерождения; *Дара Эхын даллага* — для быстрого достижения целей; *Намсарай* — для материальных благ; *Отошо* — от болезней, для укрепления здоровья.

Обычно перед посещением дацана принято совершать *гороо* (обход по кругу, по ходу солнца) вокруг дацана минимум один раз. По наставлению лам, когда человек совершает *гороо*, ему не следует отвлекаться или с кем-либо разговаривать, нужно сконцентрироваться на внутренних ощущениях. В *дуган* (зал, где проходят хуралы) можно заходить во время хурала, однако желательно приходить заранее. Также важно соблюдать простые правила: невежливо громко разговаривать и обсуждать посторонние темы, указывать пальцем в сторону алтаря и изображений божеств; ни в коем случае не стоит сидеть, скрестив ноги; разговаривать по телефону — необходимо поставить его на беззвучный режим либо же вовсе выключить; недопустимо агрессивно себя вести, сквернословить.

Основная часть хуралов содержит обязательный элемент — обряд *сэржэм* ('подношение «золотого напитка»'). Как правило, подносят свежезаваренный чай или молоко. В процессе обряда ламы обращаются к защитникам учения и просят их принять подношение, чтобы на жизненном пути не было преград. Также в завершении хурала совершается обряд *даллага абаха* ('призывание богатства') — обряд призывания благодетели, духовного счастья и материального благополучия. Даллага бывают разные: призывание Будды богатства *Баян Намсарай* (монг.), призывание долголетия, призывание *Зеленой Тары* и т. д. Таким образом, хуралы являются важной составляющей духовной практики современных буддистов, по мнению лам, участие в хуралах необходимо для верующих, так как таким способом накапливаются заслуги и достигается просветление.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э. А. Неманова

УДК 304.4

Современная исламская община в Бурятии

Д. А. Шадрин

Восточно-Сибирский государственный институт культуры, Улан-Удэ

Современная исламская община в Бурятии хоть и не столь многочисленна, как другие конфессии, такие как буддизм или православие, но все же имеет достаточно большое число последователей, в частности, благодаря местной религиозной организации мусульман МРОМ, которая содействует диалогу и взаимному изучению традиций разных культур, устранению ксенофобии. МРОМ города Улан-Удэ укрепляет отношения с традиционными религиозными организациями Республики Бурятия и участвует в круглых столах, научно-практических конференциях, в Совете по межрелигиозному взаимодействию при главе Республики Бурятия.

Можно смело утверждать, что развитие деятельности исламской общины в последние годы происходило не с нуля. Так, по данным архива Улан-Удэ, в 1930 г. в Бурятии функционировало пять мечетей, в которых служило пять мулл. Общее количество верующих тогда составляло 389 человек. Процесс формирования и развития новых культурных групп, для членов которой ислам является общим знаменателем, активизировался с начала 1990-х гг. вследствие массовой внутренней миграции и усилился с началом 2000-х гг. с притоком иностранных рабочих, в большинстве своем жителей независимых государств постсоветского пространства.

На сегодняшний день происходит трансформация мечети в важный институт взаимодействия мусульманской общины и мигрантов, устанавливаются связи с государственными и общественными структурами, занимающимися вопросами религиозной и национальной политики. Культурно-просветительская деятельность центральной мечети Улан-Удэ связана с пропагандой духовных, нравственных и социально значимых ценностей ислама: упорства в поисках знаний и повышения своего духовного уровня, здорового образа жизни, уважения к старшим, к женщине и семейным ценностям, уважение к религиозным и историко-культурным традициям народов России, честность в торговле и бизнесе и т. д. Это, несомненно, способствует интеграции мусульманского сообщества в информационное и социокультурное пространство республики, а оно имеет возможность влиять на процессы, происходящие в окружающей среде и контролировать мусульман и мигрантов.

Развитие ислама в современной Бурятии — явление, вполне органично вписывающееся в религиозные процессы постсоветского периода. Как и в других регионах России, это связано с либерализацией религиозной жизни страны и во многом основано на связи собственно этнического и религиозного возрождения. Однако активизацию ислама в республике вряд ли можно рассматривать в контексте такой перспективы. Во-первых, он не имеет генетических связей с предыдущими историческими периодами, а во-вторых, это связано с явлениями и процессами, возникшими только в постсо-

ветский период, сопряженными с постсоветской миграцией из Средней Азии. Сегодняшний ислам в Бурятии — явление совершенно новое. Интерес к нему объясняется тем, что его распространение сопровождается формированием нового социокультурного ландшафта.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Э.А. Неманова

ШКОЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ И ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ

уДК 397

Аргал и его значение в традиционной культуре бурят

А. В. Бурнакова

Лицей № 200, Новосибирск

Скотоводство является одним из традиционных видов хозяйственной деятельности бурят, которым они занимаются испокон веков. Оно составляет основу жизнеобеспечения и материального благосостояния народа, будучи источником пищи и сырья для бытовых и хозяйственных нужд.

Традиционное хозяйство народов Сибири высоко адаптировано к условиям окружающей среды и характеризуется безотходностью производства, чему способствовал опыт предшествующих поколений, выстроенный с учетом местных природно-климатических условий. Подтверждением этому может послужить такая прозаическая вещь для жителей степной зоны, как *аргал* — высушенный помет/кизяк крупного рогатого скота, который применялся и применяется бурятами во многих сферах жизни.

Ввиду недостатка дров аргал служил основным видом топлива у степняков. Аргалом растапливают очаг или железную печку в юрте или в летнем жилище и готовят на нем еду. В настоящее время многие буряты используют аргал как топливо весной, летом и осенью, а в зимнее время печи в домах растапливают дровами. Проблема заготовки дров в последние годы в регионах проживания бурят стала актуальнее из-за сезонных пожаров и незаконной вырубке леса.

Сухой и измельченный аргал, так называемый хохир, служит теплой подстилкой для скота. Буряты считают, что это залог хорошей зимовки. Подстилку заготавливают зимой в специальных сооружениях из бревен (*балгааһан*) на открытом воздухе, складывая в него замерзший коровий навоз, чтобы он высох. Использовать его в хозяйстве можно было со следующей осени. Замерзший на зимнем выпасе скот хорошо отогревается на теплой подстилке. Если она холодная, то животные могут заболеть, похудеть и ослабнуть.

Также в прошлом хохир клали в качестве подстилки под рожавшую женщину. Полагали, что от него исходит необходимое для роженицы тепло, а также что он обладает определенными гигроскопическими и антисептическими свойствами. Ребенок буквально падал из утробы матери на эту подстилку, и лишь после того, как он издавал первый крик, его брала на руки повитуха. Еще одной причиной использования аргала в процессе родов было религиозно-мифологическое представление о том, что он обладает защитными свойствами, поскольку выступает производным огня, являясь топливом.

В традиционной культуре монгольских народов аргал и даже корзина для его сбора считались предметами, охраняющими благодать. Поэтому его часто использовали в ритуалах, направленных на очищение, например во время похорон человека. Само

действие представляло собой окуривание человека, жилого пространства, домашнего скота дымящимся аргалом; этот ритуал был направлен на очищение и защиту.

Убежденность в антисептических свойствах аргала способствовала его широкому применению в народной медицине. Его использовали в виде компрессов при лечении заболеваний и травм суставов, гнойных абсцессов, а также послеродовых осложнений у женщин.

В свете последних событий 2020–2021 гг. — распространения коронавирусной инфекции и массового заболевания домашних коров инфекционными болезнями в Бурятии и Забайкалье — люди вновь стали использовать аргал в ритуально-очистительных целях. Так, в мессенджере «Вайбер» прошел призыв делать это и проводить буддийские обряды, посвященные Белому старцу, который считается покровителем животных.

В 2020 г. в СМИ появилась информация, что по инициативе буддийской сангхи в Кяхтинском районе Бурятии создается оборудование для получения биогаза из аргала для заправки транспортных средств. По заявлению экспериментаторов, с 2019 г. было проведено много испытаний и тестов. При этом эксперты научились осуществлять добычу газа, его очистку от различных примесей, лишнего запаха. В итоге экспериментаторы получили чистый газ.

В наш век глобальных трансформаций, происходящих в том числе в жизни и культуре бурят, можно уверенно сказать, что аргал не утратил своего значения. Во многих бурятских селах все еще применяют его в качестве вспомогательного топлива. Вполне возможно, что в ближайшем будущем аргал можно будет использовать как альтернативный вид топлива. Также сохраняется и его применение в качестве ритуального средства для окуривания.

1. Жуковская Н. Л. Судьба кочевой культуры. Рассказы о Монголии и монголах. М., 1990.
2. Содномпилова М. М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М., 2019.
3. Шараева Т. И. Обряды жизненного цикла калмыков XIX — начала XXI в. Элиста, 2011.
4. <https://car.ru/news/automobili/81412-buryaty-i-hotyat-zapravlyat-avto-biogazom-iz-kizyaka/>
5. <https://invite.viber.com/?g2=AQAYFXgqhpEbF0iyiqSGv ia4AoWLwEsI8jcO3gv%2FfP22 iBvBOo0OftMUEbaZnI6v&lang=ru>

Научный руководитель — канд. ист. наук В. А. Бурнаков

УДК 39

Возможности развития семейного туризма (на примере Беловского и Гурьевского районов)

М.Р. Веретенникова

Региональное отделение «Малая академия наук»
при МБУДО ДТДиМ, Белово

Большинство современных людей практически не проводят время на природе. Поэтому мы решили изучить проблему развития местного туризма.

Цель работы — исследование возможности активного, культурно-исторического и экологического туризма в пределах территории Беловского и Гурьевского районов. Задачи исследования: проанализировать понятие семейного туризма; определить интересы и предпочтения местного населения в сфере отдыха и туризма; разработать маршрут для семейного отдыха. Исходя из поставленной цели и задач, объектом исследования стала сфера активного, культурно-исторического и экологического туризма, а предметом исследования — факторы и причины, влияющие на организацию семейного туристического отдыха.

Сейчас организация туристических походов становится все сложнее в связи с множеством требований и правил. Поэтому для большинства детей и подростков возможность посетить достопримечательности связана именно с семейным туризмом.

Чтобы понять, насколько хорошо взрослые и подростки знакомы с местными достопримечательностями, мы провели опрос. По его результатам можно сделать вывод о том, что взрослые имеют гораздо большее представление о природных и культурных памятниках, чем подростки. Интересы подростков часто ограничиваются объектами, которые расположены в центре города: городские парки развлечений, кинотеатры и магазины. Однако даже взрослые не смогли назвать уникальные природные объекты, которые находятся на территории Кузбасса, в качестве туристических маршрутов.

Для расширения представлений школьников и их родителей о маршрутах семейного туризма, мы подготовили информацию об объектах культуры и природы, которые можно посетить в Беловском и Гурьевском районах. Отсутствие знаний о природных и иных достопримечательностях изучаемых районов ограничивает возможности развития семейного туризма. Популяризация культурного и природного наследия, напротив, расширяет его диапазон.

1. Винокуров М. А. Что такое туризм? // Известия Байкальского государственного университета. 2004 [Электронный ресурс]. <https://cyberleninka.ru> (дата обращения 11.12.2019).
2. Мурашова Е. Почему наши дети перестали ходить в походы [Электронный ресурс]. <https://snob.ru/entry/188249> (дата обращения 21.11.2019).

3. Санитарно-эпидемиологические требования к устройству и организации работы детских лагерей палаточного типа СанПиН 2.4.4.3048-13 [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс.

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. И. Ю. Верчагина

УДК 39

Фотография из семейного альбома

Я.Е. Гайн

Абрамовская СОШ, Абрамово

В семейном фотоальбоме хранится свадебная фотография прабабушки Розы Романовны и прадедушки Климентия Вентлиновича в свадебных нарядах, в кругу своих друзей. Фотография сделана в с. Абрамово Куйбышевского р-на Новосибирской области. Свадьба состоялась в традициях российских немцев. В центре фото жених и невеста. На невесте венок, который она сделала своими руками из бумаги и воска. У жениха цветок, который готовила ему невеста из той же бумаги, и длинная белая лента — по длине платья невесты. Такие же ленты и цветок на друзьях жениха. На фото в основном родственники и друзья из числа российских немцев. Фотография сделана 6 марта 1956 г. — тогда было положено начало большой, крепкой, трудолюбивой немецкой семьи.

За историей фотографии стоит история народа, депортированных российских немцев. В августе 1941 г. перестала существовать Автономная Республика Немцев Поволжья. Население отправили в Сибирь и Казахстан. В Новосибирскую область переселили 133 684 человек; в Куйбышевский район немцы прибыли в основном из Саратовской области. Депортированных расселили в с. Новоичинское, Медведкино, Назарово, Булатово, Абрамово, Осинцево, Верх-Ича, Патрушево. Среди них была и семья моего прадедушки. Семья прабабушки была депортирована в Красноярский край, Тюхтецкий район, с. Соловьевка. В 1950 г. они переехали к родственникам в г. Куйбышев, и Роза, как самая старшая в семье, пошла работать в артель «Металлург».

После знакомства с ней прадедушка из с. Абрамово ходил в гости за 3 км: зимой на лыжах, летом пешком, — для влюбленных не было преград. Прадедушка был первым гармонистом на деревне, а прабабушка — очень хозяйственной и красивой девушкой. В 1956 г. они сыграли свадьбу (после того как 13 декабря 1955 г. вышел указ Президиума ВС СССР о снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении). Ликвидация режима спецпоселения стала отправной точкой для реабилитации немцев. Люди стали увереннее смотреть в будущее, строить планы.

На фотографии все радуются. Появилась возможность открыто соблюдать традиции — играть свадьбы, несмотря на то, что провести свадьбу в тех жизненных условиях, в которых находились немцы, было не так-то просто.

На фотографии стоит обратить внимание на свадебные наряды жениха и невесты. Согласно традициям, наряд невесты шили своими руками. Особое значение придавалось головному убору — венку (*der Brautenkranz*). Головной убор — главная деталь костюма. Он наделен особым значением: цветы и листья символизируют плодородие, носителем которого и является женщина.

У жениха на левой стороне груди крепилось украшение Strauss. Это букетик, который состоял из тех же цветов, которые были в венке невесты. К букету крепилась лента белого цвета, которая должна быть очень длинной: считалось, что чем длиннее лента, тем продолжительнее будет совместная жизнь супругов.

Но почему же мы видим на фото такие украшения у всех присутствующих молодых людей? На этот вопрос ответила сестра Розы — Екатерина Романовна, которая присутствовала на свадьбе. Она рассказала, что было принято, чтобы и у друзей жениха также крепились букетики с лентами, но ленты должны быть короче, чем у жениха. Парни выступали в роли свидетелей. По традиции свидетелей может быть до шести человек. Самыми серьезными на фотографии выглядят жених и невеста. Вглядываясь в их лица, невольно думаешь, что они очень внимательно всматриваются в свое будущее.

Фотография — это отпечаток реальности, схваченный момент времени. Но также фотография — это свидетель истории, как семейной, так и «большой» истории народа, страны.

Научный руководитель — Л. К. Орда

УДК 39

Ручная швейная машинка Singer – три эпохи семьи Зениных

Н.С. Зенина

Толмачевская СОШ № 61, Толмачево

Семейные реликвии — это своеобразный ключ к прошлому. В каждой семье есть вещи прадедушек, прабабушек. В моей семье тоже есть такая вещь — ручная швейная машинка Singer. Мне захотелось узнать подробнее о ее происхождении, судьбе людей, которым она принадлежала, чтобы затем понять, кто я. Ручная швейная машинка моего прадеда — символ уходящей эпохи.

Источником информации для воссоздания истории реликвии стали мои мама и бабушка. Также была использована информация из сети Интернет.

Ручная швейная машинка Singer стала семейной реликвией семьи Зениных, так как ей владеет уже третье поколение. С ее приобретением моим прадедом Дроздецким Петром Яковлевичем связана история моей семьи.

Любопытно, что год выпуска швейной машинки совпал с годом рождения моего прадеда — 1905 г. Эту информацию мы определили по серийному номеру на панели: J-981.130.

Точную дату покупки машины назвать трудно, это приблизительно 1945–1950 гг. П. Я. Дроздецкий, по словам бабушки, говорил: «Вятские мы», — значит, он родился где-то возле р. Вятки. Потом был переезд в с. Буранное Курганской области. Там он приобрел швейную машинку у скорняка, который приезжал из Петухово на лошади с телегой.

Бабушка рассказывает, что в телеге много было разного товара, в том числе маленький сундучок, где было много всякой мелочи. Разные свистульки для детей, иголки для шитья. Скорняк обменивал свой товар, мой прадед сдавал овчину, кости, бумагу, тряпки — взамен скорняк, возможно, и отдал эту швейную машинку. С тех пор прадед начал шить. Он держал овец, сам выделывал шкуры, сам дубил и, как мог, шил полушубки из овчины для своей семьи. Даже сшил платишко для своей маленькой дочки Нины. После окончания школы она получила специальность закройщика. Машинка ее отца всегда выручала, всегда можно было справиться обнови семье. Несколько лет моя бабушка работала закройщицей и портнихой. Встретилась со своим будущим мужем — Александром Александровичем Осовцом.

Он родился в с. Осова Емільчинского района Житомирской области, Украинская ССР; служил во Львове. Жил в разных городах, работал водителем, стал секретарем партийной организации. Говорил, что его партия послала осваивать голодную Каршинскую степь в Узбекской ССР, чтобы строить там коммунизм.

Поженились мои дедушка и бабушка 26.10.1969 г. в г. Карши Узбекской ССР. Они прожили вместе 35 лет, у них родились две дочери. Швейная машинка переезжала вместе с моей бабушкой Ниной. Много лет она обшивала своих дочек Таню и Наташу. Ба-

бушка работала главным бухгалтером Областного Хокимията, дедушка много лет был инспектором народного контроля, потом директором училища № 45 г. Карши.

Мама родилась и выросла в г. Карши УзССР, училась в КГПУ на факультете истории. Мой папа родился в с. Толмачево Новосибирской области. Советская Армия послала его охранять южные рубежи нашей Родины, и он два года служил в Узбекистане. В 1989 г. познакомились мои папа и мама (в то время она была студенткой). В 1991 г. — в год распада СССР — они поженились. В 1993 г. переехали на родину к папе в с. Толмачево. Так машинка Singer оказалась в Сибири и до сих пор служит нам верой и правдой! Всегда в доме найдется, что подшить.

Таким образом, машинка — главный свидетель истории моей семьи. Три эпохи (Российская Империя, СССР, РФ) пережила машинка Singer, объединила три фамилии: Дроздецкие, Осовец, Зенины, сменила три места жительства — Курган, Карши, Толмачево и три страны — СССР, Узбекистан, Россия.

История вещи помогла мне узнать историю семьи. Обычный предмет позволил заполнить пустые страницы памяти. В такие моменты как никогда понимаешь, что семейную историю нужно хранить, потому что родственные связи представляют вечную и безусловную ценность.

Научный руководитель — Т. А. Зенина

УДК 39

Реликвия семьи Ренпеннинг

В. В. Ивченко, И. И. Панкрац

Неудачинская СОШ, с. Неудачино

Семь лет существует в с. Неудачино Татарского районана Новосибирской области дом-музей Абрама Яковлевича Штеффена, рассказывающий о немецкой культуре. В коллекции музея есть много духовных книг, песенников на немецком языке; есть Библии. Одна из них является семейной реликвией семьи Ренпеннинг. Библия в кожаном переплете темно-коричневого цвета напечатана готическим шрифтом в Берлине в 1905 г.; она выглядит потрепанной; на ее первых страницах сохранились записи семейной хроники.

Библия принадлежала Екатерине Генриховне Ренпеннинг. В архиве музея хранятся ее военный билет от 1940 г., характеристика с работы 1948 г., почетные грамоты 1957 и 1960 гг.; свидетельство о смерти от 10.05.1960 г.

Документы и вещи позволяют воссоздать страницах истории семьи и народа. Библия, о которой идет речь, была свадебным подарком Генриха Ивановича Ренпеннинг и Екатерины Гардер Их свадьба состоялась 29 июля 1918 г. Считается, что тексты из Библии освящают жизнь людей, брак становится светлым и чистым. Обязанностью молодой семьи является каждодневное чтение Библии. Она была настольной книгой семьи Ренпеннинг. Некоторые страницы очень потертые. На первых листках есть записи. Их перевод с немецкого открыл подробности семейной истории: под грифом «Фамильная хроника» идет заголовок «Имя, день рождения, место рождение супруга» и запись «Генрих Ренпеннинг, Фурстенау, 16 июля 1887 г.». Следующий заголовок — «Имя, день рождения, место рождения супруги»: «Екатерина Гардер, Минстерберг, 27 декабря 1887 г.».

Свадьба состоялась 29 июля 1918 г. в присутствии пресвитера Якова Фокта в Гальбштате (Барнаул). Бракосочетание сопровождалось псалмом: «Утешайся Господом, и Он исполнит желание сердца твоего». Вероятно, эта запись на немецком языке была сделана в 1918 г. самой Екатериной Гардер после свадьбы красивым почерком.

На третьей странице запись сделана шариковой ручкой в 1960 г. дочерью Генриха Ивановича на немецком языке: «Моя третья мама Екатерина Ренпеннинг, 9 мая, в 8 часов утра 1960-го года, умерла от инсульта ...ее похоронили в Неудачино. Похороны были у Нейфельдов во дворе. Проповедник из Исилькуля читал погребальную проповедь». Эти данные подтверждает свидетельство о смерти от 10 мая 1960 года.

Библия стала проводником в прошлое. В семье передается легенда:

Или легенда, или правда — неизвестно, но рассказывают, что во время царствования Наполеона и его нашествия на Германию и другие страны некая супружеская пара в Германии нашла брошенного на произвол судьбы мальчика. На шее у него был медальончик с надписью на немецком (пфенинг), лежал мальчик в борозде (рене). Ре-

шили дать ему фамилию Ренпеннинг. Было это где-то в 1800–1812 гг. Воспитали его немцы, имя дали ему Иоганн — Иван. Это был первый Иван Ренпеннинг, и было у него 10 детей. Его сын Иван Иванович имел 13 детей.

В семейном архиве действительно есть запись о том, что Ренпеннинг Иван Петрович родился 15 октября 1812 г. Остается только предполагать, что эта легенда действительно соответствует истине.

Генрих Иванович Ренпеннинг родился 16 июля 1887 г. в Фурстенау (Украина, Молочная), в семье Ивана Ивановича Ренпеннинг и Екатерины Вилимзен, был девятым ребенком из тринадцати.

В 1915 г. Иван Иванович Ренпеннинг (1843–1915) купил своим сыновьям Ивану, Петру, Генриху, Игнату и Якову землю в Ключевке в Сибири; сам же остался на Украине. Хутор разрастался, к 1926 г. там было пять домов; в основном там жили Ренпеннинги — 34 человека. Земли было не менее 100 десятин, работников хватало. Был большой сад, выращивали пшеницу, овощи. Дальнейшая жизнь семей Ключевки была связана с селом Неудачино.

В 1909 г. Генрих Иванович Ренпеннинг женился в первый раз. Анализируя Библию семьи Ренпеннинг, можно составить ее историю, которая впервые была переведена с немецкого языка в ходе исследования. От трех браков в семье родилось семь детей. Четверо умерли в возрасте около года. События 1940-х гг. трагически отразились на семье Генриха Ивановича. Дочь Елизавета попала в трудовую армию и пропала без вести, а сын Генрих, будучи в армии с 1939 г., также был мобилизован в трудармию, где сильно заболел и умер. Единственная дочь Екатерина еще в годы войны начала работать медиком; прожила 87 лет, но детей у нее не было. Жизнь она закончила в Неудачино рядом со своими родственниками.

Листая старую Библию, говоря о своей двоюродной бабушке, ее близкие вспоминали теплую печь, пышные блины с клубничным вареньем, подушки, вышитые гладью. Таким образом, семейная Библия является абсолютной ценностью не только для членов семьи, но и всех людей.

Научный руководитель — И. И. Панкрац

УДК 39

Познаю свои корни

Д. Кузнецова

Козловская СОШ, Новокозловское

Пандемия COVID-19 стала большим испытанием. Она коснулась и моей семьи. От этой страшной болезни ушел из жизни мой дедушка Владимир Бернгардович Фур, которого мы очень любили. Он был очень добрый и активный человек, несмотря на свой возраст. Прошел год, но не было ни дня, чтобы мы не вспомнили о нем. Однажды, перелистывая семейный альбом, я обратила внимание на фотографию, на которой изображены двое взрослых и двое детей. Оказалось, это родители моего дедушки, а мальчик справа — он сам. Если дедушке на фото примерно четыре года, значит, оно сделано в 1939 г. Следующим моим вопросом к маме был: «Где сделана эта фотография?» Мама ответила, что на тот период семья деда проживала в Автономной Республике Немцев Поволжья. Эта страница моей семьи стала для меня открытием. Я поставила перед собой цель — изучить историю своей семьи; проследить судьбу немцев Поволжья накануне, во время и после Великой Отечественной войны, используя архивы и воспоминания моего дедушки.

Я собрала много фотографий из семейных архивов, копии документов (архивные справки о реабилитации и др.). Беседа с моей мамой помогла мне понять, где лежат корни нашей семьи.

В Центре немецкой культуры нашего села мне предложили прочитать несколько документальных повестей, написанных российскими немцами, пережившими депортацию из Поволжья. Эти книги произвели на меня огромное впечатление, и я утвердилась в своем намерении написать работу о народе, который пережил много горя и страданий.

Из изученных мною материалов прихожу к выводу, что депортация немецкого народа оказалась тяжелым испытанием. Для исцеления этих ран потребовались годы. Я горжусь своим дедушкой и хочу быть такой же упорной, целеустремленной и так же, как он, любить жизнь во всех ее проявлениях.

Переосмысление себя как части народа, восстановление родовой памяти, воспитание ответственности перед ушедшими и грядущими поколениями и сознательного отношения к истории человечества — важная задача каждого на пути к себе. Мы взрослеем, учимся самоуважению, и этим обусловлен наш интерес к нашим корням.

Научный руководитель — А. А. Новикова

Литературный маршрут по родным местам Семена Данилова

А. Л. Лаптева

Бердигестяхская СОШ им. С. П. Данилова, с. Бердигестях, Якутия

Горный улус, в частности, Мытахский наслег — район, где выросли выдающиеся мастера литературы и искусства. Но до сих пор не разработано ни одного литературного маршрута по их произведениям. Об этом в местной газете «Сила труда» № 102 за 2020 г. была опубликована статья члена Союза Российских журналистов, заслуженного работника образования РС(Я), краеведа Владимира Прокопьевича Парфенова. В статье говорится, что в нашем улусе должен быть разработан и функционировать круглогодичный литературный маршрут по их произведениям.

В 2022 г. исполняется 105 и 100 лет со дня рождения братьев Семена и Софрона Даниловых, выдающихся народных писателей Якутии. В связи с этим мы разработали литературный маршрут по местам, воспетым в стихах Семена Данилова.

Задачи работы: анализ стихотворений поэта, посвященных объектам и историческим местам им воспетым; формирование маршрута экскурсий; увековечивание памяти о родном дяде поэта Иннокентии Тимофееве, сыгравшем большую роль в его жизни; увековечивание памяти о месте рождения поэта установкой баннера в местности «Эчирбэ» на территории НПП «Синяя»; установка в рекреации школы световой карты литературного маршрута.

В центре исследования: стихи и родные места поэта С. П. Данилова.

Знакомство с его поэзией способно пробудить бережное отношение к природе, повысить интерес к произведениям поэта, желание пройти по этому маршруту.

Встретившись и поговорив с краеведом Владимиром Парфеновым, мы узнали новые дополнительные сведения о жизни Семена Данилова. Литературный маршрут по родным местам Семена Данилова позволил по-новому воспринять знакомые строки его стихотворений, глазами поэта взглянуть на свой родной край.

Научный руководитель — М. А. Антонова

УДК 39

Семейная реликвия – икона Господь Вседержитель

А. В. Лейб

Казачемысская СОШ, с. Казачий мыс

Целью данной работы является определение роли иконы Господь Вседержитель в сохранении памяти и передаче семейных ценностей жителей с. Казачий Мыс Новосибирской области. Исследование опирается на работы Н. В. Розенберг, С. Л. Горяченко, И. А. Разумовой, Д. Я. Романовой, посвященные анализу семейных традиций в повседневной жизни как важной составляющей формирования духовной культуры современного человека. Для атрибутирования иконы использовались работы Д. Вальчака и Н. П. Кондаковой. К составлению истории семьи были привлечены документы семейного архива, интервью Н. В. Молодых и В. П. Лейб. Содержание работы определили биографический метод, метод микроистории и комплексный анализ. Атрибутирование иконы показало, что семейная реликвия представляет собой домовую подкладную икону, написанную ориентировочно во второй половине XIX в. Известно, что храм Дмитрия Солунского, покровителя казачества, в с. Казачий Мыс существовал с середины XIX в.

В ходе исследования удалось проследить историю иконы в семье Лейб. Был сделан вывод, что она принадлежит трем поколениям рода и передается по женской линии. Было определено, что икона играет важную роль в сохранении семейных ценностей и традиций: ею благословляли на брак, перед иконой молились в трудную минуту, она была непременным атрибутом православных праздников. Не все представители рода были верующими, но уважительно относились к религиозным убеждениям членов семьи и не препятствовали сохранению реликвии, осознавая ее ценность для сохранения родовой памяти.

Старшее поколение, став невольными свидетелями разрушения сельского храма, сохраняли основы нравственного воспитания в семье. Ценностные установки, наследуемые в роду, помогли восстановить храм. Это произошло в 2013 г.

Научный руководитель — Л. А. Алферова

УДК 392.3

Человек-легенда: мой прадедушка Гергард Гергардович Нейфельд в детстве и взрослой жизни

М. А. Лисичкина

Неудачинская СОШ, с. Неудачино

В семейном архиве нашей семьи хранится фотография 1904 г. На фотографии Гергард Гергардович Нейфельд, мой прадедушка, ему два года. Рядом с ним его родители: прапрадедушка Гергард Гергардович Нейфельд и прапрабабушка Елена Яковлевна Нейфельд (Ремпель). Уроженец Днепропетровской области (Гольштадский район, с. Либенау) Г. Г. Нейфельд родился 21.08.1902 г. в многодетной семье. Мой прадедушка был старшим сыном. В 1914 г. он приехал с родителями с Западной Украины и всю свою жизнь прожил в Неудачино. В 1937 г. женился на Марии Ивановне Ренпеннинг. В 1941 г. моего прадедушку забрали в трудармию под Оренбургом. Там он работал кузнецом. По состоянию здоровья в апреле 1943 г. был комиссован и вернулся домой. В деревне продолжал работать кузнецом, токарем. В трудные послевоенные годы смастерил машину для сортировки зерна, получил звание «Мастер-изобретатель» В 1954 г. его пригласили на выставку ВДНХ в Москву. Общий стаж его работы составил 48 лет, из которых 47 лет он проработал в Неудачино кузнецом, токарем, плотником, слесарем и сварщиком.

Умер Г. Г. Нейфельд 02.04.1970 г. — мой прадедушка прожил трудную, но достойную жизнь, был примером для родных и односельчан.

Мне удалось создать родословное древо по линии предков мамы, найти важные исторические события, которые соответствует историческим событиям в нашей стране.

Научный руководитель — Л. В. Коньгина

УДК 39

Мои бурятские предки: родословная как семейная реликвия у бурят

А. Макаренко

Гимназия № 6 «Горностай», Новосибирск

Генеалогия (греч. *γενεαλογία* ‘родословная’) — историческая дисциплина, занимающаяся изучением истории родов, происхождения отдельных людей, установлением родственных связей. Генеалогия имеет большое значение в изучении вопросов происхождения рода и семьи.

Цель данного исследования состоит в изучении особенностей культуры родословий одного из самых многочисленных сибирских народов — бурят. Материал, который подвигнул меня на это проект, — сохраненное моим прадедушкой Александром Константиновичем Дырхеевым (по-бурятски Шуулай) родословное древо, а также его воспоминания, представленные в книге «Эхо прошлого Дэрхеэрэг».

Буряты относятся к монголоязычной группе народов, а их особенностью является то, что они хранят в памяти имена представителей старшего поколения. До сих пор при встрече одним из первых буряты задают вопрос *Хаанаһаа б ши?* — ‘Откуда ты, чей ты?’. У бурят в целом принято почитание старших, дедов и прадедов, что обязывало каждого ребенка учить имена своих предков и знать свои корни. Родословие в понимании бурят — не пустые слова, обычно история рода представлялась в конкретных лицах, в их судьбах, биографиях, делах. Буряты рассказывали с подробностями о своих предках, предках соседей, знакомых, земляков, знали их по именам и гордились ими.

Бурятский народ состоит из четырех племен: булагат, эхирит, хори и хонгодор, которые носят имена своих легендарных предков — Булагата, Эхирита, Хоредоя и Хонгодора. Помимо этих основных племен есть роды, вышедшие из Монголии и Джунгарии. Буряты с запада Иркутской области часто носят фамилии, образованные от русскоязычных имен своих предков и русских слов. В семье моей прабабушки были фамилии Красиковы, Сахаровские, Протопоповы.

В XX в. ученый Ц. Б. Цыдендамбаев писал, что у бурят существует давняя традиция учить детей запоминанию имен своих предков по отцовской линии в пределах семи или девяти поколений. Такая традиция связана с законом, запрещавшим вступать в брак кровным родственникам. В нашем роду есть книга моего прадедушки А. К. Дырхеева и книги его племянника П. С. Дырхеева «Очерки истории верхоленских бурят» и «Верхоленские буряты». Прадедушка оставил свое родословное древо, в котором упомянуты 17 поколений. Я — восемнадцатый.

Мой прадедушка Александр Константинович Дырхеев происходит из рода шаманов, родился на севере Байкала в с. Атарай (Кузнецы) Качугского района Иркутской области. Фамилия моей мамы — Дырхеева — образована от имени одного из предков, Дырхе. Моя мама Надежда Сергеевна Дырхеева — бурятка. Она родилась в г. Улан-Удэ. Мой папа Иван Михайлович Макаренко — русский, родился в г. Курган. По родословной

моего папы я четвертый. Мой папа знает имена своих бабушек и дедушек. Согласно составленной нами для этого проекта родословной женской линии моей мамы, я седьмой.

Знание своей генеалогии необходимо, чтобы человек ощущал себя не одиночкой, а представителем древнего рода, связанным со своим племенем, с народом. Раньше это необходимо было для того, чтобы ближайшие родственники не переженились между собой, потому что в результате этого дети могут рождаться слабыми или больными. Изучая историю своих родственников, человек не только отдает дань памяти предкам, но и воспитывает в себе культуру, мудрость. Родословная нашей семьи представлена в электронном виде на сайте My Heritage (myheritage.com). Был проведен опрос среди моих родственников о том, важно ли знать свою родословную. Все опрошенные согласны, что людям полезно знать свою родословную, и они хотят ее знать. Каждый из нас должен отдавать детям не только материальные богатства и ценности, но и историю своей семьи. Мне кажется, если мы сможем учитывать и осознавать ошибки прошлого, то мы сможем легче увидеть свое место в жизни.

Научный руководитель — Н. С. Дырхеева, Г. А. Дырхеева

УДК 39

Портрет солдата. Психология войны

М. Мальчук

Троицкая СОШ, с. Троицкое

Мое исследование посвящено солдату, моему прадеду Николаю Осиповичу Краснолободцеву. Новизна данного исследования заключается в изучении особого явления — «человека воюющего», явления не только социального, но и психологического.

Тема Великой Отечественной войны занимает особое место в исторической памяти моей семьи. Реликвия моей семьи — портрет прадеда, на котором он запечатлен со всеми боевыми наградами. С портрета на меня смотрит человек с медалями на груди, с веселым, ироничным выражением глаз. Я видела немало фотографий фронтовиков, они все разные. Я задалась вопросом: можно ли сохранить такой живой глубокий взгляд, пройдя через войну. Так, портрет деда как исторический источник стал поводом для исследования.

Объектом исследования стал человек на войне; предметом — военная психология. Цель исследования — анализ психологии солдата в контексте развития военных действий на фронте. Я изучила ряд литературных источников, которые затрагивали проблему особенностей поведения человека в бою, выявила факторы, влияющие на психологическое поведение личности в военное время, попыталась реконструировать психологическое поведение прадеда в бою 16 апреля 1945 г., когда солдаты Белорусского фронта, где воевал прадед, начали штурм Берлина. В работе я опиралась на методы, характерные для биографической истории.

Война выявляет элементы психики, сформированные в мирное время. Качества человека проявляются неожиданно. Мужество, решительность, способность быстро реагировать и принимать решения — эти качества из набора простых слов на войне приобретают другое значение: они помогают человеку выжить. Попав на фронт семнадцатилетним мальчишкой, не имея боевого опыта, прадед не только дослужился до гвардии сержанта, но и был удостоен государственных наград за мужество и героизм. Опираясь на работы профессора Г. Е. Шумкова, основоположника военной психологии в России, доктора военных наук подполковника А. Б. Будяева, историко-психологические очерки Е. С. Сенявской и др., я выделила два вида военной психологии: коллективную и индивидуальную. Специалисты определили факторы, влияющие на психологическое поведение личности в военное время. К ним можно отнести место пребывания солдата, род войск и способности личности овладеть искусством ведения боя, менталитет отдельных социальных групп и социальный статус. Данные факторы подтвердились фактами военной биографии прадеда.

Работа с электронной базой архива сайтов «Подвиг народа» и «Память народа», позволила найти наградной лист прадеда с описанием подвига, схему продвижения дивизии, в которой он служил, уникальную карту расположения войск на Зееловских высо-

тах в день, когда прадедушка начал свой последний бой в этой войне. Был обнаружен документ времен Великой Отечественной войны, который свидетельствует о его гибели, указывается место его захоронения, что является ошибкой.

Живых свидетелей войны в нашей семье не осталось. Но большую помощь в работе мне оказал мой дедушка — сын Николая Оисповича. В семейном архиве я нашла ордена и медали, справки из военного архива Санкт-Петербурга о ранениях деда, его военный билет, записала воспоминания о нем. Обнаружила противоречие данных о контузии прадеда: в медицинских архивных справках сведений о контузии нет, а родственники свидетельствуют, что вернувшись он с войны «не говорил, а мычал, плохо слышал».

Мой прадед окончил войну в госпитале. Было ему на тот момент всего двадцать лет. В памяти моей семьи он всегда будет героем. Прошло всего 77 лет со дня разгрома фашисткой Германии, но коллективная память человечества дала трещину. Это не просто исследование, это моя война за правильную память.

Научный руководитель — Е. В. Мальчук

УДК 39

Клювоголовый конь у якутов (на примере музейных экспонатов)

П. Я. Парфенова

Ойская СОШ им. А. В. Дмитриева, п. Ойский, Якутия

Разнообразные предметы с изображением коня известны во многих древних культурах Сибири. С давних времен образ лошади широко используется в якутской культуре. Наше внимание привлекли образы лошадей с орлиным клювом. Новизна исследования заключается в попытке рассмотрения образа клювоголовых лошадей в традиционной культуре якутов. Цель работы — раскрытие образа клювоголовых лошадей в якутской культуре. В связи с этим поставлены следующие задачи: дать характеристику происхождения образов клювоголовых лошадей; сравнение с культурой других народов. Методы работы: изучение литературы, сравнение и анализ. Практическая значимость: использование в краеведческой работе.

Мы рассмотрели изображение лошади в широком сравнительном контексте. Крылатые кони с давних времен были частью мифологии многих культур. Образы клювоголовых лошадей перекликаются с древней пазырыкской культурой. Удивительно, что якутский народ смог пронести через тысячелетия подобные образы в своем фольклоре. Чтобы определить, откуда появился образ клювоголовых лошадей в якутской культуре, мы обратились к научным трудам, археологическим и этнографическим материалам. Упоминание о лошадях с «клювами» имеется в научных работах Г. В. Ксенофонтова, А. И. Гоголева, а также в якутских олонхо.

Нам известны пять артефактов с изображением клювоголовых лошадей в культуре якутов: три женских пояса, трубка из дерева из материалов А. И. Гоголева, найденная в погребении в местности Май Горного района, и одна подвеска из частной коллекции. Они олицетворяют образ древнего кочевого народа саха и перекликаются с изображением оседланной лошади, выполненным охрой на скале вблизи с. Тит Арыы Хангаласского района. Эти женские пояса предназначались для свадебного украшения. Согласно якутским преданиям, они являются оберегом *ыммы* для молодой невесты. Лошадь — хранитель, защитник невесты в роду мужа.

Научные руководители — П. Р. Ноговицын, М. И. Парфенова

УДК 392.3

**Моя семейная реликвия: военная фотография прапрадеда
Петра Ивановича Полшкова (1908–1985 гг.).
Судьба простого советского человека**

Е. А. Полинская

СОШ № 9, Татарск

Феномен советского человека обсуждается много лет. Каждый год вся Россия празднует День Победы. Мое исследование посвящено прапрадедущке, чтобы все знали, кем он был, какую жизнь прожил. Исследование ориентировано на воссоздание семейной хроники: необходимо как можно больше собрать информации о его потомках: внуках, правнуках и праправнуках, чтобы каждый из них знал и гордился родным человеком.

В 2022 г. исполняется 100 лет со дня образования СССР. В 100 лет укладывается жизнь трех поколений моих родных и близких, которые родились в Российской Империи, жили до 1991 г. в Советском союзе, а последние 30 лет — в Российской Федерации и Казахстане. Оттолкнувшись от знаменитой прапрадедовской фотографии Петра Ивановича Полшкова 1945 г., я начала поиск информации по родословной.

Прапрадедущка, родившийся в 1908 г., был уже 14-летним подростком, когда возник СССР. Он создал семью в годы коллективизации (1929 г.); работал в колхозе, имел четверых детей: старшая дочь Екатерина родилась в 1933 голодном году; средняя дочь Валентина родилась в год начала масштабных репрессий (1937 г.); Василий родился за два дня до Великой Отечественной войны 20 июня 1941 г., Нина родилась последней. Как жилось семье в годы войны?

Петр Иванович Полшков ушел на фронт в первых рядах. Прошел военными дорогами в разведке от начала до конца, получив три ранения, до Берлина. Много лет берег как самую дорогую реликвию свой снимок с другом: фотографию двух солдат-победителей в парадной солдатской форме и уже без оружия в руках. Снимок был сделан в первые победные дни 1945 г. Вернулся П. И. Полшков домой в конце 1945 г. с трофейным черным костюмом и решил изменить судьбу колхозника. Он уехал работать на бывшие Демидовские рудники в Восточном Казахстане.

Как зарабатывали жена Анна и дочь Екатерина на пропитание, рассказали их трудовые книжки колхозника и справка из «Книги трудодней колхозников» в Темниковском объединенном междуведомственном архиве по личному составу Мордовской ССР. Согласно трудовой книжке прапрабабушки Анны, в колхоз им. Ушакова она вступила в 1931 г., но сведения о работе в поле сохранились за 1950–1952 гг. Заработок в колхозе — это отдельная история. Так, за 219 отработанных человеко-дней (172 трудодня), Анна получила 1 руб. 56 коп. деньгами, 91 кг озимой ржи, 69 кг капусты, 17 кг гороха, 206 кг картофеля. В 1952 г. она заработала 1 руб. 50 коп. и 71 кг ржи. На это нужно было прожить год. Так же работали и дети. О том, что с самого раннего детства старшая дочь Катерина босиком по росе пасла телят, данных в книжке колхозника нет. Школу

она окончила только начальную. Есть справка Екатерины Петровны Полшковой о том, что она работала на ферме в 1950 г. и получила больше матери — 13 руб. 59 коп., а в 1952 г. с апреля до декабря получала от 20 до 30 руб. в месяц, всего — 642 руб. 50 коп. за 9 месяцев. С 26 марта 1951 г. до марта 1952 г. Катерина работала разнорабочей по ор-гнабору на торфопредприятии треста «Ижитор». Анна выбыла из колхоза в 1953 г. — ее отпустили к мужу, в Казахстан. Они проживали в Восточно-Казахстанской области, Глубоковском районе, п. Верх-Березовский. Работали в шахте.

Старшая дочь П. И. Полшкова, прабабушка Екатерина (15.06.1933 — 21.11.2013), в 1954 г. вышла замуж за Анатолия Ивановича Полинского (11.06.1930 — 21.04.2000). Мой дедушка Владимир Анатольевич Полинский родился 18.02.1960 г.

Мне удалось выяснить судьбы всех детей, внуков, правнуков Екатерины, Валентины, Василия и Нины Полшковых. Большая часть нашей семьи живет в России, часть — в Казахстане. На этом примере пяти поколений отчетливо видны исторические события страны.

Научный руководитель — О. В. Полинская

Событийный туризм в Новосибирске

К. Тарабаркин

АНО «Рост»

Мы живем в эпоху быстрого обмена информацией и широких возможностей для передвижения. Во всем мире сейчас интенсивно развивается туристическая сфера. Пандемия внесла свои коррективы в отношении дальних путешествий, а также заставила людей трепетнее относиться к своему здоровью и мировой экологии. Население стало более внимательно относиться к местам (странам) и тематикам путешествий. Молодых людей стал больше интересовать не пляжный отдых, а активный, культурный или оздоровительный. По указу, подписанному В. В. Путиным, 2022 г. объявлен Годом культурного наследия народов России.

Данное исследование посвящено культурному, событийному туризму в Новосибирске. Его цель заключается в том, чтобы воссоздать культурный календарь Новосибирска 2022–2023 гг. Это поможет развивать событийный туризм в городе.

Событийный туризм приурочен к каким-либо памятным датам и мероприятиям. События могут относиться к совершенно различным сферам. Они динамичны и очень разнятся по своему содержанию. Поэтому так же динамичен и событийный туризм. Он начал развиваться в 1980-х гг. Люди, попробовавшие такой вид туризма, пишут в своих блогах, что благодаря массовым мероприятиям можно лучше узнать и понять страну, не говоря уже о том, насколько более запоминающимся становится отпуск.

Очень ярким показателем перспективности развития событийного туризма является то, что он стал приоритетным направлением во многих странах, таких как Германия, Италия, Франция, ОАЭ. Увеличение спроса на событийный туризм заметно и в России. Согласно рейтингу «Национальное развитие событийного туризма в России», Новосибирская область с каждым годом занимает всё более высокие места в развитии этого направления. В 2021 г. наш город вошел в «Золотую лигу (Лучшие из лучших)», хотя в 2018 г. находился в «Серебряной лиге (Территория высокого потенциала)», а в 2017 г. был на последних строках рейтинга, в «Бронзовой лиге (Территория перспективного развития)».

Событийный туризм связан с развитием общественного движения и является частью программ по формированию положительного имиджа Новосибирска. Список дат, которые могут определить его содержание на 2022–2023 гг., огромен.

Так, 5 апреля исполняется 25 лет со дня принятия в эксплуатацию железнодорожного моста через р. Обь (Транссибирская железная дорога); 18 мая — 65 лет Сибирскому отделению Российской академии наук; 1 июня — 55 лет Новосибирскому высшему военному командному училищу.

У Новосибирска есть все возможности для развития событийного туризма. У города очень интересная история, яркая динамично развивающаяся культурная жизнь, сильные спортивные команды и выдающиеся научные достижения. Благодаря всем этим данным Новосибирск может стать одним из центров событийного туризма в стране.

Научный руководитель — Н. В. Климова

**К СБОРНИКУ
«ЖУРНАЛИСТИКА. ПЕДАГОГИКА. ПОЛИТОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ»**

УДК 373.24

**Использование игровых приемов
в логопедической работе с детьми с ОНР III уровня ***

Д. О. Самдан

Тувинский государственный университет, Кызыл

Речь для человека — важнейший фактор в его развитии и социализации. С помощью речи мы обмениваемся информацией, взаимодействуем друг с другом. Но существует множество людей, страдающих нарушениями речи. Причин возникновения таких дефектов множество: влияние экологии, наследственности, нездорового образа жизни родителей, педагогической запущенности. Люди с такими проблемами нуждаются в помощи специалистов.

Игра — единственная форма деятельности ребенка, которая во всех случаях отвечает его организации. Любая игра способствует развитию сразу нескольких качеств, задействует различные органы и психические процессы, вызывает разнообразные эмоциональные переживания. Игра учит ребенка жить и трудиться в коллективе, воспитывает организаторские способности, волю, дисциплинированность, настойчивость и инициативу.

Проблемой нашего исследования стало формирование полноценной речи у детей с общим недоразвитием речи III уровня при помощи игровых приемов. Ее актуальность определяет цель работы — изучить проблему формирования полноценной речи у детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи III уровня.

В современной логопедии нарушения речи никогда не рассматривались вне связи с умственным развитием ребенка, поэтому взаимосвязь речевой деятельности детей со всеми сторонами их психического развития должна быть в центре внимания логопеда.

Значение игры как ведущего всесторонне развивающего вида деятельности для детей дошкольного возраста позволяет широко использовать игровые приемы в логопедической работе. Также это выводит игру на первый план среди остальных методов коррекционного воздействия. Посредством игры и отдельных игровых действий в ходе занятий можно преодолеть ряд трудностей, возникающих при коррекционной работе с детьми с речевыми нарушениями, в том числе нарушениями связной речи.

* По техническим причинам эти тезисы не вошли в раздел «Педагогика» сборника материалов МНСК-2022 «Журналистика. Педагогика. Политология. Философия».

Таким образом, проблема целесообразного и адекватного использования игр и игровых приемов на разных этапах логопедической работы приобретает большое теоретическое и практическое значение.

Для устранения нарушений связной речи у детей дошкольного возраста мы разработали педагогическую технологию, в основу которой был положен игровой метод.

Опыт показал, что включение различных видов игр и игровых ситуаций в процесс обучения способствует успешному преодолению лексико-грамматического недоразвития у детей старшего дошкольного возраста.

Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Ш. Ю. Кужугет

К СБОРНИКУ
«БИОЛОГИЯ. МЕДИЦИНА. ПСИХОЛОГИЯ»

УДК 159.9

**Особенности копинг-стратегий преподавателей и студентов
на примере ТувГУ ***

Д. А. Ооржак

Тувинский государственный университет

В данной статье рассматривается проблема особенностей копинг-стратегий преподавателей и студентов разных направлений ТувГУ: как они преодолевают стрессовые ситуации на работе, учебе, повседневной жизни. Описаны результаты экспериментального исследования профессиональных различий использования копинг-репертуара.

Актуальность темы обусловлена малоизученностью копинг-стратегий в трудных жизненных ситуациях жителей не только Республики Тыва, но и всей России. Первым начал заниматься этой областью научных знаний и ввел в обиход термин *coping* Абрахам Маслоу. Впоследствии тему изучали Р. Лазарус, С. Фолкмен, П. Коста, Р. Маккрей, У. Лер и Х. Томэ. В отечественной психологии поведение людей в стрессовых условиях рассматривалось в основном в контексте преодоления экстремальных ситуаций. Многочисленные исследования в данной области показывают, что активное становление копинг-стратегий приходится на подростковый период [1].

Цель данного исследования — выявление особенностей копинг-стратегий преподавателей и студентов. Нами было выдвинуто предположение о том, что их копинг-стратегии отличаются: преподаватели реагируют на дискомфорт спокойнее, чем студенты.

В нашем исследовании всего приняло участие 35 человек, занятых в разных сферах деятельности, — 15 преподавателей и 20 студентов. Исследование проводилось на базе Тувинского государственного университета. Для диагностики копинг-репертуара преподавателей и студентов мы выбрали методику копинг-стратегий Лазаруса и Фолкмана. Этот опросник включает в себя восемь шкал, отражающих стратегии совладающего поведения: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, избегание, плановое разрешение проблем, положительная переоценка. Конфронтационная стратегия предполагает, что человек пытается решить проблемы за счет не всегда целенаправленной поведенческой активности, реализации каких-либо действий, которые направлены на изменение ситуации, или реакции на негативные эмоции в связи со сложностями. Под стратегией дистанцирования понимается попытка человека преодолеть негативные переживания и трудности в связи с проблемой за счет субъективного снижения ее значимости и сте-

* По техническим причинам эти тезисы не вошли в раздел «Психология» сборника материалов МНСК-2022 «Биология. Медицина. Психология».

пени эмоциональной вовлеченности в нее. Самоконтроль предполагает усилия по регулированию своих чувств и действий, а под социальной поддержкой понимается поиск информационной, эмоциональной поддержки. Принятие ответственности — это признание своей роли в проблеме и сопутствующие попытки ее решения. Стратегия избегания предполагает попытку преодоления личностью негативных переживаний в связи с трудностями за счет реагирования по типу уклонения: отвлечения, фантазирования, отрицания проблемы, неоправданных ожиданий. Стратегия планирования решения проблемы предполагает попытки преодоления проблемы при помощи целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения. Положительная переоценка предполагает преодоление негативных переживаний за счет положительного переосмысления проблемы, рассмотрения ее как стимула для личностного роста. Участникам была предложена ранговая система ответов: «часто», «иногда», «редко» «никогда».

Исследование показывает, что трудные жизненные ситуации преодолеваются мобилизацией личностных ресурсов, проявляющихся в определенных копинг-репертуарах. Характер стратегий зависит от особенностей личности, личного жизненного опыта и других психических факторов, которые влияют на человека.

По итогам исследования наша гипотеза подтвердилась. Преподаватели относятся к стрессовым ситуациям в силу своего пережитого опыта более спокойно. Эта работа позволила нам предположить, что предпочитаемой копинг-стратегией является избегание трудных жизненных ситуаций.

1. Киселева А. А., Кузьмин М. Ю., Козлов В. В. Особенности совладающего поведения [Электронный ресурс] // ИТС. 2020. № 4 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladayuschego-povedeniya> (дата обращения: 09.02.2022).
2. Климацкая Л. Г., Дьячук А. А., Бочарова Ю. Ю., Шпаков А. И. Стратегии совладания со стрессом у студентов во время пандемии COVID-19. методология исследования совладающего поведения [Электронный ресурс] // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-sovladaniya-so-stressom-u-studentov-vo-vremya-pandemii-covid-19-metodologiya-issledovaniya-sovladayuschego-povedeniya> (дата обращения: 09.02.2022).
3. Кора Н. А. Особенности жизнестойкости педагогов с разным стажем педагогической деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zhiznestoykosti-pedagogov-s-raznym-stazhem-pedagogicheskoy-deyatelnosti> (дата обращения: 09.02.2022).
4. Шелехов И. Л., Берестнева О. Г., Дубинина И. А. Особенности совладающего поведения студенток университета [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-sovladayuschego-povedeniya-studentok-universiteta> (дата обращения: 09.02.2022).

Научный руководитель — канд. психол. наук С. М. Момбей-оол

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Аблаева А. Б.	223	Зубченко Е. Е.	39	Назимов Е. С.	143
Ан На.....	226	Иванов А. А.	67	Некраш А. А.	49
Андросова Н. С.	173	Иванов Д. Д.	91	Несмеянова В. С.	107
Апрелков И. А.	79	Ивченко В. В.	253	Никифоров Е. Т.	206
Балган А. С.	191	Казимиров И. В.	200	Никулин Н. Д.	145
Большанина Н. А.	103	Кацер Н. С.	41	Оглоблин Г. В.	133
Братухина Д. С.	117	Керттик-оол Ш. С.	232	Ондар А. А.	240
Бурашникова К. С.	25	Ким Е. В.	234	Оолак Т. А.	208
Бурнакова А. В.	245	Кожаяева А. А.	175	Паванова А. К.	223
Величко А. В.	227	Колотовкин Е. Н.	87	Панкрац И. И.	253
Веретенникова М. Р.	247	Конин А. Н.	165	Парфенова П. Я.	263
Вицинская П. П.	149	Кононова С. А.	177	Пастухов К. С.	181
Воробьёв И. Ю.	105	Кононов А. А.	151	Письмак Д. А.	147
Воротнев Г. П.	119	Корниенко Е. Н.	85	Полинская Е. А.	264
Гайн Я. Е.	249	Корникова Я. Р.	179	Половников И. С.	71
Галымурза Р. А.	27	Котова Т. А.	125	Попондопуло И. Е.	91
Герасименко А. В.	81	Кравцова П. С.	17	Портнова А. А.	51
Говоров А. М.	83	Криничная П. В.	89	Потёмкина Н. С.	93
Гражданкина В. А.	29	Кузнецова Д.	255	Потехина Д. К.	153
Гречман А. С.	121	Кушекбаева А. Д.	223	Разуваев В. И.	211
Губар Ю. С.	193	Лазарева К. В.	236	Рыбакова А. Е.	95
Губенко Е. В.	31	Лазина А. А.	43	Рюмин И. В.	73
Давыдов Р. В.	61	Лаптева А. Л.	256	Сат О. С.	213
Данилов И. А.	229	Ларочкин А. А.	45	Сафенрайтер К. В.	97
Дедов И. Е.	7	Латышев И. Н.	47	Свирепов А. И.	135
Деревнина А. С.	9	Лебедева Л. С.	193	Селютина А. И.	21
Джайлаганов Д. А.	123	Лебедева Л. С.	69	Семенов А. А.	215
Дмитриев П. А.	33	Левина Е. В.	19	Силантьева А. Р.	183
Добрачев П. Е.	163	Лейб А. В.	257	Славинская Е. Е.	53
Долгушин И. Д.	11	Лисичкина М. А.	258	Сорокин М. Д.	155
Донгак Ч. О.	230	Локтев И. В.	202	Сорочкина А. А.	157
Дондокова Л. Б.	195	Луханин Д. А.	127	Стегниенко Е. И.	137
Дружинин Д. С.	13	Лях Д. А.	129	Сухачев В. А.	109
Дувен-Бады Ч. Ч.	197	Ооржак М.-Х. Ш.	210	Тамагашева А. Д.	111
Дульба Н. Б.	199	Макаренко А.	259	Тарабаркин К.	266
Елошкин Г. А.	35	Мальчук М.	261	Титова А. В.	55
Еремеева Е. А.	63	Марфичев Е. С.	79	Тихонов Г. В.	167
Ефименко У. В.	15	Медведева Е. М.	131	Тишкин А. А.	57
Зайцева Л. Г.	139	Мирошкин Е. В.	141	Ткачев В. В.	159
Зарипов Ш. Я.	37	Михайлова С. А.	238	Унагаев Р. О.	113
Зеленина Е. В.	65	Михайлова С. М.	204	Урюмцев Е. Р.	115
Зенина Н. С.	251	Мухачев Е. А.	81	Уткин М. В.	75

Федорова А. А.....	59	Черкасова О. В.	185	Шаманин Д. А.....	77
Фисюков В. А.....	169	Чернинова А. Т.....	242	Шутов О. С.....	83
Хиску К. П.....	217	Чернышева А. С.....	98	Щекурина Д. Е.	89
Цибулько Ю. А.....	161	Чиркова Я. В.....	221	Щипун О. И.....	23
Цыплаков С. Д.....	171	Чублова А. В.	187		
Цыреторова С. Г.....	219	Шадрин Д. А.	243		

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Археология каменного века

Дедов И. Е. Опыт экспериментального моделирования кострищ в Ферганской долине.....	7
Деревнина А. С. Долотовидные изделия финальноверхнепалеолитического культурного горизонта поселения Тайлеп-2 (Кузнецкая котловина)	9
Долгушин И. Д. Микроскопия скорлупы страуса и изделий из нее с плейстоценовых и голоценовых местонахождений Монголии.....	11
Дружинин Д. С. Древнейшие свидетельства заселения Патагонии человеком.....	13
Ефименко У. В. Орнаменты фигурок догу финального дзёмона с точки зрения семантики	15
Кравцова П. С. Индустрия начального верхнего палеолита горизонтов 6 и 5 памятника Толбор-4 (Северная Монголия).....	17
Левина Е. В. Экспериментально-трасологические исследования палеолита Горного Алтая: история и перспективы	19
Селютина А. И. Проблема выделения среднего палеолита на Корейском полуострове	21
Щипун О. И. Керамический комплекс позднего неолита археологического памятника Бойсмана-2	23

Археология эпохи палеометалла

Бурашникова К. С. Мясной рацион в скифо-сарматское время на территории Саяно-Алтая: состав погребальной пищи.....	25
Галымурза Р. А. Конская сбруя южного варианта кулайской культуры (по материалам могильника Каменный Мыс)	27
Гражданкина В. А. Изучение изображений лошадей на оленных камнях отечественными исследователями во второй половине XX века	29
Губенко Е. В. Археологическая коллекция бус с правобережья реки Енисей (Краснотуранский район, Красноярский край)	31
Дмитриев П. А. Разрушающие факторы культурного слоя на памятниках в устье реки Шаманка (Среднее Приангарье)	33
Елошкин Г. А. Каменная индустрия культуры паракас: значение и применение обсидиана на примере памятников PV62D13 и Анимас-Альтас	35
Зарипов Ш. Я. Вооружение саргатской культуры: историографический аспект	37
Зубченко Е. Е. Керамика еловской культуры: выделение сосудов одной школы (по материалам Еловского II могильника).....	39
Кацер Н. С. Наскальное искусство Среднего Приангарья: современное состояние и перспективы изучения	41
Лазина А. А. Методы естественных наук в изучении древней керамики юга Дальнего Востока (на примере памятника Солонцовая-2).....	43

Ларочкин А. А. Изучение древнего рыболовства на территории Западно-Сибирской равнины в трудах археологов 1930–1950-х гг.	45
Латышев И. Н. К вопросу об изучении военного дела Западной Сибири в эпоху ранней и развитой бронзы.....	47
Некраш А. А. Манипуляции с человеческим телом: по материалам погребений одиновской культуры Барабинской лесостепи	49
Портнова А. А. Мегалитическая культура Индонезии на примере каменных саркофагов острова Бали.....	51
Славинская Е. Е. О влиянии древних культур тихоокеанского побережья Эквадора на территорию Западной Мексики в доколумбовую эпоху.....	53
Титова А. В. «Импорт» в саргатской культуре: история исследования	55
Тишкин А. А. Предметы вооружения на оленных камнях как показатели социальной дифференциации древних кочевников	57
Федорова А. А. Мегалитическое наследие Юго-Восточной Азии: поле менгиров Хинтанг (Suan Hin Tang).....	59

Археология Средневековья

Давыдов Р. В. Мобильная мастерская: опыт натурной реконструкции рабочего места средневекового кузнеца-ювелира.....	61
Еремеева Е. А. Иконография тиванаку: антропоморфные и зооморфные мотивы в культуре тиванаку	63
Зеленина Е. В. Отношение к смерти и умершим у коренных народов Приенисейского края (по этнографическим данным качинцев, аринцев, кетов и эвенков)	65
Иванов А. А. Посуда из коллекции ОКН «Город Гижигинск»	67
Лебедева Л. С. «Иностраный след» в Гижигинске (1920–1930-е гг.).....	69
Половников И. С. Традиция изготовления рукоятей плетей из кости и рога: к вопросу о мобильности населения Среднего Енисея в I тысячелетии н. э.	71
Рюмин И. В. Традиции сросткинской культуры в погребальных памятниках Барабинской лесостепи эпохи развитого средневековья.....	73
Уткин М. В. Дендрохронологический анализ материалов с памятников Нум-Хибя-Сихэри VI и VIa	75
Шаманин Д. А. Жилища мохэской археологической культуры на Усть-Чёрнинском городище.....	77

Школьная секция

Апрелков И. А. , Марфичев Е. С. Процесс изучения раннесредневековых жилищ мохэ для подготовки реконструкций и экспериментов	79
Герасименко А. В. , Мухачев Е. А. Сибирский доспех эпохи бронзы. Макет и опыт использования	81

Говоров А. М. , Шутов О. С. Первичное описание руинизированного каменного сооружения на правом берегу реки Туба в районе деревни Ильинка Курагинского района Красноярского края.....	83
Корниенко Е. Н. К вопросу изучения и сохранения памятников истории и культуры в среднем течении реки Шилка (Сретенский и Могочинский районы Забайкальского края)	85
Колотовкин Е. Н. Перспективы поиска и изучения костровых конструкции визуальной (дымовой) сигнализации Шилкинской системы городищ.....	87
Криничная П. В., Щекурина Д. Е. История археологических исследований в Могочинском районе Забайкальского края	89
Попондопуло И. Е., Иванов Д. Д. Проблемы реконструкции фортификационных сооружений Шилкинской системы городищ.....	91
Потёмкина Н. С. К вопросу о применении дегтя средневековым населением НСО	93
Рыбакова А. Е. Погребение раннего железного века из Юго-Восточного Забайкалья	95
Сафенрайтер К. В. Способы фиксации обуви у средневекового населения юга Западной Сибири	97
Чернышева А. С. Спасательные археологические полевые работы на стоянке «Усть-Подогреевский-1» в Могочинском районе Забайкальского края.....	98

ИСТОРИЯ

История и культура Древности и Средневековья (Европа и Ближний Восток)

Большанина Н. А. Яблоко в индоевропейской мифопоэтической традиции	103
Воробьёв И. Ю. Почитание царей военными в Киренаике (III–II вв. до н. э.).....	105
Несмеянова В. С. Из Причерноморья в Лаций: дискуссия об истоках культа Дианы Неморенсис	107
Сухачев В. А. Представления о древности в памятнике «Римские деяния»	109
Тамагашева А. Д. Феномен куртуазной любви в трактате Андрея Капеллана «О любви»	111
Унагаев Р. О. Образ Иоанна Грамматика в сочинениях византийских иконопочитателей (IX–XI вв.)	113
Урюмцев Е. Р. К вопросу о денежном довольствии французской королевской армии и конвертации денежных единиц Французского королевства при Филиппе II Августе (1202–1216 гг.).....	115

Новая и новейшая история Европы и Америки

Братухина Д. С. Политический статус и права мигрантов категории Hispanics в США (2000–2015 гг.).....	117
---	-----

Воротнев Г. П. Критика «министерского деспотизма» накануне выборов в Генеральные штаты во Франции (1788–1789 гг.)	119
Гречман А. С. Влияние мажоритарной избирательной системы в Великобритании на представительство малых политических партий в палате общин	121
Джайлаганов Д. А. Полицейский произвол в отношении афроамериканцев в преломлении американского общественного мнения.....	123
Котова Т. А. Партия Die Linke в ФРГ: особенности трансформации.....	125
Луханин Д. А. От американского рабства к «положительным действиям» — из травмы в травму?	127
Лях Д. А. Образ Ангелы Меркель в германских и иностранных СМИ в период предвыборных кампаний 2005 и 2009 гг.	129
Медведева Е. М. «Деизм» и «атеизм»: восприятие терминов в Англии на рубеже XVII–XVIII столетий.....	131
Оглоблин Г. В. Основные направления обоснования королевской прерогативы в период правления первых Стюартов в Англии.....	133
Свирепов А. И. Ежегодное послание Президента США Конгрессу на примере посланий 2012 и 2016 гг.	135
Стегниенко Е. И. Equal Rights Amendment: 99 лет истории ратификации поправки о равных правах.....	137

История России X – первой половины XIX в.

Зайцева Л. Г. Посольство Ф. И. Байкова 1654–1658 гг. на территории Джунгарии: к реконструкции маршрута	139
Мирошкин Е. В. От Сибирского корпуса к Сибирской инспекции: армейские реформы Павла I в Сибири.....	141
Назимов Е. С. Российское управление Восточной Пруссией в период Семилетней войны 1757–1762 гг.....	143
Никулин Н. Д. Законодательные акты и экономическое положение томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря во второй половине XVIII века	145
Письмак Д. А. Процедуры судопроизводства в частях Сибирского корпуса во второй половине XVIII века	147

История России второй половины XIX – начала XX в.

Вицинская П. П. Юмористические периодические издания в общественно-политической жизни г. Красноярска в начале XX в.	149
Кононов А. А. Цепочка исков с участием крестьянина А. Заставенко в контексте изучения механизма работы Тулинского волостного суда Барнаульского уезда Томской губернии в 1914 году.....	151
Потехина Д. К. Палестина глазами сибирских паломников конца XIX — начала XX в.....	153

Сорокин М. Д. Составление базы данных для измерения неравенства в Барнауле в начале XX века на основе заявлений домовладельцев по квартирному налогу: проблемы методики работы с источником.....	155
Сорочкина А. А. Направления изучения городского социума Западной Сибири пореформенного периода в постсоветских исследованиях	157
Ткачев В. В. Эпистолярное наследие коллекционеров как источник для изучения художественной жизни Иркутской губернии во второй половине XIX — начале XX в.	159
Цибулько Ю. А. Влияние М. М. Зензинова на революционную деятельность В. М. Зензинова: взаимодействие отца и сына в контексте становления личности революционера	161

История общественно-политического развития в России в XX – начале XXI в.

Добрачев П. Е. Административная высылка и ссылка в карательной политике Советского государства в первой половине 1920-х гг.....	163
Конин А. Н. Информационное сопровождение газетой «Известия» процесса Промпартии 1930 г.: аспекты пропаганды и контрпропаганды	165
Тихонов Г. В. Школа в условиях нацистской оккупации	167
Фисюков В. А. Использование дела «врангелевского офицера» в конструировании образов Л. Д. Троцкого осенью 1927 года.....	169
Цыплаков С. Д. Рыбинское антибольшевистское восстание 1918 г.	171

Социально-экономическая история России в XX – начале XXI в.

Андросова Н. С. Идеологические кампании КПСС как инструмент воздействия на сферу культуры г. Новосибирска в конце 1960-х — начале 1970-х гг.	173
Кожаева А. А. Эволюция избирательного статуса торговцев в период проведения кампании лишения (1918–1936 гг.)	175
Кононова С. А. Интерпретация советского изобразительного искусства авторами и «рядовым зрителем» периода «оттепели» в Сибири	177
Корникова Я. Р. Женский вопрос в доктринальных представлениях большевизма 1920-х годов	179
Пастухов К. С. Взаимодействие старообрядческого сообщества и государственных институтов в Туве в 1970–1980 гг.	181
Силантьева А. Р. Трансформация партийной политики в отношении технической интеллигенции в конце 1920-х гг.	183
Черкасова О. В. Некоторые аспекты методологии изучения истории семьи в современной исторической науке	185

Чублова А. В. Социология конфликта Л. Козера как подход в изучении взаимодействия отечественного крестьянства и властных структур в первой половине 1930-х гг.....	187
--	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Народы Евразии: культурное наследие

Балган А. С. Конструирование изделий из кожи у тувинцев (на примере <i>сыдым</i> 'кожаный аркан').....	191
Губар Ю. С. , Лебедева Л. С. Состав красок на орудиях и украшениях из коллекции верхнепалеолитической стоянки Ушки V (п-ов Камчатка): палеоэтнографическая оценка	193
Дондокова Л. Б. Традиция усыновления в культуре бурят	195
Дувен-Бады Ч. Ч. Технология изготовления <i>тос-карак</i> у тувинцев.....	197
Дульба Н. Б. Особенности детской обуви тувинцев	199
Казимиров И. В. Курительные трубки эвенков	200
Локтев И. В. Тайкомоти как феномен японской культуры	202
Михайлова С. М. Классификация методов профилактики и лечения в народной медицине якутов	204
Никифоров Е. Т. Огонь в пространстве национального праздника Ысыях	206
Оолак Т. А. Изучение традиционной национальной одежды как способ эстетического воспитания школьников	208
Ооржак М.-Х. Ш. Технология изготовления костюма для национальной борьбы тувинцев <i>хуреш</i>	210
Разуваев В. И. Сакральная география Бурятии: традиции и инновации.....	211
Сат О. С. Женские накосные украшения народов Саяно-Алтая в современных условиях (на примере Тувы, Хакасии и Алтая).....	213
Семенов А. А. Воздушное погребение коня у якутов в XX веке	215
Хиску К. П. Трансформация архетипа Великой Матери в мифологии тюркоязычных народов Саяно-Алтая.....	217
Цыреторова С. Г. К вопросу происхождения родовых и общественных мест поклонения в традиционной культуре бурят	219
Чиркова Я. В. Рыболовство северобайкальских эвенков.....	221

Современные этнические процессы Евразии

Аблаева А. Б. , Кушекбаева А. Д. , Паванова А. К. Грузинская, турецкая, азербайджанская кухня в Алма-Ате: предпочтения потребителей	223
Ан На. Корпоративная социальная ответственность нефтяных компаний перед коренными малочисленными народами российской Арктики.....	226

Величко А. В. Кросс-культурные аспекты экскурсионной деятельности.....	227
Данилов И. А. Этнокультурная обусловленность функционирования эвенкийского языка в с. Сюльдюкар Мирнинского района Республики Саха (Якутия)	229
Донгак Ч. О. Этнодизайн в тувинском современном костюме	230
Кертик-оол Ш. С. Технологии выполнения изделий из войлока в школьных мастерских	232
Ким Е. В. Семантика обряда гадания в первый день рождения в культуре российских корейцев	234
Лазарева К. В. История сохранения культурного наследия Республики Корея	236
Михайлова С. А. Трансформация религиозно-мифологических представлений якутов в постсоветский период	238
Ондар А. А. Тувинский обряд хам-дыт дагылгазы в современных условиях	240
Чернинова А. Т. Хурал как основная форма религиозной практики современных буддистов г. Улан-Удэ	242
Шадрин Д. А. Современная исламская община в Бурятии	243

Школьное краеведение и этнография Сибири

Бурнакова А. В. Аргал и его значение в традиционной культуре бурят	245
Веретенникова М. Р. Возможности развития семейного туризма (на примере Беловского и Гурьевского районов)	247
Гайн Я. Е. Фотография из семейного альбома.....	249
Зенина Н. С. Ручная швейная машинка Singer — три эпохи семьи Зениных	251
Ивченко В. В. , Панкрац И. И. Реликвия семьи Ренпеннинг	253
Кузнецова Д. Узнаю свои корни	255
Лаптева А. Л. Литературный маршрут по родным местам Семена Данилова	256
Лейб А. В. Семейная реликвия — икона Господь Вседержитель.....	257
Лисичкина М. А. Человек-легенда: мой прадедушка Гергард Гергардович Нейфельд в детстве и взрослой жизни	258
Макаренко А. Мои бурятские предки: родословная как семейная реликвия у бурят	259
Мальчук М. Портрет солдата. Психология войны	261
Парфенова П. Я. Клювоголовый конь у якутов (на примере музейных экспонатов).....	263
Полинская Е. А. Моя семейная реликвия: военная фотография прапрадеда Петра Ивановича Полшкова (1908–1985 гг.). Судьба простого советского человека	264
Тарабаркин К. Событийный туризм в Новосибирске	266
<i>Самдан Д. О. Использование игровых приемов в логопедической работе с детьми с ОНР III уровня</i>	<i>268</i>
<i>Ооржак Д. А. Особенности копинг-стратегий преподавателей и студентов на примере ТувГУ</i>	<i>270</i>
Указатель авторов.....	272

Научное издание

МНСК-2022

АРХЕОЛОГИЯ • ИСТОРИЯ • ЭТНОГРАФИЯ

Материалы
60-й Международной научной студенческой конференции

10–20 апреля 2022 г.

Корректор *Т. А. Маркова*
Верстка *А. С. Терешкиной*
Обложка *Е. В. Неклюдовой*

Подписано в печать 19.10.2022 г.
Формат 60 × 84/8. Уч.-изд. л. 35,25. Усл. печ. л. 32,7.

Тираж 50 экз. Заказ № 80.

Издательско-полиграфический центр НГУ
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2.

Секции

АРХЕОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
ЭТНОГРАФИЯ

ISBN 978-5-4437-1294-9

N* Новосибирский
государственный
университет
***НАСТОЯЩАЯ НАУКА**

